

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 21 - 22

ПРОБЛЕМЫ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

An abstract geometric composition featuring a complex network of overlapping triangles and lines. The shapes are rendered in various shades of gray, from light to dark, creating a sense of depth and movement. The overall effect is a dynamic, non-representational pattern that serves as a background for the text.

21 - 22

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

Number 21—22

Edited by Frantisek Silnitsky and Larisa Silnitsky

Copyright 1988 by Frantisek Silnitsky
Problems of Eastern Europe

Manufactured in U.S.A.

Problems of Eastern Europe is an independent quarterly journal whose purpose is to foster readers' acquaintance with the political and economic thinking and political experience of the nations of Eastern Europe and the USSR. The peoples and states of the region are distinct from one another, a fact conditioned by their historical development. At the same time there exist analogous political and economic structures in all of the countries, as a result of which analogous problems emerge as well. Contradictions and conflicts exist in the region, many of which are cultivated on the basis of various nations' lack of information about one another, as well as insufficient communication between representatives of these peoples and the countries. Our aim is to make up for these deficiencies as much as possible.

We are grateful to the editors of journals issued in the West in the languages of the nations of Eastern Europe, as well as to the authors and publishers for permission to use their material.

Publication of this issue was made possible
by a grant from National Endowment
for Democracy

ПРОБЛЕМЫ

ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

21–22

NEW YORK

1988

Журнал редактируют:

Франтишек Силницкий
Лариса Силницкая

Сотрудники:

Людмила Алексеева
Борис Шрагин

Художник:

Лев Межберг

Набор:

Рая Вайль

* * *

“Проблемы Восточной Европы” – независимый ежеквартальный журнал. Задача журнала – способствовать ознакомлению читателей с политико-экономическим мышлением и политическим опытом наций Восточной Европы и СССР. Народы и государства этого региона отличаются друг от друга, что обусловлено их историческим развитием. В то же время во всех этих странах существуют аналогичные политические и экономические структуры, вследствие чего аналогичны и возникающие в этих странах проблемы. Существуют в этой области противоречия и конфликты. Многие из них культивируются на почве недостаточной информированности наций друг о друге и недостаточной связи между представителями этих наций и государств. Наша цель – по мере возможностей этот недостаток восполнить.

Мы выражаем благодарность редакторам выходящих на Западе журналов на языках наций Восточной Европы, а также авторам и издательствам за разрешение использовать их материалы.

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Людвик Вацулик. Исторический момент.</i>	7
---	---

Статьи

<i>Зденек Млинарж. Проблемы, обусловленные политической системой СССР, и возможности политической реформы</i>	11
<i>Борис Кагарлицкий. Перестройка: диалектика перемен.</i>	28
<i>Ян Винецкий. Перспективы развития хозяйств советского типа (ХСТ)</i>	58
<i>Джордж Урбан, Джорджо Наполитано. О Горбачеве, перестройке, Пражской весне и ИКП.</i>	129
<i>Владимир Кусин. Инакомыслие в Восточной Европе</i>	159
<i>Юрий Орлов. Смысл реформ Горбачева</i>	169

Национальная проблема

<i>Рой Медведев. Обострение национальных проблем в Закавказье.</i>	182
<i>Ян Т. Гросс. Выборы.</i>	192

Проблемы контроля над вооружениями

<i>Генри Киссинджер. Одержимость разоружением</i>	230
---	-----

20-я годовщина вторжения в Чехословакию

<i>Александр Дубчек. Ответы на вопросы корреспондентов „Унита“</i>	237
<i>Милан Гибл. Дерзость или невежество?</i>	261

Наш архив

Запись переговоров представителей ФКП с представителями КПСС и КПЧ.	266
<i>Людвик Вацулик. 2000 слов.</i>	287
<i>Н. С. Хрущев. Как мы обманули Гитлера</i>	295
Договор о ненападении между Германией и СССР.	307
Об авторах	311

CONTENTS

<i>Ludvik Vaculik. An Historical Moment.</i>	7
--	---

Articles

<i>Zdenek Mlynar. Problems Created by the Soviet Political System and Chances for Political Reform.</i>	11
<i>Boris Kagarlitsky. Perestroika: The Dialectics of Change</i>	28
<i>Jan Winiecki. Perspectives for the Development of Soviet-Type Economies.</i>	58
<i>George Urban and Giorgio Napolitano. Perestroika, the Prague Spring and the Italian Communist Party.</i>	129
<i>Vladimir Kusin. Dissent in Eastern Europe</i>	159
<i>Yuriy Orlov. The Meaning of Gorbachev's Reforms</i>	169

Nationality Problems

<i>Roy Medvedev. The Intensification of Nationality Problems in Transcaucasus</i>	182
<i>Jan T. Gross. Elections in the Western Ukraine.</i>	192

Arms Control

<i>Henry Kissinger. The Arms-Control Fever</i>	230
--	-----

20-th Anniversary of the Invasion of Czechoslovakia

<i>Alexander Dubcek. Answers to the Questions of</i>	
<i>Unita</i> Correspondents.	237
<i>Milan Hubl. Arrogance or Ignorance.</i>	261

Our Archives

Extracts of Discussions between Representatives of the FCP and Representatives of the CPSU and CPCZ	266
<i>Ludvik Vaculik. 2000 Words.</i>	287
<i>N. Khrushchev. How we Deceived Hitler.</i>	295
Non-Agression Pact between Germany and the USSR.	307
 About Our Authors	 311

Людвик Вацулик

ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ*

Министр-взяточник осужден и казнен! Освистан какой-то комитет! Начальник милиции наказан за подавление критики со стороны журналиста! На заводе идет обсуждение вопросов, связанных с управлением предприятием! К социалистической перестройке подключена кока-кола! Демонстрируются ранее запрещенные фильмы! Театры принадлежат актерам! Положен на полку неудачный проект об изменении течения рек! Реабилитированы честь и совесть!

Как социалист, я смотрю на все это с любопытством и недоверием; как чех – с иронией. Они снова думают, что они лучше нас, – и опять по праву сильного! Нет сомнения, что эта страна давно нуждалась во встряске; грустно, однако, что осознанная русским чиновником идея, как правило, не представляет собой ничего нового. Свидетельством этого – кибернетика сорок лет назад, позднее – джаз, и, наконец, сейчас – московская модель „Пражской весны” 1968 г. А наши люди с недоумением спрашивают друг друга: что ожидает нас в будущем? Я же не жду ничего, и даже не намерен ждать!

Я наблюдаю, как наше правительство маленькими дозами сообщает нам информацию, успокаивая при этом: у нас ничего

* Печатается без ведома автора.

такого не произойдет. „Каждое государство имеет право на свой путь”, – мужественно заявил Биляк. И мы, издавна желавшие, чтобы наше правительство не лезло никому ни во что, наконец-то такое правительство имеем! Как патриот, я знаю: копировать Советский Союз нам не нужно сейчас, не было нужно в прошлом (несмотря на то, что это говорил Биляк) и не будет нужно ни через десять, ни через сто лет. Что бы ни происходило в этой стране нынешних сенсаций, мы имеем право, как и в прошлом, действовать по собственному усмотрению. Для этого нам не нужен Горбачев, как не нужен и Биляк, разрешающий нам не копировать Горбачева. Давайте говорить искренне – они оба нам не нужны. Если бы сейчас из Москвы пришло распоряжение дать нам свободу, я бы восстал и отказался даже читать этот второй указ о терпимости.*

Мне приходит на мысль дело Гуса: католическая церковь, созревшая до понимания его идей, созрела и до решения причислить его к лику святых. Как католик, я должен был бы увидеть в этом торжество правды, характера и святого духа. Человек, однако, задумывается, что скажут на это мертвые с обеих сторон: „Господа, в конце концов, всегда договорятся друг с другом! Нужно было и нам переждать, чтобы жить!” Разве помимо этического дефекта нет в этом решении католической церкви и дефекта познавательного? Посмотрим на эту ситуацию в нынешнем контексте: церковь, существующая уже два тысячелетия, все та же неизменная церковь, протягивает руки ныне

* Имеется в виду указ о терпимости, изданный австрийским императором Иосифом II в 1781 г. — в период так называемого просвещенного абсолютизма. В соответствии с этим указом, были предоставлены бóльшие свободы протестантской и православной церквям Австрии, где ранее единственно признанной была католическая церковь. По указу, были расширены гражданские и экономические права верующих иных религий. Они получили доступ к академическим должностям и к государственной службе. Эти меры были направлены на максимальное использование государством способностей как можно большего числа людей и на выявление новых экономических ресурсов. Советская Энциклопедия называет этот и другие указы Иосифа II „попыткой преобразовать обветшалые австрийские институты путем реформ „сверху” (БСЭ, т. 1, стр. 264—265, Москва, 1970 г.).

живых в XV век и начинает проповедовать тогдашним живым. Значение священной кровавой борьбы сводится на нет заявлением римского посла, что предмет спора потерял актуальность и перестал иметь какое-либо значение для церкви! Я думаю, Гус, не желая нас разочаровывать, должен был бы сегодня заявить: „Зачем вы меня втягиваете в свои дела, я уже занимаюсь другими!“ Какими же? – должна была бы в первую очередь поинтересоваться церковь. Какие козни сейчас кует против нее новый святой?

Это интереснейшая проблема – теологическая, философская и нравственная. Мне не нравится, что ее намерены решить постановлением, характер и цели которого напоминают постановления политбюро: правду жертвы, которую даже отчасти не признали в свое время, теперь пытаются присвоить себе! Они начинают носиться с правдой, которая между тем тоже прожила свое время. Что же делать? Я ничего не предлагаю. Оставьте все так, как завершилось столь поучительное противоборство. Ведь правда о человеке и церкви, которую оно продемонстрировало, возможно, важнее правды о самом предмете спора.

Восхваления Гуса церковь могут отрицательно повлиять на всех еретиков и диссидентов, готовых скорее сгореть за правду или сжечь других, нежели тихо жить по правде, не заботясь войти в историю. Как гусит, я думаю, что было бы неинтересно погаснуть без пламени, от какой-то болезни, старости и усталости, без успеха, без преследования и мук!

С недоумением гляжу я на эту неприступную страну, которая с барабанным боем открывает рудники по добыче правды – с барабанным боем, фейерверком и даже с неожиданным личным обаянием, на которое, как я, европеец, надеюсь, могут клюнуть только американцы. Глядя на то, как святейший престол копается в нашем сундуке 1968 года, я чувствую отвращение, мудро нашептывающее мне: „Все в порядке. Это был их сундук!“ И я, старый идиот, недоумеваю, почему я не сознавал этого, будучи молодым идиотом.

„Производить качественные изделия“ – как неожиданно и смело! „Выдвигать несколько кандидатов на выборах“ – ух, вот это новинка! „Выращивать овощи у избушки!“

„Самостоятельное мышление” – как надолго? „Совесть как высший императив” – даже если вам это не нравится?

Мы все же желаем вам успеха. Так держать! Вас ожидают еще более смелые открытия: о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей, например. Но, что бы ни открыли, оставьте нас в покое, особенно, если вам этого не захочется.

Но я полагаю, что несмотря на мое и Биляка желание остаться в стороне, несколько бульжников из советских рудников по добыче правды обвалится на нашу голову. Таков уж закон политического резонанса между маленьким и большим тромбоном. Что-то наверняка произойдет.

Мне вспоминается анекдот о бедном еврее, который жаловался раввину, как тесно в его доме. Раввин посоветовал ему взять в дом козу, потом корову, потом теленка. Еврей поступал в соответствии с его советами. Становилось все хуже и хуже. Когда положение стало невыносимым, еврей снова пришел к раввину, и тогда тот велел ему выгнать животных из дому. Как легко стал дышать старый еврей!

Этим самым я, как социалист, хочу сказать: если у нас все же начнется процесс возрождения, то я буду ему радоваться – как тот бедный еврей.

СТАТЬИ

Зденек Млинарж

ПРОБЛЕМЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ СССР, И ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Предпринятые в прошлом попытки осуществить в СССР экономическую реформу потерпели крах не в последнюю очередь потому, что они натолкнулись на препятствия политического характера: они предусматривали перемены не только в экономической, но и в общественной и политической системах. Страх перед такими переменами превзошел, в конце концов, желание провести экономическую реформу.

И сейчас, все, кто противится политике реформ горбачевского руководства, надеются, что история повторится. В этом, как это ни парадоксально, консерваторы в СССР сходятся с теми на Западе, кто принципиально отвергает возможность советской системы эволюционировать и реформировать себя. И те и другие видят в возможной демократизации политической системы СССР угрозу монополюльной власти компартии.

Я же считаю, что советскую политическую систему можно реформировать, что она может эволюционировать, и что тем самым может измениться ее качество, и что это означало бы не гибель, а напротив, — подлинное развитие социалистического строя. Такая задача, однако, куда сложнее изменения системы экономического управления. При ее решении неизбежно возникнут серьезные конфликты между общественными слоями с

различными интересами и должны потерпеть поражение заинтересованные только в сохранении своих привилегий и не принимающие во внимание потребности общества.

Я не рассматриваю такого рода конфликты как проявление классовой борьбы. Я не считаю общественный слой, который связан в СССР с процессами руководства (так называемую правящую элиту), классом в марксистском смысле слова. Это не означает, однако, что такая общественная группа не существует и не занимает в обществе очень сильное положение. Поэтому запланированный новым советским руководством переход экономики в фазу интенсивного развития невозможно представить себе без серьезных конфликтов с частью этой социальной группы.

Этим проблемы не ограничиваются. Общественные силы, заинтересованные в сохранении статус кво и выступающие против реформ, действуют не только в рамках элиты. Существующая система предоставляет необоснованные экономические выгоды и некоторым группам рабочих, а также группам, связанным со „второй экономикой”. В то же время группировки, выступившие с инициативой реформы „сверху”, по социальному положению, безусловно, относятся к правящей элите.

Размежевание между сторонниками и противниками реформ (как экономических, так и политических) происходит во всех крупных социальных группах советского общества. Именно поэтому возможны как совершенно неожиданные коалиции, так и весьма различные по своему характеру столкновения. Это, в свою очередь, усложняет выработку программы политической реформы, такой же конкретной, как экономическая, и обеспечение поддержки этой программы со стороны большинства представителей всех общественных групп.

Нынешняя ситуация в СССР такова, что в области экономического управления уже имеется конкретное представление о необходимости изменения ряда институтов (Госплана, отраслевых министерств и отдельных предприятий), о взаимосвязях между ними и, главное, степени их автономии, но в политической системе ничего похожего не происходит. Призывы общего характера (например, к „углублению демократии” и „развитию самоуправления” и „новых методов политической работы”),

общим знаменателем которых является усиление критики, расширение гласности и осознание необходимости повышения эффективности руководящей работы, не дополняются конкретными представлениями о необходимых изменениях роли и структуры основных институтов политической системы.

Официальный тезис советского руководства — „перестройка и ускорение развития” советского общества — неосуществимы без демократизации всех сфер общественной жизни. Но что понимается под этим в нынешних советских условиях? Каких подлинных перемен можно ожидать в случае успеха реформаторской политики?

Даже для самого общего ответа на эти вопросы необходимо тщательный анализ исходных положений нынешней политики реформ в СССР.

Демократизация как средство достижения экономических задач

Как известно, основной целью перестройки в СССР является перевод советской экономики со стадии, на которой развитие обеспечивалось преимущественно за счет экстенсивных факторов (рост численности занятых в производстве, увеличение капиталовложений и т. п.), на стадию современного индустриального развития, на которой рост производства обеспечивается его интенсификацией (рост производительности труда, эффективности руководства, развитие науки и техники и т. п.). Такой переход требует от всех участников производственного процесса — от его руководителей до рабочих — инициативы и самостоятельности, новаторства, готовности экспериментировать, заинтересованности в замене привычных методов работы новыми, более эффективными.

„Но что мы видим сейчас? Кому в ходе перестройки хуже всех? Новаторам, активным людям, тем, кто не успокаивается на достигнутом. Эти люди разрушают установившийся стереотип работы некоторых руководящих кадров, заставляют их пошевелиться. Но эти кадры застыли на месте и не хотят менять старое мышление”, — так характеризует создавшееся положение Горбачев в своем выступлении в Краснодарском крае.

Но сказано это очень мягко, будто речь идет о личных чертах „нескольких руководящих работников”. В действительности же советская система в течение десятилетий отдавала предпочтение именно такому типу людей, ставя в невыгодное положение и даже подавляя людей с критическим и новаторским мышлением. Важно, однако, что нынешнее советское руководство сознает необходимость положить этому конец, сознает, что в противном случае перестройка потерпит крах. Нынешнее руководство сознает также, что сопротивление сил, заинтересованных в сохранении застоя, когда им были предоставлены значительные привилегии, можно нейтрализовать только путем давления снизу. Демократизация тем самым представляется необходимой для активизации антибюрократических сил.

Речь, собственно, идет не только о выкорчевывании косных методов руководящей работы, но и о преодолении таких явлений как коррупция, подавление критики снизу, взаимная защита и взаимопомощь бюрократов, достигаемые часто преступными методами материальные выгоды, разложение трудовой дисциплины, алкоголизм, пассивность. Все это создает особую социальную атмосферу, без преодоления которой цели перестройки останутся лишь на бумаге. Советское руководство пытается использовать демократизацию как средство борьбы с перечисленными явлениями. Эти исходные моменты, побуждающие нынешнее советское руководство обратиться к демократизации, существенно отличаются от того, что имеют в виду под развитием социалистической демократии на Западе не только каждый марксист или социалист, но и каждый рабочий. Для граждан развитых промышленных стран демократия (тем более социалистическая) должна решить проблему, как в рамках технократически управляемого функционирующего общества, в котором все усилия направлены на повышение эффективности (и достижение прибыли), действительно реализовать такие интересы, потребности и ценности, которые невозможно поставить на службу повышения эффективности (и достижения прибыли), но без которых жизнь человека теряет смысл. А в представлении советских руководителей демократия должна способствовать ликвидации бюрократической,

основанной на произволе власти, системы диктата над обществом и производительными силами. Она должна способствовать также созданию технократически управляемого функционирующего механизма, и только в случае успеха можно надеяться, что на последующем этапе развития требования к демократии на практике приблизятся к выдвигаемым западными левыми.

В последнее время в советской печати появляются сообщения о затирании неугодных бюрократам людей и даже об увольнении их с работы. Можно прочесть, что партийные бюрократы преследуют журналистов, критически освещавших деятельность бюрократов. В печати можно увидеть сообщения о конкретных случаях, когда не только руководящие работники „заботятся лишь о том, чтобы сохранить прежний порядок, сохранить свои привилегии, несмотря на то, что их действия противоречат социалистическим принципам, законам, морали и нынешней политике” (Горбачев).

Критика такого рода явлений и постепенное их устранение, безусловно, положительный акт. Это можно назвать процессом демократизации. Но это лишь один из аспектов демократизации, который представляется главным и самым важным лишь в советских условиях. Однако если сравнивать нынешние времена с последними годами брежневской эры, то вынуждены будем признать, что и на пути к демократизации был достигнут существенный прогресс.

Основные препятствия на пути политических реформ

Попытки изменить советскую политическую систему затрудняются и тормозятся рядом факторов, как объективных, так и субъективных, частично — действующих в течение продолжительного исторического периода, частично — присущих данному моменту. Но все они вместе взятые обуславливают и ныне табу на проблематику советской политической системы. О ней по-прежнему нельзя говорить так открыто, как уже дозволено обсуждать экономические проблемы.

Рассматривая происходящее в СССР в историческом аспекте, нынешнее советское поколение, представленное всеми

социальными слоями, твердо усвоило, что не только попытки провести перемены на практике, но и попытки сформулировать существующие в рамках данной политической системы противоречия чреватy серьезной опасностью и что судьба инициаторов таких попыток была далеко не завидной. Все еще жива память о сталинском терроре, когда попытки обсудить политические проблемы системы — такие как роль партии, государства, права, общественных организаций и т. д. — расценивались как антипартийный уклон, а те, кто предпринимал такого рода попытки, оказывались в тюрьме или на эшафоте. Допускалось лишь единственное решение политических проблем — предложенное действующим в данный конкретный момент политбюро.

Хрущевские перемены, когда политбюро в последний раз заявило о необходимости перемен в политической структуре, преподали урок, что и проявленная тогда инициатива в этом направлении обернулась против тех, кто с ней выступал. В течение восемнадцатилетнего правления Брежнева вообще не говорили о необходимости реформы политической системы. Застой коснулся и этой области. На попытку провести реформу в Чехословакии ответили советскими танками, а против тех, кто в СССР с симпатией относился к чехословацкому эксперименту, были приняты соответствующие меры. На протяжении двадцати лет в КПСС и других советских политических структурах не проводилось серьезного обсуждения перспектив развития, существующих недостатков и порожденных системой кризисных явлений. Поэтому в настоящее время нет (да и не могло быть) конкретных, продуманных соображений по этим вопросам.

Решающую роль, однако, играет тот факт, что не подвергавшаяся изменениям политическая система СССР гарантировала неизменность привилегий. Привилегии же (как и дискриминация) социальных групп и индивидуумов распределяются в советском обществе в зависимости от места социальных групп и индивидуумов в структуре политической власти. Те, кто находился в выгодном положении ранее, в условиях застоя, склонны отождествлять свои привилегии с социализмом вообще, а потому сейчас видят в переменах „угрозу социализму” и „власти рабочего класса”, то есть прежде всего своим привилегиям.

Все это питает идеологию, в соответствии с которой все аспекты советской политической системы являются не результатом особых исторических (внутренних и внешних) условий строительства социализма в СССР, а непосредственным и единственно возможным воплощением принципов, сформулированных Марксом и Лениным. Ленин говорил о советах как исторически высшем типе демократии по сравнению с парламентарной системой, и сторонники этой идеологии затыкают рот каждому, кто отваживается указать, что Ленин говорил о совершенно иных органах власти, а не о тех, во что они постепенно, главным образом, при Сталине, да и после него, превратились — не о советах, включенных в бюрократический механизм централизованного управления экономикой, не о советах, полностью лишенных прежних полномочий. Эта идеология до сих пор определяет тон разделов новой Программы КПСС о советской политической системе. Не следует поэтому удивляться, что концепция реформы политической системы куда менее ясна, чем концепция экономической реформы.

Из этого вытекает целый ряд серьезнейших проблем, на которые наталкивается политика Горбачева. С одной стороны, корни всех основных проблем современной политической системы СССР, которые в интересах перестройки необходимо решить, уходят в прошлое (сталинское, хрущевское, брежневское). С другой стороны, Горбачев не хочет концентрировать внимание на прошлом, справедливо опасаясь, что переоценка этого прошлого вызовет серьезный раскол в партии, в аппарате управления и в обществе. Уроки хрущевской эры (да и пражской весны) учат, что такой раскол — первый шаг к поражению политики реформ, поскольку переоценка затрудняет формирование как можно более широкой коалиции сил, способных проводить эту политику: выбор людей часто производится в зависимости от того, насколько остро они критикуют прошлое, безотносительно к их способности или неспособности проводить новую реформаторскую политику.

Наиболее серьезное противоречие возникает в связи с тем, что, с одной стороны, для успеха реформ необходимо, чтобы с самого начала ее требовали и „сверху” и „снизу”; с другой стороны, качественно иная степень политической свободы

и независимости действий различных социальных групп и индивидуумов может быть лишь результатом, а не исходным пунктом процесса реформ. В противном случае, при нынешнем экономическом положении СССР, при нынешней позиции его правящей элиты вместо реформы произойдет эскалация противоречий, которая приведет к взрыву, а взрыв, в свою очередь, приведет к насильственному восстановлению стабильности, а тем самым и застоя предшествующих годов.

Рамки, за которые политическая реформа в СССР не выходит

Всем этим в значительной степени предопределены реальные возможности изменений советской политической системы в ближайшие несколько лет. Нельзя ожидать, что принципиально изменятся основные звенья советской политической системы, например, что монополярная позиция коммунистической партии пошатнется в результате победы на выборах иной оппозиционной партии. Я считаю, однако, что это не означает невозможности для СССР вступить на путь качественных изменений существующей политической системы в направлении демократизации управления обществом. Но это будет длительный путь, эту задачу придется выполнять нескольким поколениям. Ближайшие 10—15 лет могут сыграть решающую роль в обеспечении необратимости процесса демократизации, в предотвращении того скачка назад, который имел место после хрущевских экспериментов.

В ближайшее время представляется вероятной демократизация все еще авторитарического процесса принятия и реализации политических решений. Это прежде всего будет означать изменение стиля работы в рамках существующих институтов политической системы. Процесс принятия решений и впредь будет авторитарным, однако его будут сопровождать консультации с обществом и различными социальными группами. Такая перемена еще не обеспечит демократического самоуправления общества, но она усложнит, а, возможно, и исключит принятие решений, не одобряемых существенной частью общественности.

Такой промежуточный этап представляется мне необходимым для СССР не только потому, что радикальная демократизация „сверху” невозможна из-за яростного сопротивления части правящей элиты, но и потому, что „снизу” еще долго не будет давления, вынуждающего обращение к демократическим принципам руководства. С одной стороны, исторические традиции, а с другой — сиюминутные интересы различных общественных групп (не только входящих в правящую элиту!) обеспечат сохранение авторитарной политической системы, в том числе призывы к „твердой власти”, способной „восстановить порядок”.

В то же время политическому руководству, стремящемуся реализовать цели, связанные ныне в СССР с политикой „перестройки и ускорения”, необходимо удерживать в своих руках влияние в центре и использовать его в интересах реформы. Это особенно необходимо на том этапе, когда старый механизм уже не может действовать сам по себе, а новый еще не стал достаточно дееспособным в экономической и социальной областях. В таких условиях руководство, действительно заинтересованное в проведении реформы, не может отказаться от действующих элементов системы управления: в противном случае оно утратило бы возможность оказывать влияние на ход реформы.

На этом промежуточном этапе вряд ли можно ожидать создания качественно новых институтов системы, т. е. институциональных гарантий демократической системы управления — институтов, ранее не существовавших в СССР. Но только такого рода институциональные гарантии будут означать, что процесс демократизации стал необратимым. Чтобы политическая реформа в СССР приобрела значение для процесса перестройки в целом, необходимо уже в самом ближайшем будущем снять запрет на обсуждение политической системы хотя бы в такой мере, в какой это было сделано в области экономики. Какие проблемы выйдут в рамках такого обсуждения на первый план, мы рассмотрим ниже.

Единство и разделение интересов в советском обществе

Экономическая и социально-политическая система СССР формировалась и развивалась в таких условиях, когда для ее выживания требовалось любой ценой выполнить ряд первоочередных задач, выдвинутых сверху. Так было и в период революции, и во время войны, и при осуществлении некапиталистическим путем экстенсивной индустриализации, проведенной в исключительно короткое время без помощи индустриально развитых государств. Все это подтверждало необходимость концентрации и централизации власти. Цели, не выдвинутые и не запрограммированные сверху, рассматривались как помехи функционированию системы. Потому-то система и выработала механизмы, при помощи которых подавлялось все противоречащее воле и замыслам центра.

При этом казалось, что различия в интересах и противоречия между ними играют важную роль только в обществе, где в классовой борьбе сталкиваются интересы пролетариата и буржуазии. После победы революции классовая борьба продолжалась (на нее-то и ссылались для оправдания массового политического террора), однако различиям социальных интересов в новой общественной структуре идеология не придавала серьезного политического значения. Решающим фактором стало „морально-политическое единство советского общества”, наличие которого признавалось априорно, безотносительно к политической реакции и интересам различных социальных групп, составляющих „советское общество”.

Только после 1956 г. в течение короткого промежутка времени официальная идеология КПСС как будто бы стала допускать анализ проблемы единства и различия социальных интересов, чтобы извлечь из этого политические выводы. Но все свелось к схоластическим дебатам, носят ли эти противоречия „антагонистический характер”.

В течение десятилетий идеологическая концепция политической системы СССР исходила из того, что ее главная задача — отобразить и обеспечить единство советского общества. Официальная идеология, однако, не признавала, что для этого прежде всего необходимо выявление интересов отдельных групп,

рабочих коллективов и индивидуумов, и что только на основе этих частных интересов можно определить объединяющий всех интерес. Только так единство общества может быть достигнуто демократическим путем. Но сформулированное еще Сталиным положение, что советское общество состоит из трех социальных групп — рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции — приводило к заключению, что политическая система СССР вообще не должна заботиться об обеспечении выражения интересов других социальных субъектов.

Такое понимание социальной структуры населения СССР скрывало его деление в соответствии с ролью людей (групп) в принятии решений и в процессе управления экономикой и общественной жизнью, как если бы не существовало различий интересов между руководителями и руководимыми, как будто эти различия исчезли вместе с ликвидацией частной собственности, поскольку руководители государственных и кооперативных предприятий частными собственниками не являются.

Однако не может быть и речи о действенной борьбе против бюрократии, пока находится под запретом идея, что само положение определенных групп и индивидуумов в структуре власти дает им возможность ставить свои интересы (сохранение своих привилегий и организационных структур, более удобных для них как требующих меньше инициативы и ответственности) выше интересов руководимых ими групп, которые следует защищать прежде всего.

Начало дискуссии о наличии различных интересов в советском обществе

Важным критерием серьезности отношения руководства КПСС к лозунгам о развитии демократии и необходимости перемен в системе, серьезности его намерений осуществить эти перемены, является подход к социальной структуре и к наличию различных интересов у людей.

Примером такого подхода может служить статья Т. Заславской в журнале „Коммунист” от 13 сентября 1986 г. В этой статье самое интересное, что, по Заславской, классовое деление не является единственным видом деления общества на

социальные группы. Она отмечает, кроме классов, другие крупные общественные группы: нации и народности, городское и деревенское население, представителей физического и умственного труда (т. е. группы, которые традиционно признаются идеологией КПСС). Заславская, однако, утверждает, что „согласования коренных интересов этих групп... для решения современных проблем далеко не достаточно”. Нынешняя политика и соответствующие ей механизмы должны направлять и приводить в соответствие „интересы групп, представляющих разные ведомства, отрасли народного хозяйства, типы поселений (например, старые и новые, большие и малые города)... профессиональные группы, группы по квалифицированному труду и должностные группы работников, группы населения по типам занятости... социально-демографического характера” и т. д.

Таким образом, картина советского общества становится несравнимо конкретнее и живее, нежели в традиционно упрощенной идеологической трактовке. Такое идеологизированное понятие как „всенародный интерес” в этой статье воспринимается не как пустая фраза, а как сложное общественное явление. „Общим критерием выделения групп, — пишет Заславская, — являются существенные различия определенных сторон их положения в обществе: характер труда, места в управлении экономикой и обществом, уровня структуры доходов, места жительства, принадлежность к той или другой нации и т. д. *Ведь группы, занимающие разное положение, как правило, имеют разные интересы, согласование которых друг с другом, а также с интересами общества и является целью политики*” (подчеркнуто мной — З. М.).

С того момента, когда задачи политики будут таким образом осознаны в СССР, станет недалеко от вывода, что политическая система должна представлять возможность выявлять и определять самые разные (и даже взаимно противоречащие) социальные интересы, которые можно будет „согласовать друг с другом, а также с интересами общества”. Только если практические перемены советской системы будут проводиться в этом направлении, можно будет действительно говорить о ее демократизации. Пока же не только практические перемены, но и теоретические дискуссии в СССР до этого не дошли. Пока что в СССР

говорят не о необходимости представить возможность проявления различным социальным интересам, а о том, что „руководящие органы” должны знать об этих интересах, учитывать их при принятии решений и использовать для достижения своих целей. В отличие от теоретических выкладок в связи с попытками реформ 1956–1968 гг., исходным пунктом нынешних дискуссий в СССР является не гуманистический аспект марксизма, а тезис, что „объект управления” — человек — изменился: он стал более образованным, повысился его культурный уровень, он требует более широкой информации, больше знает о своих правах, у него повысилось чувство собственного достоинства. Все это ограничивает возможности административного и экономического принуждения человека к производительному труду: эффективнее будет работать тот, кто заинтересован в результатах своего труда, а этого можно достичь, лишь если „руководящие органы” будут лучше знать его разнообразные интересы и уважать их. Пока этого нет, люди зачастую отчуждены от своего труда и „переносят свои интересы в другие области”.

Нынешний подход к разнообразию интересов населения СССР основан на технократической, а не демократической идее. Это, однако, не означает, что технократический подход не открывает двери демократизации.

Разнообразие интересов и политическая система СССР

Разумеется, нельзя утверждать, что существующая в СССР политическая система совершенно не представляет возможностей для выражения интересов разных групп общества. В СССР имеются такие общественные организации как профсоюзы, комсомол, спортивные общества и др. Проблема, однако, в том, что эти организации были созданы лишь для частичного выражения интересов общества, их главная задача — быть „приводными ремнями”, эти организации содействуют реализации линии центральной власти, но не оказывают „давления снизу” посредством информирования руководства об интересах данных

групп, т. е. они — не звенья обратной связи, а объекты для директив сверху.

Опыт показывает, что при попытках реформировать систему советского типа (в 1956 г. в Польше и в 1968 г. в Чехословакии) перемены в этих массовых организациях начинались именно с попыток установления системы обратной связи. С одной стороны, возникали новые, прежде не существовавшие организации, а с другой стороны, в массовых общественных организациях (профсоюзах, союзах молодежи и др.) стали проявляться тенденции к децентрализации, к большей автономии их составных частей и, разумеется, стремление избирать представителей общественных организаций, а не получать назначения от партийного аппарата. Значительная часть правящей элиты рассматривала этот процесс как свидетельство „разложения системы” и победы „анархистских тенденций”. В СССР следует ожидать еще более острой реакции такого рода. Неизвестно, будет ли в СССР процесс активизации общественных организаций проходить так же, как в европейских странах. Там (особенно в Чехословакии) „в низах” стали создаваться новые организации, объединения и союзы, поскольку имела такая традиция, граждане еще помнили формы выражения своих интересов. В СССР ныне нет ничего подобного в памяти общества.

Не исключено поэтому, что в обозримом будущем реформы в СССР ограничатся изменениями стиля и методов работы в рамках уже существующих форм общественных организаций, к которым добавятся некоторые новые, но созданные по образцу уже существующих. Такого рода перемены, собственно, уже начались.

Однако раньше или позже и политическая система в СССР вынуждена будет ответить на гораздо более серьезные вопросы. До сих пор советская система стремилась прежде всего к тому, чтобы все — различные и часто совершенно неполитические — интересы людей были поставлены под контроль центральной власти. Для этой цели использовались огромные, общегосударственного масштаба общественные организации, и тем самым эти интересы политизировались и использовались для достижения задач политики и идеологии, поставленных центром безотносительно к интересам различных групп. Разнообразие интересов

рассматривалось как инструмент достижения единых ранее выдвинутых целей, а не развития инициативы, зарождения альтернативы, выработки разнообразных подходов и методов решения общественных проблем.

В политической сфере, как, собственно, и в экономической руководить можно, поддерживая факторы интенсивного развития — новаторство, новые методы и способы деятельности, или подавляя и ограничивая возможности проявления нового. В условиях ныне действующей в СССР системы с централизованными общественными организациями, автономия которых ограничена контролем партийного, а иногда и государственного аппарата, в которых подавляется критика и демократические методы работы, тем самым подавляются и факторы интенсивного развития в более широком, неэкономическом смысле слова.

Управление, опирающееся на факторы интенсивного развития, руководствуется принципом „дозволено все, что не запрещено”. Управление же, подавляющее интенсивное развитие, руководствуется совершенно иным принципом: „запрещено все, что не разрешено”. При действии первого принципа вырабатываются правовые нормы возникновения общественных организаций, объединений и союзов людей с общими интересами. В таких условиях каждой общественной группе или коллективу предоставляется автономия (даже вопреки стремлениям государства ограничить эту автономию в большей степени, нежели допущено законом), и эти группы могут по собственному усмотрению вырабатывать, изменять или отменять формы выражения своих интересов.

Специфические проблемы советского общества

Проблемы, о которых мы говорили выше, характерны не только для советской системы управления. Можно сказать, что они существуют и в странах свободного предпринимательства. Однако официальная советская идеология утверждала, что при социализме автономия управляемых субъектов должна подавляться для осуществления интересов центра. Система, ориентированная на интенсивное развитие общества, ранее

определялась как пригодная лишь для капитализма („буржуазного либерализма” и т. д.). Советской идеологии придется еще вернуться к этим проблемам. Их решение станет возможным, если развитие в СССР пойдет по пути, провозглашенному нынешним советским руководством.

Следует отметить, что советское общество не может просто заимствовать модель политического плюрализма, существующую в развитых странах свободного предпринимательства, потому что в СССР социальные субъекты, которые должны получить соответствующую степень автономии, иные. Советское общество более гомогенно в социальном отношении. Распределение групп по имущественному цензу практически не играет роли, гораздо большее значение имеет положение в общественном разделении труда, его роль в структуре управления и т. п.

Решающее отличие, однако, в том, что в капиталистическом обществе принятие экономических решений (если говорить о процессе производства) в принципе отделено от политической демократии, поскольку экономика действует как самостоятельная, саморегулирующаяся система, а в советском обществе связь экономики с политикой останется иной даже в случае успеха реформ. Политическое управление в условиях обобществленной экономики (безотносительно к тому, является ли собственником государство, самоуправляющиеся или кооперативные предприятия) должно решать совершенно новую проблему: как в систему, где политические решения принимаются демократически, включить экономику (имея в виду и воспроизводство). Существующая ныне в СССР система соответствует авторитарической и бюрократической модели управления, которая противоречит требованиям интенсивного экономического развития. Это противоречие и является особенностью советского развития на протяжении длительного времени.

Наряду с этой особенностью существуют и другие, действующие не столь константно. Они возникают не потому, что СССР — некапиталистическое государство, а потому, что в Советском Союзе на протяжении десятилетий господствовала бюрократическая, авторитарическая, подавляющая демократию система, соответствовавшая традиции полуфеодальной царской России. В настоящее время против реформы выступают, с одной

стороны, официально не организованные, но в действительности весьма сильные и разветвленные клики и группировки правящей элиты и других социальных слоев. Это группировки, заинтересованные в сохранении коррупции, различных привилегий, системы протектирования и т. п. Они, разумеется, будут жестоко сопротивляться тому, чтобы противящиеся этим явлениям группировки получили возможность отстранить их от общественной жизни. Речь идет не об отдельных лицах. Интересы сотен тысяч людей — от местных органов власти до всесоюзных, от экономических учреждений до милиции — связаны с сохранением статус кво, с провалом реформ. Определенные слои правящей элиты срослись с преступными элементами (например, в системе торговли), и это создало „плюралистическую заинтересованность” в сохранении недемократической, бюрократической системы.

С другой стороны, реформе противодействуют порожденные статичностью истекших десятилетий — апатия и страх перед нарушением застоя. Широко распространено неверие в возможность подлинных перемен. Люди запуганы и предпочитают выжидать.

Борьба с этими особенностями советской действительности — это борьба не за социалистические идеалы, а просто за современное цивилизованное управление.

ПЕРЕСТРОЙКА: ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕМЕН

В конце 70-х годов советское общество казалось западным наблюдателям безнадежно консервативным, а рассуждения о „нереформируемости коммунизма” стали общим местом среди диссидентов и сочувствовавшей им либеральной интеллигенции. Пессимизм господствовал даже в среде официальных экспертов, многие из которых, по собственному признанию, „окончательно впадали в отчаяние” .¹ Будущее казалось бесперспективным, а страну не могло ожидать ничего кроме медленного загнивания. Однако с приходом к власти М. С. Горбачева общее настроение быстро изменилось. Люди, недавно совершенно не верившие в саму возможность реформ, стали уверенно говорить об их необратимости. Реформистская эйфория охватила экспертов. Западная пресса, как левая, так и правая, стала писать об успехах преобразований в СССР с небывалым энтузиазмом. И хотя никто не отрицал трудностей, с которыми сталкивается перестройка, сопротивление бюрократического аппарата и сложного экономического положения страны, ничто не могло поколебать общего триумфального настроения. Безнадежный пессимизм сменился столь же безудержным оптимизмом. Между тем реальная динамика общественного развития гораздо сложнее и противоречивее, нежели это представляется обыденному сознанию.

Советское общество никогда не было столь монолитным, каким его представляли сталинская идеология или упрощенные западные концепции тоталитаризма. Многочисленные группы интересов, складывающиеся как внутри, так и вне аппарата власти, всегда оказывали влияние на принимавшиеся решения,

порождали разнообразные конфликты. В сталинские времена эти конфликты были одной из причин массовых „чисток” внутри партии, когда расправы над видными партийными и государственными деятелями знаменовали изменения в соотношениях сил между различными группами в аппарате. При Хрущеве террор был прекращен, но открытая борьба между фракциями продолжалась, приведя сначала к падению всесильного министра государственной безопасности Лаврентия Берия, а затем к устранению сталинских „ветеранов” Молотова, Маленкова и Кагановича. В конечном счете жертвой этой борьбы стал и сам Хрущев.

Речь шла не просто о столкновениях между людьми, делящими власть, или о противоборстве мнений. Каждый из участников событий опирался на определенные структуры в аппарате, отстаивал их интересы. Именно недоверие широкой бюрократической „массы” к намеченной Хрущевым программе реформ и отсутствие у этой программы социальной базы за пределами аппарата привели к падению Хрущева в 1964 г.

К моменту воцарения Брежнева реформистская фракция в правящих кругах практически не имела серьезной опоры. Реабилитация жертв террора в 1954–1956 годах, развенчание „культы личности” Сталина, ослабление государственного контроля над культурной жизнью и существенное расширение прав личности в тот период было величайшим историческим достижением, но надо помнить, что все эти радикальные меры одновременно играли важную роль в борьбе аппаратных интересов, ослабляя позиции одних фракций и структур, повышая роль других. Успех Хрущева в первые годы его правления был связан с единодушным желанием правящих кругов положить конец всевластию и безответственности тогдашних репрессивных органов, поставить реорганизованную службу госбезопасности под контроль партии. На следующем этапе импульсом для продолжения политических (но не экономических) реформ было стремление более молодого поколения аппаратчиков закрепить свои позиции, оттеснить и дискредитировать сталинскую „старую гвардию”. С того момента, как эти цели оказались достигнуты, реформистский потенциал хрущевской оттепели был исчерпан, а люди, поднявшиеся на свои посты благодаря дестали-

низации, стремились уже не к продолжению перемен, а к стабильности. Поскольку Хрущев, увлеченный своими реформами, не желал считаться с этим, он был смещен со своего поста и заменен более удобным лидером — Л. И. Брежневым.

Важнейшая особенность брежневского периода состояла в способности тогдашнего руководства поддерживать устойчивый компромисс между фракциями аппарата при одновременном повышении жизненного уровня народа. Для выполнения этой задачи необходимо было обеспечить значительный и устойчивый экономический рост, позволявший каждой социальной группе увеличивать свою долю пирога, не затрагивая интересов других. До известной степени эта задача была выполнена. В конце 70-х начале 80-х годов резко возросли доходы трудящихся, изменился образ жизни. Стремительно увеличилось число автомобилей в личном пользовании, телевизоры и холодильники появились в каждом доме, продолжалось переселение миллионов людей из „коммунальных квартир”, где несколько семей делили между собой общую кухню, в нормальные современные дома. Повышалось и качество строительства и общая обеспеченность людей жилой площадью. Характерно, что за время брежневизма практически не было крупных забастовок или волнений, сравнимых с событиями в Новочеркасске в 1962 г., когда хрущевское руководство вынуждено было послать войска, чтобы подавить рабочие выступления против роста цен.

Все эти социальные успехи были достигнуты при одновременном росте вооруженных сил и стремительном разбухании аппарата управления (что с точки зрения чиновников служило важнейшим доказательством прогресса). Был достигнут военно-стратегический паритет с США, стремительно увеличивалось влияние СССР в мире, особенно в развивающихся странах. Вопреки общему мнению, сложившемуся к концу брежневского периода, 70-е годы бесспорно были одним из самых благополучных и успешных периодов советской истории. Другой вопрос — какими средствами и какой ценой были достигнуты эти успехи...

Если Хрущев пытался совмещать политические реформы с сохранением традиционных принципов управления экономикой, то Брежнев на первых порах избрал прямо противоположное. Политическая стабильность должна была сочетаться с эконо-

мической реформой, предполагавшей расширение прав среднего звена хозяйственного аппарата, формирование слоя „советских менеджеров”. Эта реформа, начатая в 1965 г., могла бы ускорить развитие страны и одновременно удовлетворить технократов, удельный вес которых в правящих кругах неуклонно повышался по мере модернизации общества. Однако очень быстро выяснилось, что на практике реформа лишь обостряла уже существующие противоречия между хозяйственным и партийным аппаратом на местах, равно как и между различными уровнями самого хозяйственного аппарата. Не удивительно поэтому, что брежневское руководство, столь ценившее стабильность, поспешило свернуть преобразования. К 1970 г. реформа была фактически прекращена.

Поскольку надежды на повышение эффективности народного хозяйства, связанные с реформой, не оправдались, Брежнев и его окружение вынуждены были максимально использовать другие, экстенсивные факторы роста. Предприятия не имели реальных стимулов к обновлению оборудования (вполне достаточно было выполнять план на старых станках, а реконструкция ставила выполнение плана под угрозу). В результате стали необходимы огромные централизованные инвестиции в строительство новых предприятий. Все имеющиеся в стране материальные, трудовые и финансовые ресурсы должны были максимально использоваться для реализации этой программы. Не удивительно, что довольно быстро наступил „перегрев” экономики. Стремительно увеличивавшаяся масса денег в обращении не была обеспечена товарами. Средства, выделяемые на строительство новых предприятий, не приносили запланированной отдачи: сооружение объектов затягивалось из-за неэффективной организации работ, стоимость строительства все время повышалась, а возникающая нехватка денег покрывалась с помощью печатного станка. Для того, чтобы получить дополнительные средства, министерства вынуждены были затевать новое строительство, не завершив старое. В первой половине 70-х годов официальные пропагандисты любили говорить, что весь Советский Союз превратился в „гигантскую строительную площадку”. К концу брежневского периода это сравнение предпочитали не вспоминать. Многие объекты оставались незавершенными на протяже-

нии нескольких пятилеток, стоимость работ фантастически возростала, возник дефицит стройматериалов, рабочих рук, энергоресурсов.

Поддержание твердых цен на продовольствие при крайне низкой производительности труда в сельском хозяйстве и непрерывном увеличении платежеспособного спроса привело к тому, что государство вынуждено было платить многомиллионные дотации, а население стоять в очередях и жаловаться на недостаток продуктов.

До известного момента все подобные проблемы компенсировались расширением связей с Западом. Разрядка для брежневского руководства оказалась жизненной необходимостью. В 70-е годы советская экономика стала значительно более „открытой”. Однако место, которое занял Советский Союз в международном разделении труда, явно не соответствовало статусу нашей страны как сильной индустриальной державы. „Основой нашего экспорта, — писал экономист А. Быков в „Литературной газете”, — были и остаются сырьевые ресурсы, прежде всего нефть и газ: на них приходилось около 80% экспорта в твердой валюте. Резкий взлет мировых цен в 70-е годы привел почти к двадцатикратному подорожанию нефти, и казалось, что такое положение сохранится уж как минимум до конца века. А раз так, то зачем менять структуру экспорта, искать новые резервы?” В свою очередь импортное оборудование, приобретаемое на „нефтедоллары”, не могло быть достаточно эффективно использовано „из-за безхозяйственности, хронической незавершенки, нерасторопности в освоении”.² Несмотря на доходы от нефти существенно рос внешний долг СССР и дефицит торгового баланса с капиталистическими странами. После польских событий 1980—1981 гг. окружение Брежнева пришло к выводу, что необходимо как-то исправить положение. Темпы роста импорта сократились, а долги аккуратно выплачивались. Тем не менее, положение СССР на мировом рынке оставалось крайне непрочным, что и выявилось к середине 80-х годов в связи с резким падением цен на нефть.

Кризис брежневизма

1979—1980 гг. оказались роковыми для брежневской модели. Противоречия и просчеты, скрывавшиеся на протяжении многих лет, стали выходить на поверхность. Темпы роста экономики заметно падали, отношения с Западом неуклонно ухудшались; в Восточной Европе, „умиротворенной” на целых 12 лет после подавления Пражской весны, ситуация внезапно дестабилизировалась. В Польше кризис быстро приобрел политический характер и привел к прямому столкновению между правительством и рабочим движением „Солидарность”, но и другие страны Восточного блока сталкивались с серьезными трудностями. Когда в декабре 1979 г. по решению Брежнева советские войска были отправлены в Афганистан спасать терпящий крах „дружественный режим”, никто не ожидал, что это окажется началом многолетней войны, однако было совершенно ясно, что старые политические методы уже не соответствуют новой реальности.

Кризис разрядки, возникновение войны в Афганистане и события в Польше, разумеется, были вызваны не только брежневской политикой. Запад вступал в полосу структурных преобразований; в большинстве капиталистических стран поднялась „неоконсервативная волна”. Брежнев и его окружение не несли и прямой ответственности за политические провалы своих союзников в Польше или Афганистане. Однако происходившие в мире события выявили полную несостоятельность политического мышления, господствовавшего в тогдашнем руководстве. Ориентируясь на стабильность, оно совершенно иррационально ожидало, что и внешний мир будет сохранять неизменный облик, а качественные перемены маловероятны. Если нефть подорожала, так это уже „до конца века”, если в американской политике господствуют либералы, так это „необратимый сдвиг”... Брежневская элита оказалась психологически совершенно неподготовленной к вызовам 80-х годов. Попытки же поддержать статус-кво с помощью силы, как это случилось в Афганистане, только усложняли ситуацию.

К началу 80-х годов в самых различных слоях советского общества складывалось мнение, что брежневизм исчерпал себя. Новое поколение, выросшее в годы „стабильности”, было более

образованным и требовательным. Происходила повсеместная модернизация образа жизни, порождавшая новые потребности и, в конечном счете, новое недовольство. Люди чувствовали себя более самостоятельными, требовали уважения к своему гражданскому и человеческому достоинству. Годы „стабильности” пошли на благо обществу: социальные связи укрепились, люди лучше осознавали коллективные интересы. В свою очередь противоречия между бюрократическими ведомствами обострялись по мере того, как становилось ясно, что „эпоха пышных пиров” кончается. Дефицит ресурсов вызвал острые межведомственные столкновения, сильно усложнившие планирование и принятие решений на всех уровнях. Наметившееся отставание в области современной технологии приводило в ужас военных, особенно с того момента, как Соединенные Штаты провозгласили идею „космической обороны”. Таким образом недовольство охватывало не только низы, но и значительную часть верхов.

Возникло парадоксальное положение. С одной стороны, общество вполне созрело для перемен, с другой стороны, сколько-нибудь серьезного движения за реформы не было. Диссиденты никогда, даже в лучшие свои годы не выдвигали программы социальных преобразований. На протяжении всего своего существования это движение провозглашало лозунги прав человека, защищало индивидуальные свободы и достоинство личности, но неспособность диссидентов сформулировать конструктивную программу вела к тому, что их лозунги становились все более абстрактными, оторванными от реальных проблем жизни масс. В результате диссиденты чем дальше, тем больше возлагали надежды на дипломатическое давление извне. Предполагалось, что „свободный мир” вынудит брежневское руководство идти на уступки в области прав человека. Подобная стратегия, при всей ее спорности, объяснима в эпоху разрядки, но она становилась совершенно самоубийственной в условиях обостряющейся международной напряженности 1979–1982 гг.

По сравнению с 60-ми годами, когда родилось правозащитное движение, к концу брежневского периода произошла значительная эволюция. После поражения Пражской весны в этой среде наблюдается всеобщий сдвиг вправо. Академик

А. Д. Сахаров, первоначально выступавший за „социализм с человеческим лицом”, понемногу перешел на либеральные позиции, причем многие его заявления (например — о Вьетнаме или о разрядке) использовались американскими ястребами, пытавшимися морально укрепить свои позиции. Еще более серьезный сдвиг вправо происходил в среде „новой эмиграции”, численность которой с середины 70-х годов начала стремительно возрастать.

Самое удивительное, что диссидентское движение, остро нуждавшееся в разрядке, практически никогда не создало этого.³ Приход к власти на Западе деятелей типа М. Тэтчер и Р. Рейгана многими в диссидентской среде приветствовался как признак того, что „в свободном мире наконец-то восторжествовала решительная позиция”. На практике же немедленным следствием кризиса разрядки оказались новые репрессии против „антисоветских элементов”, ухудшение ситуации с правами человека.

К концу 70-х годов диссидентство переживало серьезный кризис. Значительная часть активистов покинула страну, многие были арестованы, некоторые отошли от общественной деятельности. Самой главной причиной кризиса, впрочем, были не репрессии, а отсутствие политической перспективы. Сократился и приток людей в движение. Это вовсе не означало, что недовольных в стране стало меньше, но в новых условиях протест принимал иные формы.

Характерной чертой периода 1979–1982 гг. явилось, с одной стороны, усиление реформистских тенденций внутри истеблишмента, а с другой — возникновение новой социалистической оппозиции. Неофициальные левые группы существовали в молодежной среде еще с 50-х годов, однако во времена „зрелого брежневизма” количество таких групп было ничтожно, а люди, пострадавшие за подобную деятельность в 50-е и 60-е годы, либо прекращали политическую борьбу, либо примыкали к диссидентам, одновременно утрачивая и социалистическую идеологию. В связи с кризисом диссидентства ситуация резко изменилась. Начали появляться новые самиздатные журналы, авторы которых заявляли о своей марксистской ориентации; возникли дискуссионные кружки, резко возрос интерес к со-

циалистической теории. Интенсификация культурных связей между СССР и внешним миром в эпоху рязрядки повлияла и на идеологию этих групп. В отличие от своих предшественников 50-х годов, „молодые социалисты” имели достаточно полное представление об идеях западных левых, начиная с Грамши и Розы Люксембург и кончая Франкфуртской школой; они могли использовать опыт реформистского и „ревизионистского” движений в „братских странах” Восточной Европы.

Во многих отношениях идеи новых левых пересекались с проектами, выдвигавшимися официальными реформистскими экспертами. И в том и в другом случае речь шла о попытке сформулировать реалистическую программу преобразований на основе социалистической перспективы. В обоих случаях речь шла о необходимости сочетания планового и рыночного начал в экономике, о неизбежности и необходимости демократизации сверху. Однако в отличие от реформистского академического истеблишмента левые делали акцент на производственном самоуправлении. Если официальные эксперты за редкими исключениями (например Б. П. Курашвили) выступали за своеобразную советскую „революцию менеджеров”, левые провозглашали своей целью демократию трудящихся. К тому же, по мнению большинства молодых социалистов, сторонники официального реформизма явно переоценивали возможности „советских менеджеров”. Работники аппарата управления действительно были заинтересованы в определенных переменах, но в то же время и боялись их. Аппарат производственного управления на местах был недоволен ведомственной бюрократией в центре и одновременно связан с ней нерасторжимыми узами. Аналогичным образом складывались и отношения между „капитанами производства” и местным партийным аппаратом. По мнению левых, это ограничивало реформистский потенциал технократии даже при осуществлении умеренного технократического проекта. Успешные пообразования могли бы начаться по инициативе сверху, но завершиться лишь массовым движением снизу.⁴ Опора на средние слои не только не гарантирует глубоких перемен в обществе, но и не позволяет даже последовательно провести программу ограниченных реформ по образцу Венгрии 70-х годов

(не секрет, что именно эта „модель” вдохновляла большинство экспертов-либералов).

К началу 80-х левые развивали подобные идеи на страницах трех самиздатных органов — „Варианты”, „Поиски”, „Левый поворот”. Радикальные группы формировались, главным образом, в Москве и Ленинграде, но спрос на подобные издания быстро рос и в других городах, особенно в молодежной среде. Тем не менее левые были еще очень слабы, не имели политического и организационного опыта. В апреле 1982 г. большинство наиболее активных представителей новых левых было арестовано. Перестали выходить „Левый поворот” и „Варианты”, еще раньше прекратили свое существование „Поиски”.

Из-за кризиса диссидентства и слабости левых официальный реформизм оставался единственной реальной альтернативой брежневизму. Это течение так же испытывало определенные трудности. Эксперты-реформисты объединились, главным образом, вокруг нескольких исследовательских институтов в Москве, Новосибирске и Ленинграде. Их рупором сделался новосибирский журнал „ЭКО”, руководимый академиками А. Г. Аганбегяном и Т. И. Заславской. Это издание сумело соединить научную глубину с популярностью изложения. То, что невозможно было сказать в тексте из-за цензуры, зачастую „договаривали” злые карикатуры, которыми иллюстрировалась почти каждая статья. Популярность „ЭКО” стремительно росла в конце 70-х — начале 80-х годов, однако читательская аудитория оставалась довольно разношерстной. Редакция проводила специальные исследования, выясняя „Кто вы, наш читатель?” Фактически „ЭКО”, как и само реформистское течение, имело многочисленных сторонников в самых разных слоях общества „от рабочего до министра”, но они не могли рассчитывать на устойчивую поддержку какой-либо массовой социальной группы. Аппарат хозяйственного управления оказался разделен почти поровну на сторонников и противников реформ. В партийном аппарате группы, ориентированные на перемены, вынуждены были сосуществовать с консерваторами. Интеллигенция поддерживала реформистские проекты „за неимением лучшего”.

Социальная безадресность реформистских программ имела и свои положительные стороны. Реформистские эксперты апел-

лировали скорее к пониманию „объективной необходимости”, нежели к конкретным интересам. Это создавало ощущение беспристрастности подхода, заинтересованности в высших целях государства. К тому же необходимость перемен действительно сознавалась в самых разных общественных группах. Даже консервативно настроенные деятели видели, что растущее отставание СССР в области „высокой технологии” может привести к подрыву военной мощи, а слабость экономики в конечном счете окажется слабостью державы.⁵

Парадоксальным образом именно то, что, по мнению левых, было главной слабостью проекта либеральных экспертов — его расплывчатость и безадресность — способствовало формированию широкой разношерстной коалиции сторонников перемен. Надо отдать должное Ю. В. Андропову, который еще в период пребывания на посту руководителя КГБ начал очень трудную работу по объединению различных фракций и групп в аппарате в блок „здоровых сил”. Естественно, разные люди и группы ждали разного от преобразований. Одни стремились просто оттеснить брежневскую „мафию” с руководящих должностей и сесть на освободившиеся места. Другие надеялись укрепить военную и политическую мощь страны, третьи мечтали о перераспределении власти и прав между ведомствами, четвертые искренне хотели сделать советское общество более свободным, справедливым и динамичным. В любом случае, всех их объединяло понимание того, что „дальше по-старому жить нельзя”.

И верхи и низы чувствовали, что наступает конец эпохи. Все желали обновления. Вопрос лишь в том, что смысл его понимался неодинаково.

* *

*

По общему мнению, смерть Л. И. Брежнева запоздала года на два. Уже с 1980 г. страна жила ожиданием этого события.⁶ Когда, наконец, оно свершилось даже официальные лица подчас не скрывали удовлетворения.

Избрание Андропова Генеральным секретарем свидетельствовало о политическом кризисе брежневизма, но отнюдь не о его окончательном крахе. С первых же своих заявлений новый лидер дал понять, что намерен провести важные преобразования не только в экономической, но и в политической области. Эксперты начали разрабатывать проекты реформ, заваливая ими руководящие органы. Слово „реформа”, почти исчезнувшее со страниц официальных документов, стало все чаще появляться в прессе. Началась решительная борьба с коррупцией, ставшей для брежневской элиты фактически образом жизни. Некоторые активисты левых групп, арестованные в 1982 г., вышли на свободу, а на их место в Лефортовскую тюрьму брошены казнокрады и взяточники. Между тем брежневское окружение, оправившись от первоначального шока, связанного с потерей лидера, осознало надвигающуюся опасность и начало энергично сопротивляться. Ни один из реформистских проектов, обсуждавшихся на высшем уровне, так и не стал официальным документом. Реформа школы, провозглашенная летом 1983 г., была сведена к списку благих пожеланий, а затем практически законсервирована.

Смерть Андропова и приход к власти К. Г. Черненко осложнили ситуацию еще больше. В лице Черненко страна получила руководителя, откровенно стремившегося сделать своим принципом „брежневизм без Брежнева”. Однако бесперспективность такой политики выявилась с первых же месяцев. Экономическая ситуация продолжала ухудшаться, борьба между ведомствами и группами при составлении любого директивного документа обострилась в высшей степени. Страна жила ожиданием очередных торжественных похорон.

Смерть Черненко и избрание Генеральным секретарем М. С. Горбачева весной 1985 г. положила конец затянувшемуся междуцарствию. Реформистское течение вновь оказалось у руля, но из поставленных в начале 80-х годов задач ни одна еще не была решена. Потребовалось еще около года, чтобы обеспечить сторонникам нового лидера рабочее большинство в Политбюро, Центральном Комитете и Совете министров. Изо дня в день газеты сообщали о перестановках в высших эшелонах власти. Уходили со своих постов „ветераны” брежневской мафии —

Романов, Тихонов, Гришин. Гораздо труднее оказалось подорвать позиции традиционных бюрократических „кланов” в национальных республиках. Здесь даже в высших партийных органах брежневисты сохранили свои посты на протяжении длительного времени. Затяжная борьба московского реформистского руководства против казахского партийного лидера Д. А. Кунаева завершилась в декабре 1986 г. его устранением с поста Первого секретаря КП республики, но в Алма-Ате это вызвало серьезные беспорядки. Многие национал-брежневисты могли смотреть на эти события с удовлетворением. После Алма-Аты Москва стала гораздо осторожнее в подобных случаях, что помогло традиционному руководству на Украине и в ряде других республик сохранить свои посты.

Тем не менее горбачевская фракция безусловно побеждала. XXVII съезд закрепил ее успех, избрав новый состав ЦК КПСС. Идея экономических преобразований и демократизации была, по крайней мере в общих формулировках, закреплена в новой редакции партийной программы. Прозвучало с высоких трибун слово „перестройка”. Однако реально общество почувствовало перемены лишь после чернобыльской катастрофы весной 1986 г.

Авария ядерного реактора в Чернобыле разом выявила многочисленные слабости традиционной системы управления, ее несовместимость с современной технологией. Задолго до катастрофы многие специалисты указывали на экономические и экологические просчеты, характерные для принятой в 70-е годы стратегии развития ядерной энергетики. Реакторы размещались слишком близко к густонаселенным индустриальным центрам, строительство велось с нарушением проекта. Тем не менее брежневское руководство настаивало на скорейшем выполнении программы „мирного атома”, в которой оно видело очередное магическое средство для решения обострившихся энергетических проблем. Когда произошла катастрофа, выяснилось, что электростанцией управляли некомпетентные люди, что пожарные, присланные на место происшествия, не были подготовлены для работы в условиях радиоактивного выброса (хотя о существовании подобной опасности не раз писалось в специальной литературе), что местное начальство скрывало

от более высоких эшелонов власти информацию о действительном положении дел, в результате чего ситуация еще больше ухудшилась.

Первым газетным сообщениям, явно преуменьшавшим масштабы катастрофы, никто не верил. Различные издания давали противоречивую информацию, зачастую опровергая друг друга. Восстановить доверие читателей к прессе удалось лишь после того, как газеты получили возможность подробно и без существенных цензурных ограничений освещать происходившие события. Политика гласности и „бескомпромиссной критики” устаревших порядков была провозглашена еще на XXVII съезде партии, но именно в трагические дни чернобыльской катастрофы гласность стала превращаться из официального лозунга в повседневную практику. Правда о событиях в Чернобыле, попав (хотя и не сразу) на страницы газет, открыла дорогу для правдивого освещения других общественных проблем. Газеты стали все больше писать о наркомании, преступности, коррупции, ошибках различного ранга руководителей. Волна „плохих новостей”, хлынувшая на читателей в 1986–1987 гг., потрясла общественное сознание. Многие ужаснулись, узнав про многочисленные бедствия, о которых раньше не имели ни малейшего представления. Зачастую людям казалось, что в эпоху перестройки различных безобразий стало даже больше, нежели раньше, хотя на самом деле раньше о подобном просто не сообщали. Вслед за информацией о преступлениях и ошибках современной эпохи в печать стали пробиваться все новые материалы о злодеяниях Сталина. Писатели, журналисты, кинематографисты, осознав новые возможности, торопились использовать их.⁷

Если первый период перестройки, продолжавшийся с весны 1985 по весну 1986 г., можно было назвать временем аппаратной борьбы, то летом 1986 г. события явно вступили в новую фазу. Началась „золотая пора” перестройки.

Гласность и демократизация сделали лозунгами дня. Реформистские, левые и антисталинские идеи явно господствовали в средствах массовой информации. Старый механизм хозяйственного управления по-прежнему функционировал, но политическая обстановка изменилась. Большинство представителей брежневской группы в Политбюро уже утратило свои позиции,

а „среднее звено аппарата” перешло к пассивному сопротивлению, защищая свои привилегии и блокируя практическое осуществление реформ. Проекты преобразований по многу раз проходили через бесчисленные комиссии, одна редакция текста сменялась другой, вносились бесконечные поправки и уточнения. Бюрократия избрала тактику проволочек, максимально затягивая принятие любых решений. Многие постановления, принимавшиеся в центре, не выполнялись на местах, готовились всевозможные „инструкции” и „положения”, ограничивающие реформистский эффект нового законодательства.

Официальная программа перемен, основанная на идеях Аганбегяна, Заславской и их „новосибирской группы”, была первоначально довольно умеренной. Она предполагала расширение самостоятельности предприятий при сохранении системы централизованного планирования, допущение мелкого частного сектора и смешанных международных предприятий в некоторые отрасли экономики, упорядочение административной и юридической системы. Умеренность подобной программы была ее важным политическим достоинством, поскольку под подобными минимальными требованиями могли подписаться представители самых разных течений как внутри партийной элиты, так и по всей стране. Для левых несколько неудобным с идеологической точки зрения была идея смешанных корпораций, но, во-первых, левые еще не играли значительной политической роли в событиях, а, во-вторых, этот пункт не был центральным.

Однако даже такую умеренную программу оказывалось нелегко осуществить. Бюрократия мешала практическому осуществлению перемен. Нужны были какие-то нетрадиционные средства воздействия на аппарат управления. В сущности, для реализации даже самой умеренной программы экономического переустройства страны требовались радикальные политические сдвиги. Демократизация становилась *инструментом реформ*.

Положение дел в экономике оставалось крайне неустойчивым. После прихода Горбачева к власти был провозглашен лозунг ускорения социально-экономического развития, от предприятий требовали любой ценой наращивать производство. Директора заводов действительно использовали некоторые „скры-

тые резервы”, пустили в оборот запасы сырья и комплектующих деталей, припрятанные „на черный день”. Многие менеджеры работали по 16 часов в сутки. Все это не могло не дать результатов. Экономические показатели 1985 г. были заметно лучше, нежели в предыдущем году. Но парадоксальным образом это лишь усложняло дальнейшее проведение реформы. С одной стороны, руководители ведомств доказывали, что с переменами спешить не надо, ибо и при старом механизме управления можно достичь неплохих результатов, нужно только усилить нажим на директоров. А с другой стороны, директора должны были теперь поддерживать достигнутый уровень любой ценой во избежание крупных неприятностей. Выполнять план по традиционным показателям и одновременно перестраивать систему управления было практически невозможно. Чем-то приходилось бы жертвовать. Даже среди официальных экспертов и реформистски настроенных хозяйственников распространилось мнение, что реальную перестройку надо отложить до 90-х годов, а нынешний пятилетний план (1986—1990) как-то вытянуть на основе старого механизма.

Между тем экономический рост 1985 г., несмотря на самоотверженный труд рабочих, инженеров и многих производственных руководителей, оставался крайне неустойчивым. Чернобыль показал насколько ненадежна старая модель управления. Катастрофа усилила аргументы тех, кто выступал за ускорение реформ. К тому же капиталистический мир, преодолев очередную фазу структурного кризиса, переживал период бурного подъема. Неоконсервативная волна достигла своего апогея, а администрация Рейгана не скрывала намерения использовать усилившееся экономическое превосходство США над СССР для изменения в свою пользу военно-стратегического баланса. Война в Афганистане продолжалась без сколько-нибудь серьезных военных или политических успехов, положение в странах Восточной Европы оставалось запутанным и неустойчивым. Запад по-прежнему с недоверием относился к советским заявлениям о перестройке.

Политическая демократизация создавала единственную возможность разблокировать ситуацию и ускорить перемены. Пресса, получившая достаточно большую свободу, должна

была обеспечить независимый контроль за выполнением решений и способствовать „давлению снизу” на бюрократию. Возвращение в Москву академика А. Д. Сахарова, освобождение политических заключенных увеличило авторитет советского правительства на международной арене, став для всего мира доказательством действенности перестройки. Снова вышли на передний план многие представители интеллигенции 60-х годов, при Брежневе находившиеся на политической обочине или выжидавшие. Резко активизировались и левые.

Январский Пленум ЦК КПСС в 1987 г. должен был закрепить сдвиги, произошедшие на протяжении предыдущего года. По оценке самого Горбачева, Пленум „предложил демократизацию как главную движущую силу перестройки”.⁸ Целый ряд предложений, прозвучавших на XXVII съезде, были конкретизированы. Горбачев прямо заявил о необходимости изменить избирательную систему таким образом, чтобы официально выдвигаемых кандидатов было больше, нежели мест в Советах. На Пленуме также говорилось о выборах директоров предприятий, начальников цехов, создании органов производственного самоуправления. Было объявлено и о предстоящем проведении специальной партийной конференции по проблемам перестройки, хотя полномочия и задачи конференции не были четко определены.

Хотя предложенные Горбачевым реформы были достаточно умеренными, среднее звено бюрократического аппарата продолжало сопротивление. Выполнить даже часть того, о чем говорилось на Пленуме, оказалось крайне трудно. „Экспериментальные” выборы директоров заводов были проведены на ряде предприятий, оказавшихся по какой-либо причине без начальника. Что же касается действующих директоров, то ни один из них не пожелал подвергнуть себя этому испытанию. Начальники цехов и административный персонал на предприятиях по-прежнему назначались приказом директора. Хотя с 1 января 1988 г. вступил в силу новый закон о государственном предприятии, предусматривавший демократизацию производственной жизни, администрация практически нигде не допустила вмешательства рабочих в процесс принятия решений. К тому же многие положения закона были сформулированы весьма рас-

пльвчато. На заводах были созданы Советы трудовых коллективов, но их полномочия, задачи и методы их формирования определялись в большинстве случаев самой же администрацией. Очень часто директора возглавляли новые „органы самоуправления”, превращая их в придаток административного аппарата.

Выборы в местные Советы летом 1987 г. состоялись на основе старой избирательной системы. В некоторых округах был проведен „эксперимент” и в избирательные списки внесли на одного кандидата больше, чем было депутатских мандатов, но даже в этом случае кандидат, оказавшийся на последнем месте, получал статус „резервного депутата”, если ему удавалось собрать более 50% голосов.

Тем не менее, почти повсюду, где были созданы „экспериментальные многомандатные округа”, избиратели сумели воспользоваться своими новыми правами. В большинстве случаев именно местные начальники, традиционно заседавшие в Советах, оказывались „за бортом”. По признанию газеты „Известия”, в „резервных депутатах” оказалась „целая обойма руководителей”. Среди провалившихся на выборах были секретари райкомов, председатели Исполкомов Советов и их заместители и т. д. „Некоторым „руководящим” кандидатам с трудом удалось пройти в Совет: их судьбу решил перевес в один-два голоса”.⁹ Даже в округах, где сохранялась старая система, избиратели зачастую вели себя необычно. Студенты Московского университета забаллотировали на выборах функционера университетской администрации, отвечавшую за студенческую столовую. По сообщению „Литературной газеты”, в 1076 округах страны официальные кандидаты не были избраны.¹⁰ Надо отметить, кстати, что пресса подробно освещала эти события и рассказывала даже о имевших место в некоторых случаях попытках „исправить” протоколы голосования.

Выборы свидетельствовали об изменении психологического климата в стране. Общественная жизнь оживала. Политика не воспринималась уже как занятие для привилегированных, критика властей — как диссидентство. В условиях либерализации все политические и идеологические течения, существующие в обществе, вышли на поверхность. Праволиберальные диссиденты сгруппировались вокруг самиздатного бюллетеня „Гласность”

и московского семинара „Демократия и гуманизм”. Русско-националистические и фашистские группы объединились под флагом общества „Память”. Заявили о своих требованиях и национальные меньшинства. В Прибалтике прошли демонстрации в годовщину подписания пакта Сталина—Гитлера в 1939 г., по которому эти территории оказались в советской сфере влияния. В Вильнюсе на улицы вышло несколько сотен человек, в Риге демонстрации были гораздо многочисленнее. Крымские татары устраивали митинги в Москве, требуя реабилитации своего народа, выселенного Сталиным с родной земли. Стремительно стали расти и левые группы.

Политическая ситуация, сложившаяся после январского Пленума, оказалась для левых чрезвычайно благоприятной. С одной стороны, их требования вполне совпадали с лозунгами дня, с другой стороны, левые сумели привлечь в свои ряды возрастающее число людей, обеспокоенных медленными темпами реальных преобразований. Еще в конце 1986 г. начинается бурный рост „неформальных объединений”. Клуб социальных инициатив и клуб „Перестройка” в Москве быстро оказываются центрами притяжения для социалистической и леволиберальной интеллигенции. Формируются или укрепляются экологические и „культурно-демократические” группы. Особенно бурно развивается движение в Ленинграде. 16 марта по призыву „культурно-экологической группы „Спасение” сотни молодых людей собрались у предназначенной к сносу гостиницы „Англетер”. К ним присоединились представители других экологических и левых групп, учащиеся профтехучилищ и школ, рабочие, студенты. За соблюдением порядка следили дружинники из группы „Форпост”. По признанию присутствовавших журналистов, все было великолепно организовано: „никаких эксцессов не было”.¹¹ Участники демонстрации не смогли остановить снос здания, но речь в данном случае шла о большем, о праве граждан влиять на решения властей. Лидер „Спасения” Алексей Ковалев сразу стал широко известен в Ленинграде и за его пределами. Независимые левые группы выдвинули его кандидатом в городской Совет, но избирательная комиссия отказалась его регистрировать. В свою очередь, московская пресса выступила с критикой ленинградских властей, в поддержку Ковалева и „Спасения”.

К лету 1987 г. можно было уже говорить о широком движении, в котором участвовали тысячи людей в разных частях страны. Платформы различных групп существенно отличались друг от друга, равно как и формы их деятельности. Стремление к единству соединялось во многих клубах с недоверием к другим группам, сектантством и взаимным соперничеством. Тем не менее участники движения все острее ощущали необходимость в выработке общей платформы и налаживании практического сотрудничества.

В августе 1987 г. Клуб социальных инициатив (КСИ) провел в Москве конференцию 52 ведущих прогрессивных групп, на которой было провозглашено создание Федерации социалистических общественных клубов (ФСОК). Группы, объединившиеся в федерацию, несмотря на сохранившиеся между ними различия, выступали за социалистический плюрализм, производственное самоуправление и демократизацию планирования. В декларации ФСОК выдвигались и конкретные политические требования — отмена цензуры, право для клубов выставлять своих кандидатов на выборах. Наименее разработанным оставался экономический раздел декларации, однако решено было позднее подготовить специальные документы, конкретизирующие позиции ФСОК по вопросам самоуправления и планирования. Клубы единодушно заявили, что реформа должна проводиться без снижения жизненного уровня трудящихся и при сохранении социальных гарантий (дешевого жилья, бесплатной медицины, полной занятости и т. д.). Увеличение роли рыночных факторов в управлении экономикой рассматривалось как закономерное и неизбежное, но одновременно подчеркивалась опасность замены планового фетишизма рыночным и торжества технократических концепций.

К ФСОК присоединились клубы не только в Москве и Ленинграде, но и в Куйбышеве, Красноярске, Новороссийске, Иваново, Саратове и т. д. На протяжении осени 1987 г. шел постоянный рост федерации. Начал выходить ее самиздатный бюллетень „Свидетель” (позднее, отдавая дань традиции, его переименовали в „Левый поворот”). Представители ФСОК получили возможность выступить в официальном Агентстве печати „Новости” (АПН) перед иностранными журналистами,

материалы о ФСОК появились в некоторых газетах. Однако уже в ноябре ситуация резко изменилась.

31 октября, выступая на пресс-конференции в АПН перед иностранными и советскими журналистами, секретарь ЦК КПСС А. Лукьянов сообщил, что на состоявшемся перед тем очередном Пленуме возникли разногласия вокруг речи московского партийного лидера Бориса Ельцина, и тот вынужден был подать в отставку. Это сообщение имело эффект разорвавшейся бомбы. Но еще больше общественное мнение было потрясено молчанием официальных газет. О словах Лукьянова сообщили в Западной Европе, Китае, Венгрии, Польше, но москвичи вынуждены были опять, как и в первые дни чернобыльской катастрофы, узнавать новости о событиях в собственной стране из иностранного радио. Ельцина хорошо знали как одного из наиболее решительных сторонников перестройки, и его отставка казалась зловещим симптомом. Левые клубы единодушно протестовали против молчания официальных средств массовой информации, хотя внутри большинства групп возникли острые дискуссии о том, что может быть предпринято в подобной обстановке. Активисты ФСОК начали сбор подписей на улицах Москвы под письмом, требовавшим полной гласности в деле Ельцина. Владимир Гурболиков из клуба „Община“, приехавший из Ленинграда Ковалев и некоторые другие члены ФСОК были при этом задержаны милицией. Ситуация накалилась еще больше, когда центральные и московские газеты опубликовали протокол Пленума московского комитета партии, на котором Ельцин был снят со своего поста и обвинен во множестве политических грехов. В Московском университете стихийно собрался студенческий митинг и была организована инициативная группа, вступившая в контакт с КСИ и ФСОК. Многие партийные организации Москвы отказались поддержать решения Пленума.

Позднее, в январе 1988 г. Горбачев признал, что из-за „дела Ельцина“ партийное руководство впервые подверглось серьезной критике слева, а смещение московского лидера было „какой-то частью интеллигенции, особенно молодежи“ воспринято „как удар по перестройке“.¹² В свою очередь, консервативно настроенные чиновники увидели в устранении Ельцина сигнал к контраступлению. На клубы стало оказываться

серьезное административное давление. Некоторых активистов вынудили покинуть свою работу. Проведение любых мероприятий в официальном порядке стало крайне сложным. Клубы не могли воспользоваться помещениями, их информация не проходила через газеты, хотя еще в сентябре с этим не было никаких проблем. Красноярская секция ФСОК — Комитет содействия перестройке — оказалась в крайне тяжелом положении. После того, как активисты комитета обвинили в коррупции ряд деятелей местного руководства, Крайком партии принял специальное постановление против этой группы, а член комитета В.Б. Четвертков, состоявший в КПСС, был исключен из партии. Аналогичные ситуации возникали и в других городах.

Большинство клубов постоянно подчеркивали легальный характер своей деятельности, готовность сотрудничать с прогрессивными группами в партийном и государственном аппарате. Это, однако, не защитило их от обвинений в „неконструктивной позиции” и „попытках подрыва основ”. Зимой в прессе началась настоящая сталинистская кампания против левых. С нападениями на ФСОК и отдельные клубы выступили „Комсомольская правда”, „Правда”, „Вечерняя Москва”, „Московский комсомолец”. „Правда” атаковала также известного драматурга Михаила Шатрова, выступавшего за более последовательный анализ сталинского прошлого и историческую справедливость по отношению к противникам Сталина (включая Троцкого). Судя по тону некоторых статей, консервативные группы в аппарате после событий августа и ноября 1987 г. были серьезно напуганы ростом левого активизма. Либеральные журналисты предпочитали отмалчиваться, ожидая, что эта „консервативная волна” быстро пройдет.

В либерально реформистских кругах ссылались на зимний отпуск М.С. Горбачева и болезнь одного из лидеров прогрессистской фракции Секретаря ЦК А. Н. Яковлева. Между тем контрнаступление сталинистов было вызвано отнюдь не случайным стечением обстоятельств. Перестройка вступала в новую фазу, политическое размежевание в обществе усиливалось.

Если на ранних этапах перестройки лозунг перемен мог объединить самые различные общественные и аппаратные течения, то теперь этого было уже явно недостаточно. Многие

представители „нового поколения” аппаратчиков, сумевшие в ходе событий 1985–1986 гг. занять важные должности, склонны были считать основные задачи перестройки выполненными и с опасением относились к любым „экспериментам”, которые могли бы поставить под угрозу их с таким трудом завоеванное благополучие. Относительное потепление в международной политике, советско-американский договор о ракетах средней дальности, будучи сами по себе в значительной мере результатом перемен, произошедших у нас в стране, тоже по-своему усиливали консервативные настроения в аппарате. Если многие чиновники рассматривали внутривластную либерализацию как своего рода „цену”, которую надо заплатить за доверие Запада и возобновление разрядки, то теперь, когда эта цель была в значительной степени достигнута, заинтересованность в политических переменах у них явно уменьшалась. Напротив, после ноябрьских выступлений молодежи из-за „дела Ельцина” быстро росли опасения, что демократический процесс зашел „слишком далеко”.

Разумеется, перестройка продолжалась. Было объявлено о реабилитации Бухарина, Рыкова и других старых большевиков, осужденных Сталиным в 1937 г. по ложному обвинению в создании „право-троцкистского блока”. Журнал „Октябрь” печатал долгое время находившийся под запретом роман В. Гроссмана „Жизнь и судьба”, в журнале „Латинская Америка” № 1 за 1988 г. была опубликована маленькая заметка о жизни Троцкого в Мексике. Готовился вывод советских войск из Афганистана и пресса открыто писала о неудаче „афганского похода”: „основные цели так и не были достигнуты”, „присутствие советских войск в стране теряет свой смысл. Уход неизбежен, логичен”.¹³

И тем не менее динамика событий была уже не такой как в 1986 г. Среди реформистов чувствовалась некоторая растерянность. Многие радикальные лозунги повторяли как своего рода ритуал, не решаясь серьезно добиваться их осуществления. Прекратились эксперименты с выборами директоров (хотя вступил в силу закон, который формально делал выборы общезначительными). Идеологи экономической реформы, не удовлетворенные достигнутыми результатами, выдвигали все новые

предложения и, утратив бывшее единство, все яростнее спорили между собой. По словам известного советского правоведа Б. П. Курашвили, меры, принятые в 1985—1987 гг., были столь поверхностны и половинчаты, что перестройка рискует „так и не прийти до туманно представляемой конечной цели”.¹⁴ Необходимо более четко сформулировать задачи реформы в экономической и политической областях, сформулировать конкретный проект.

Если на первых порах технократические и демократические концепции перемен более или менее мирно уживались между собой, то сейчас происходило явное размежевание. Технократы, все более откровенно отстаивая интересы аппарата производственного управления, видели выход из сложившейся ситуации в частичной ликвидации социальных гарантий и перенесении на советскую почву рецептов неоконсервативных теоретиков Запада. Н. Шмелев, один из наиболее модных авторов этого направления, довольно откровенно определил свою программу словами: „все, что эффективно — нравственно”.¹⁵ Вместе с другими теоретиками технократической школы (Г. Лисичкиным, Г. Поповым и др.) он рассматривал социальные гарантии как тормоз развития, „пережиток феодализма”. Технократы отнюдь не скрывали антидемократического характера своих предложений. На страницах „Литературной газеты” Г. Лисичкин заявил, что реформа должна исходить из интересов „передового” меньшинства, которому мешает развернуться косное, отсталое большинство. Задача перестройки в том, чтобы низвергнуть „тиранию” большинства и утвердить преимущество элиты.

Развитие рыночных отношений стало для технократических идеологов главным лозунгом. На деле, однако, к „рыночной” фразеологии этой группы надо относиться с большой осторожностью. Структура советской экономики, сформированная еще при Сталине, обеспечивает ведущим предприятиям и ведомствам положение абсолютных монополистов. На протяжении десятилетий большую часть инвестиций пожирала заводы-гиганты, производящие средства производства. Все организовано таким образом, что потребитель оказывается подчинен производителю, и объясняется это не только отсутствием рынка, но зачастую и отсутствием реального выбора. Экономика ориен-

тирована не на удовлетворение потребностей человека, а на самовоспроизводство. Эта, по выражению известного ученого В. Селюнина, „самоедская экономика” не станет более гуманной от предполагаемой переориентации с приказа на прибыль. Изменяются средства, но не цели.

Предлагаемая в данных обстоятельствах „игра в рынок” на практике может обернуться лишь ростом цен, инфляцией и усиленной эксплуатацией потребителя со стороны организаций-монополистов. Характерно, что технократы, постоянно подчеркивающие, что рынок решит большинство проблем, одновременно весьма пренебрежительно отзываются об идее структурных реформ в сфере производства и перераспределении инвестиций, хотя совершенно ясно, что „нормальной” рыночной конкуренции без подобных мер просто не возникнет.

Конкретные рекомендации этой школы сводятся к отмене продовольственных дотаций и повышению цен во имя оздоровления финансов. Одновременно пропагандируется лозунг „самофинансирования”, на практике понимаемый как свобода повышения цен для монополистов. С января 1987 г., когда ряд ведомств перешел на принципы самофинансирования, газеты начали сообщать о быстром росте цен на самые разнообразные товары и услуги от путевок за границу и мойки окон до... похоронных услуг. Проанализировав рост цен на кладбищах за 1987 г., московский социолог А. Рубинов не без иронии заметил, что хозяйственные перспективы этой отрасли „поистине блестящи”.¹⁶

По сути дела, речь идет о том, чтобы под видом „реформы” заставить трудящихся расплачиваться за экономические просчеты бюрократии, безхозяйственность, структурные диспропорции, предкризисное состояние экономики. Совершенно ясно, что подобные предложения не могли найти массовой поддержки. По данным опросов, более 70% населения высказывалось против них.¹⁷

Концепция новой технократической школы не была принята в виде официальной стратегии перестройки. Несколько раз М. С. Горбачев даже выступал с критикой подобных идей. Однако влияние ее сторонников в аппарате неуклонно возрастало, и отдельные положения данной концепции все чаще можно

было обнаружить в официальных документах. Здесь нет ничего удивительного. Технократические идеологи предлагали рецепты, которые при внешнем радикализме были вполне приемлемы для бюрократии и предполагали сохранение традиционных структур как в экономической, так и в политической системе общества. Несмотря на антисталинскую риторику, технократическое течение все больше сближалось с консервативно-сталинистским. Жесткий аппарат политического контроля оказывался необходимым элементом стратегии, основанной на ущемлении интересов общества, снижении жизненного уровня низов. Совершенно ясно и то, что гласность и самоуправление, ставшие лозунгами предыдущего этапа перестройки, в данную концепцию не вписывались.

Отнюдь не случайно, что Г. Х. Попов, один из главных идеологов технократии, выступил в прессе с обличениями в адрес Ельцина, откровенно намекая, что левые в сложившейся обстановке могут оказаться опаснее консерваторов. После падения Ельцина технократы и сталинисты все чаще действовали единым фронтом, пропагандируя необходимость повышения цен, устранения чересчур левых, по их мнению, деятелей, которым навешивали ярлык „авангардизма”. Разумеется, обе стороны рассматривали этот компромисс как чисто тактический, но объективная динамика событий толкала их друг к другу в объятия.

На многих заводах рабочие стали требовать изменения организации труда, гласности на рабочих местах, увольнения некомпетентных и коррумпированных руководителей, сокращения времени труда, прекращения сверхурочных. Пресса сообщала о забастовках и стихийных митингах, организованных на многих предприятиях в конце 1987 г. В декабре из-за невыплаты зарплаты возникли острые конфликты между рабочими и местными властями в Кривом Роге и Волгограде. Платить зарплату оказывалось нечем из-за отсутствия денег в банке и более строгой финансовой дисциплины. Рабочие протестовали, доказывая, что они в любом случае законно заработали свои деньги и не несут ответственности за невыполнение финансового плана. Чиновники сожалели о „старых добрых временах”, когда можно было

просто применить силу. По классическим законам революционного процесса в стране происходила поляризация сил.

Заключение

В январе 1988 г. известный советский экономист В. Селюнин писал, что два года перестройки выявили несостоятельность исходных концепций официальной науки. Реформистское течение оказалось не в состоянии разработать и предложить обществу радикальный проект, вызывающий энтузиазм масс. Главным достижением перестройки оставалась гласность, но она не могла автоматически решить социально-экономические проблемы страны. Сейчас, писал Селюнин, „требуется структурные сдвиги в экономике — ее надо развернуть от работы на самое себя к человеку, к его нуждам”.¹⁸ Такая перестройка, в свою очередь, возможна лишь при условии поддержания жизненного уровня масс и развития производственной, политической, местной демократии, дающей трудящимся возможность реально участвовать в принятии решений.

Безадресные проекты первых лет оказались нереалистическими. Опыт советского общества еще раз показал, что наиболее умеренное решение далеко не всегда является самым здравым. На место абстрактных представлений о „всеобщем благе” приходило осознание реального противоборства интересов в обществе. „Борьба идет не просто между бюрократами и небюрократами, — писал один из публицистов популярного журнала „Новый мир”, — а между общественными группами, на которые опираются и те и другие. И главный вопрос в том и состоит: кто сумеет повести за собой массовые силы, действительно заинтересованные в перестройке, в научно-техническом и культурном прогрессе и выступающие его основными носителями, а тем самым и носителями общенародного интереса — рабочих высшей квалификации, олицетворяющих самые передовые производительные силы, научно-техническую и гуманитарную интеллигенцию”.¹⁹ Таким образом, радикальное крыло официального реформизма в итоге двух лет перестройки пришло, наконец, к выводу о невозможности осуществления перемен без опоры на конкретные социальные интересы. Однако предполагаемая этим течением

стратегия мобилизации модернизированных средних слоев вовсе не позволяет решить проблему массовой базы преобразований. Только в том случае, если удастся обеспечить реальное сотрудничество средних слоев и низов в рамках радикального реформистского проекта, сможет сложиться мощный социальный блок, способный противостоять бюрократии. Для этого необходимо не поощрять социальный эгоизм „передовых” (и в сущности наиболее благополучных) общественных групп, а напротив, добиваться их максимальной солидарности с широкими массами. Такая широкая платформа вполне возможна. Она включает в себя политическую демократизацию, развитие производственного и местного самоуправления, сохранение социальных гарантий, перераспределительную антибюрократическую политику под демократическим контролем снизу, защиту интересов потребителя и постепенную переориентацию экономики на удовлетворение человеческих потребностей, ее экологизацию и гуманизацию.

Социалистическая демократия должна в равной степени обеспечивать личности социальные и правовые гарантии. Важно изменить экономические приоритеты таким образом, чтобы человек действительно стал главной целью. Надо децентрализовать принятие решение и создать демократические процедуры, несовместимые как с бюрократическим, так и с технократическим подходом к управлению. Надо, наконец, заменить удобные для бюрократии полумеры новым, последовательным демократическим законодательством. Речь идет не о выборе между планом и рынком (в любом современном обществе есть и то и другое). Подлинный выбор сегодня между формирующимся гражданским обществом и бюрократией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. очень откровенное интервью Н. Шмелева в газете „Книжное обозрение, 1988, № 1, стр. 2.
- 2 Литературная газета, 10.2.88
- 3 Исключением в тот момент являлись лишь братья Рой и Жорес Медведевы, постоянно подчеркивающие связь между разрядкой и правами человека. Надо сказать, что большинство диссидентов вообще не считало „марксистов Медведевых” принадлежащими к движению. Их постоянно атаковали, предъявляя им всевозможные обвинения вплоть до „сотрудничества с госбезопасностью”...
- 4 Эта программа была сформулирована в самиздатном журнале „Социализм и будущее” („Левый поворот”), 1980, № 3–4.
- 5 Характерно, что очень большой резонанс вызвали исследования академика Т. И. Заславской, доказывавшие, что управляемость советской экономики неуклонно снижается.
- 6 В те дни в Москве был популярен анекдот: „Человек читает газету с большим некрологом; сосед в метро спрашивает его: „Уже?” Читающий отвечает: „Нет еще”.
- 7 Я уже писал об этом в других работах.
- 8 М. С. Горбачев. Перестройка и новое мышление. М., 1987, стр. 60.
- 9 Известия, 7.7.87.

- 10 Литературная газета, 1.7.87.
- 11 Известия, 26.3.87.
- 12 Литературная газета, 13.1.88.
- 13 Литературная газета, 17.2.88.
- 14 Известия, 15.2.88.
- 15 Книжное обозрение, 1988, № 1, стр. 2.
- 16 Литературная газета, 17.2.88.
- 17 Данные взяты из исследования, проведенного совместно Центральным экономико-математическим институтом и „Литературной газетой“. Материалы исследования были частично опубликованы в бюллетене ФСОК „Левый поворот“, 1988, № 5.
- 18 Социалистическая индустрия, 5.1.88.
- 19 Новый мир, 1987, № 11, стр. 188.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВ СОВЕТСКОГО ТИПА (ХСТ)*

1. Предварительные замечания

Начавшееся в последние годы замедление экономического развития в странах Восточной Европы совпало во времени с возникновением проблем внешней задолженности, трудностями с платежными балансами, понижением жизненного уровня населения и явными признаками инфляции и породило множество предсказаний о вступлении централизованно планируемых хозяйств в эпоху упадка. Однако различные толкования происходящего, выдвинутые на Западе, и немногочисленные, обычно неопределенные предостережения, опубликованные на Востоке, весьма разноречиво трактуют, чем нынешнее „смутное время”, если перефразировать термин А. Тойнби, должно отличаться от прежних. Хозяйства советского типа в прошлом оправлялись после трудных времен и продолжали безрадостное движение по восходящей, впрочем никогда не достигая уровня процветания. Скептики уже отметили, что соображения, выдвигаемые в настоящее время, имеют свои аналогии в прошлом.

* По-английски эта работа была напечатана Лондонским институтом изучения экономик стран с коммунистическими правительствами (The Centre for Research into Communist Economies), 1987.

Замедления роста трудовых ресурсов, препятствующие данной форме экономического роста, несомненно, случались и ранее. Ничего нового для специалистов по хозяйствам советского типа (ХСТ) не представляют и препятствия увеличению капитальных вложений. Среди причин медленного приспособления к меняющейся экономической действительности внутри хозяйств (не говоря уже о мировом рынке) уже назывались и жесткость иерархической системы управления, и замедляющий эффект предубеждения к риску в сфере технологических изменений (по существу, в сфере любых перемен рутинных процессов). Список таких соображений не трудно расширить, не добавляя существенно нового, за исключением коренных перемен в области сравнительных цен на энергоносители. Поэтому некоторые специалисты говорят о кумулятивном эффекте многих факторов; другие же добавляют к ним социально-психологические и политические аспекты (прямо или косвенно апеллируя к потрясению в Польше, породившему движение „Солидарности“).

Хотя автор не может недооценивать экономических и/или неэкономических соображений, выдвигаемых обычно для объяснения спада в ХСТ, все-таки трудно принять их в качестве логичных и последовательных объяснений спада именно в данное время и наличия признаков его усиления в будущем, т. е. длительной тенденции, а не низшей точки еще одного экономического (и политического) цикла. Соглашаясь с возможностью длительного спада, я все же рассматриваю проблему несколько по-иному. Ниже будут обрисованы причины, которые я считаю наиболее важными для объяснения спада; некоторые из них называют все специалисты, некоторые выдвигаются впервые или толкуются по-другому; я попытаюсь также связать причины с их следствиями, отделяя обычные причины низкой эффективности экономики от факторов, роль которых возросла в последнее время; я попытаюсь объяснить, почему эти последние приобрели такое значение ныне, и оценить их значение в будущем. Почти все эти причины являются эндогенными для системы; трудности мировой экономики лишь приближают наступление „смутного времени“ в хозяйствах советского типа.

2. Причины – симптомы – последствия

Эндогенные причины.

При анализе эффективности ХСТ всегда существует опасность принять симптомы за причины. Так например, высокая ресурсоемкость этих хозяйств нередко называется как одна из причин упадка в период удорожания ресурсов. В действительности чрезмерно высокий уровень ресурсопотребления – итог воздействия факторов, внутренне присущих системе и проявляющихся длительное время. Следовательно, высокая ресурсоемкость – симптом, а не причина. В то же время весьма важно выяснить, почему такие симптомы в последнее время стали проявляться с большей силой.

Искаженная мотивация.

Начнем с нескольких причин, значение которых возросло в последнее время.

1. Специалисты уже отмечали искаженную мотивацию и отсутствие обычных ограничений в поведении предприятий. Как я уже разъяснял в другой работе (1982 г.), стимулы на уровне предприятий – и для руководителей, и для работников – всегда находились в положительной корреляции с объемом или стоимостью выпускаемой продукции в ХСТ; в то же время отсутствует отрицательная корреляция между стимулами и издержками на материалы и другими затратами. В итоге предприятия поощряют расширение выпуска продукции любой ценой; постоянно расширяется их спрос на сырье и материалы, которые используются расточительно; растут запасы на предприятиях, возможностями материалосберегающих перемен пренебрегают. Такое поведение и вытекающий отсюда постоянный избыточный спрос порождают тем, что Корнай* называет „отсутствием твердых бюджетных рамок”.

Эта хорошо известная специфическая черта ХСТ во многом определяет их ресурсоемкость, значительно более высокую по отношению к выпуску продукции, нежели рыночные хозяйства (РХ) (см. таблица А). Этим же объясняется низкий приоритет

* J. Kornai, *The Economics of Shortage*, Amsterdam, North Holland, 1980.

ТАБЛ. А. Показатели энергоемкости и металлоемкости
(в отношении стали) для восточноевропейских ХСТ
и промышленно развитых западноевропейских РХ,
1979—1980 гг.

Страна	Энергоемкость (расход в кг условного топлива)		Металлоемкость (потребление, в кг стали)
	на 1000 долларов	валового внутреннего продукта	1980
Восточноевропейские ХСТ			
1. Болгария	1464		87
2. Венгрия	1058		88
3. ГДР	1356		88
4. Польша	1515		135
5. СССР	1490		135
6. Чехословакия	1290		132
Общая средняя невзвешенная	1362		111
Западноевропейские РХ			
1. Австрия	603		39
2. Бельгия	618		36
3. Великобритания	820		38
4. Дания	502		30
5. Италия	655		79
6. Норвегия	1114		38
7. Финляндия	767		40
8. Франция	502		42
9. ФРГ	565		52
10. Швейцария	371		26
11. Швеция	713		44
Общая средняя невзвешенная	660		42

Примечания к таблице А: Доллары США в эквиваленте 1979 г.

Источники: World Development Report 1981; Ежегодник международной статистики, Варшава, 1982 (на польском языке), табл. 110; расчеты автора.

качества продукции в условиях централизованного планирования. Высокая ресурсоемкость стала более ощутимой после бума на рынке сырья начала 70-х годов и после двух потрясений на нефтяном рынке. Это способствовало ухудшению обменного коэффициента внешней торговли („условий торговли“) и росту дефицита энергоносителей и сырья для промышленности всех восточноевропейских ХСТ, кроме Советского Союза. Стоимость сырья и полуфабрикатов в общей стоимости импорта этих стран поднялись до половины и даже до 75%. Следовательно, этот дефект стал в последнее время гораздо более чувствительным. Это обстоятельство было не единственной, а одной из причин спада. В противном случае СССР, для которого „условия торговли“ с Западом и другими ХСТ улучшались, должен был бы демонстрировать более высокую эффективность хозяйствования по сравнению со странами Восточной Европы.

Негибкость иерархии

2. В последние годы в ХСТ все более усиливалась негибкость иерархической многоуровневой институциональной структуры, в которой приказы подменяют инициативу предприятий. Беспорядочные потоки информации (нередко искаженной) засоряют каналы управления и контроля по вертикали, реакция на помехи значительно запаздывает и централизованное планирование становится все менее пригодной моделью управления по мере ускорения хозяйственной динамики. В этом рассуждении временной фактор выражен в явной форме, однако оно не объясняет, почему напряжение в системе значительно возросло в последнее время. Для выяснения этого следовало бы сопоставить число связей в „чистых“ моделях ХСТ и РХ, необходимых для производства различного типа товаров, и соотнести итоги сопоставления со структурными изменениями на различных уровнях экономического развития. Такое сопоставление¹ показывает, что число связей в ХСТ значительно выше, чем в РХ, и эта разница увеличивается. Переход ХСТ от производства простых продуктов, для которого нужна лишь одна стадия переработки и два предприятия, к производству продуктов, для которых нужно много стадий переработки и большее число предприятий, связанных по вертикали (каждое из них получает

сигналы на входе и передает сигналы на выходе следующему на производственной линии) и, наконец, к производству продуктов, требующих многих стадий переработки и горизонтальных связей с многими предприятиями (действующими и как получатели и как передатчики сигналов), требует все большего числа внутривладельческих связей, чем РХ.

Этот вывод частично и косвенно подтверждает сравнительный межотраслевой анализ,² показывающий, что сложность внутривладельческих связей возрастает с повышением уровня экономического развития. В мировой экономике 70–80 годов наблюдалась тенденция к смене отраслей, в которых преобладали связи по вертикали (сталелитейная промышленность, цементное производство, основная химия), отраслями, в которых предприятия обычно связаны по горизонтали и функционируют одновременно и как поставщики и как покупатели по отношению друг к другу. Эффективность работы этих отраслей, потребляющих меньше ресурсов и с более высоким уровнем стоимости, добавленной переработкой (общее и электромашиностроение, производство инструментов, тонкая химическая технология), в которых преобладают сложные, нелинейные меж- и внутриотраслевые связи, значительно больше зависит от факторов, прямо противопоказанных централизованному планированию.

Когда ХСТ начали развивать эти отрасли, чтобы производить многочисленные новые продукты и более сложные варианты прежней продукции, требования к руководству резко возросли, стали слишком тяжелым бременем для малоподвижной бюрократической иерархии, и стали умножаться признаки напряженности. Можно было ожидать, что переход от массовых производств к отраслям, требующим новаторства и гибкости, вызовет именно такие последствия, и удивительно, что этого не предвидели заранее. Интересно также, что импорт технологии в надежде, что это поможет обойти антиноваторские тенденции ХСТ, никак не помог делу. Наоборот, новые, более высокие стандарты продукции, производимые по иностранным лицензиям, стали добавочным бременем для отечественных поставщиков сырья и материалов для таких производств. Возникла необходимость в добавочном импорте, что породило новые команды, отчеты и дальнейшее засорение каналов информации.

На возникшие проблемы управления все более сложной промышленной структурой ХСТ реагировали по-разному, подчас — противоположным образом. Венгрия, например, решила двигаться по пути более быстрой децентрализации и определенного сокращения размеров предприятий, тогда как в ГДР контроль был усилен и созданы еще более крупные производственные комплексы (комбинаты). Судя по непрерывному падению относительного уровня цен на продукцию машиностроения, которые ХСТ смогли получить на рынках Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) в 1975—1980 гг., ни один из этих методов не мог привести к повышению эффективности хозяйства. Не больше преуспела и Болгария, если судить по тому же показателю или же по ядовитому замечанию Т. Живкова о „болгаризации” продукции, производимой по западным лицензиям; он подразумевал быстрое ухудшение качества этой продукции после отъезда западных специалистов и замены импортных материалов, деталей и узлов болгарскими.³ Венгерские предприятия не обрели достаточной автономии, и бюджетные ограничения на сырье остались мягкими, а административная реорганизация в ГДР, которая сделала комбинаты менее зависимыми от других отечественных поставщиков, должна была вызвать резкое повышение себестоимости продукции и рост запасов (оба эти показателя давно не публикуются в ГДР). В итоге предполагавшиеся преимущества новой организации были перекрыты сужением специализации до еще более низкого уровня, чем был присущ ХСТ прежде.

Недостаточная специализация

3. Еще одна черта, присущая системе ХСТ, — двойственная недостаточность специализации промышленной структуры. Вследствие склонности к замене импорта внутренним производством (итог ориентации на внутренний рынок) ни одно из восточноевропейских малых ХСТ не реализовало преимуществ международного разделения труда. Они выпускают слишком широкий ассортимент продукции слишком малыми сериями (в особенности — промежуточной продукции) на основе устарелой технологии и слишком многих видов материалов и компонентов продукции. В результате себестоимость этих товаров оказывалась

высокой, сами они технически устарелыми и низкого качества, а значит низка и их конкурентоспособность на мировых рынках. Характерный симптом недостаточной специализации — повышенная доля отраслей, производящих промежуточные продукты, в формировании валового внутреннего продукта (ВВП).

Разумеется, эта черта присуща не только ХСТ. Многие развивающиеся страны, избравшие стратегию замены импорта внутренним производством, страдают от тех же трудностей. Однако для ХСТ трудности создают другой тип недостаточной специализации, присущей только этим системам. Испытывая хронический и непреходящий дефицит во всем, предприятия склонны все делать сами. Чтобы снизить уровень неопределенности в области поставок, они предпочитают производить как можно больше в собственной организации. Они пытаются осуществить все стадии процесса переработки, произвести все детали и узлы конечного продукта, все детали, узлы и вспомогательный инструмент для оборудования предприятия. В итоге масштабы предприятия перестают соответствовать масштабам производства. Трудовые ресурсы расплываются, а промежуточные продукты имеют более высокую себестоимость, чем на специализированных предприятиях. Если недостаточная специализация экономики страны косвенно влияет на повышение доли промышленности в валовом внутреннем продукте за счет увеличения доли отраслей, производящих промежуточные продукты, то недостаточная специализация предприятий прямо влияет на увеличение доли промышленности в этом продукте, ибо она проявляется во всех отраслях. Однако особенно заметно это в машиностроении, где стадий обработки, числа деталей и узлов значительно больше, чем в других отраслях.

Тут-то и следует искать причину обострения трудностей в последние годы. Поскольку отрасли машиностроения рассматривались как ключевые в стратегии „интенсивного“⁴ роста в ХСТ, то их расширение за счет импорта технологии и капитального оборудования не только обострило проблемы управления, но и вызвало дополнительные потребности в ресурсах (рабочая сила, оборудование, материальные затраты), которые просто выходили за пределы возможности этих хозяйств. Но и там, где этот спрос полностью не удовлетворялся, все же происходил

сдвиг ресурсов в машиностроительные отрасли, что ухудшало положение других сфер хозяйства.

Здесь следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. Чрезмерное развитие промышленности может продолжаться до тех пор, пока имеются трудовые ресурсы, которые можно занять в этой отрасли хозяйства. Однако к концу 70-х годов трудовые ресурсы, основным источником которых был переход рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, в целом иссякли.⁵ В то же время перемещение рабочей силы внутри промышленности из медленно развивающихся отраслей в быстро развивающиеся в хозяйствах автаркического типа почти не происходит. Поэтому промышленности остается лишь приростная добавка к трудовым ресурсам, которую ей приходится делить со сферой услуг, много лет пренебрегавшейся.

В последнее время эта сфера начинает больше влиять на эффективность функционирования ХСТ. В течение последнего десятилетия и далее все ХСТ (кроме, может быть, Румынии) достигли в показателе удельного веса промышленности в душевом объеме валового общественного продукта (ВОП); увеличился удельный вес услуг и в валовом внутреннем продукте (ВВП) и в использовании трудовых ресурсов. В тех случаях, когда доля промышленности продолжала расти, сокращался объем услуг, необходимых для поддержания промышленного развития; и это произошло именно в тот момент, когда такие услуги стали особенно необходимыми вследствие усложнения самой сферы производства.

Медленность процессов обновления

4. Медленность процессов обновления – еще одна хорошо известная черта ХСТ. Выше уже подчеркивалось отсутствие стимулов для ресурсосберегающих обновлений; существует, однако, более глубокая причина сопротивления новшествам. Я уже отмечал в другой работе, что каждое нововведение должно быть освоено в уже существующем производстве. Однако работники на производстве заинтересованы прежде всего в выполнении плановых заданий текущего планового периода. Даже если нововведение может способствовать увеличению выпуска продукции, риск из-за длительности отсрочки такой

возможности (до того, как новая технология будет освоена) и последующие помехи производственному процессу серьезно восстанавливают их против нововведений. Поскольку ни угроза конкуренции, ни перспектива финансового краха не противодействуют склонности руководителей предприятий избегать риска, в пораженных недугом постоянным дефицита ХСТ нововведения скорее исключения, нежели правило.⁶

Импортом технологии и кредитами с Запада, поток которых усилился значительно в 70-е годы, надеялись обойти это препятствие „интенсивному” росту в ХСТ и компенсировать снижение эффективности капитальных вложений. Но успеха достигнуто не было. Конечно, передовые технологии и оборудование, даже закупленные с опозданием и используемые менее эффективно, чем на Западе, повысили производительность труда в импортировавших их странах, но этот рост был достигнут дорогой ценой, а именно:

а) ускорилось техническое старение оборудования (так как его установка и достижение проектной мощности были растянуты во времени);

б) стоимость строительства этих предприятий была выше обычных смет из-за сложности их оборудования;

в) увеличился, по сравнению с запланированным, импорт промежуточного продукта (из-за невозможности соблюдать повышенные требования к нему) и поэтому возросла себестоимость отечественного продукта;

г) завоевание экспортных рынков не удавалось (поскольку из-за всех отсрочек товары, произведенные по иностранным лицензиям, достигали экспортных рынков на стадии морального устаревания данного продукта).

В дополнение к этим отрицательным последствиям, в тяжелую промышленность, которая была главным получателем технологического импорта, приходилось направлять дополнительные ресурсы. В результате импорт технологии скорее способствовал приближению „смутного времени”, нежели ожидавшемуся „интенсивному росту”.

Эффективность использования ресурсов.

5. Согласно почти всем учебникам о сравнительных эко-

номических системах, одним из немногих и, возможно, наиболее важных преимуществ централизованного планирования является способность мобилизовать финансовые и иные ресурсы и так их разместить, чтобы осуществлять крупные и приоритетные проекты. Эта особенность централизованного планирования способствовала росту экономики на ранней стадии индустриализации, когда отрасли массового производства развивались быстрее других.⁷ Но когда роль двигателя роста перешла к отраслям, где нововведения, гибкость, риск и другие предпринимательские качества играют главную роль, преимущество это существенно сокротилось.

Смена технических и экономических тенденций в мировом хозяйстве в начале 70-х годов и политические решения, принятые в самих ХСТ, в целом или усиливали негативные следствия многочисленных слабых сторон ХСТ или ослабляли эффект немногих преимуществ, которыми те обладали. Целый ряд симптомов – высокое ресурсопотребление на единицу продукции, снижение эффективности капитальных вложений, гипертрофия промышленности, расширение импорта при неспособности производить сложные товары высокого качества на экспорт – все это свидетельствует о накоплении проблем ХСТ в этот период.

Имеются и другие причины снижения эффективности экономики ХСТ, однако, мы не будем рассматривать старые проблемы, отрицательное влияние которых не усиливалось в последнее время, даже если можно ожидать такого усиления в будущем (например, длительное пренебрежение инфраструктурой), и проблемы, влияние которых проявится сильнее лишь в будущем (например, загрязнение окружающей среды в малых странах Восточной Европы). Мы рассмотрим лишь влияние фактора, который Древновский называет „тканью экономики”, а Уайлс – „неошутимым фактором”. По существу оба рассматривают политический и социально-психологический фон хозяйственной деятельности. Древновский утверждает, что писанные и неписанные правила экономической игры остались неизвестными ее участникам и не соблюдаются ими. В результате десятилетий подавления истины, искоренения инакомыслия (особенно опасного в хозяйствах, не обладающих способностью к самокорреляции) и порядочности „ткань экономики” в хозяйствах

советского типа дегенерировала и произошло резкое снижение их эффективности. Уайлс указывает на цинизм и коррупцию, многолетнее нарушение обещаний, что привело в Восточной Европе к распространению чувства о негодности „не только экономики, но и всей теократической системы”.

Моральные и политические сомнения

Автор склонен принять точку зрения Уайлса. Все факторы, названные Древновским, в самом деле отрицательно воздействуют на хозяйственную деятельность в Восточной Европе, но в этих областях не произошло существенного ухудшения в масштабах всей системы в 70-е годы.⁸ Всегда сложно доказать тезис о кумулятивном эффекте, вызвавшем коренные перемены, не объяснив, почему эти перемены не произошли ранее или позднее. Между тем, суждение Уайлса, если очертить его точные границы и связать с определенными последствиями для экономической эффективности, может послужить определением причины второго порядка, производной от причин, перечисленных выше.

Для восточноевропейских обществ главным результатом экономического спада были застой и снижение жизненного уровня. Скрытая инфляция усилилась и впервые с начала 50-х годов проявилась также открытая инфляция. Продолжительный застой или падение жизненного уровня, начавшиеся в конце 70-х годов, убеждали жителей Восточной Европы, что даже то скромное повышение уровня жизни, которого им удалось достигнуть в середине 50-х годов, ушло в прошлое. Общества в целом, а не только интеллектуальная элита, пришли к выводу, что система безнадежно неэффективна (вспомним горячие дискуссии о способности системы к реформам в Польше в 1980–1981 гг.).

Такие взгляды оказывают, конечно, более сильный эффект, чем обычная реакция рабочих на растущие неполадки на рынке потребительских товаров. Усиливающиеся нехватки, удлинение очередей и возрастание сложности поиска товаров модифицируются в снижение трудовых усилий: люди проводят на работе меньше времени и работают менее старательно. Этот фактор стал воздействовать на экономику сильнее, чем раньше.⁹ Так, ожидания, трансформировавшись в позицию, в отношении,

а затем — и в ухудшение отношения к работе, укоренившись, превращаются в причину (второго порядка), которая начинает сама по себе влиять на эффективность хозяйства. Безнадежность порождает цинизм, а цинизм — коррупцию, прямо способствуя дальнейшему экономическому спаду. Не так уж важно, что в Польше люди открыто говорят: „король гол”, а в Венгрии они осторожно выражают надежду, что, возможно, в конце концов, вдруг удастся сшить новые одежды, а в других странах об этом говорят очень мало или вообще молчат. Различия имеются и вне этих обстоятельств, прежде всего — в традициях ведения хозяйства. В странах, где индустриализация совершилась до установления коммунистического режима, рабочие и служащие просто не могли работать хуже некоего уровня, потому что считали это невозможным; в недавно преобразовавшихся крестьянских обществах этот уровень был существенно ниже.

Симптомы: некоторые количественные показатели

Обратимся теперь к симптомам, порожденным описанными причинами. Следует сопоставить эмпирические свидетельства об абсолютном и относительном ухудшении состояния экономики в Восточной Европе. Многие эти данные приводились в других публикациях, поэтому здесь будут представлены только редко приводимые или совершенно новые сведения.

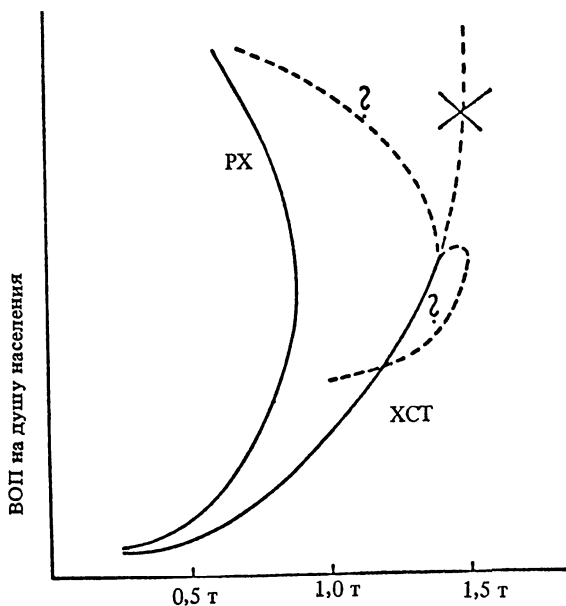
Высокая ресурсоемкость

Наиболее часто обсуждается симптом *высокой ресурсоемкости*. Она вызвана относительно хорошо известными причинами, свойственными данной системе, и характеризует ХСТ в течение всего периода их развития. В настоящее время потребление энергии и стали на доллар валового общественного продукта (ВОП) в этих хозяйствах в 2–2,5 раза выше, чем на промышленном Западе (см. табл. А). Смиль и Куц полагают, что каждая страна проходит три стадии энергопотребления. На доиндустриальной стадии энергопотребление на единицу валового внутреннего продукта (ВВП) находится на низком уровне; на стадии индустриального развития оно быстро возрастает; наконец,

в зрелом хозяйстве происходит опережающее развитие менее ресурсоемких отраслей, и удельный вес промышленности в ВВП снижается, а доля сферы услуг — возрастает. В результате, на третьей стадии развития потребление энергии на единицу ВВП снижается. Эта теория подтверждается опытом стран третьего мира и развитых экономик Запада.

Однако при сопоставлении нынешнего потребления энергии в ХСТ и в некоторых промышленных западноевропейских РХ 20 лет назад, когда ВОП на душу населения в этих странах находился примерно на уровне ВОП нынешних ХСТ, теория Смита и Куца не подтверждается для ХСТ: их нынешнее ресурсопотребление значительно выше. Этот вывод подтверждает сравнение ХСТ с нынешним уровнем Ирландии и Испании, в которых ВОП близок к ВОП нынешних ХСТ. И здесь ресурсопотребление в ХСТ в 1,5–2 раза выше.

Отягощенные свойственной системе высокой ресурсоемкостью,¹⁰ все ХСТ (кроме Советского Союза) уже испытывают нехватку отечественных ресурсов. К концу 60-х годов все они (опять-таки за исключением Советского Союза) стали импортерами промышленного сырья, а затем и импортерами энергоносителей (Польша замкнула этот список в конце 70-х годов). Высокая ресурсоемкость продукции в сочетании с растущими потребностями в импорте, стала серьезным препятствием роста. Хотя малые ХСТ получали большую часть импортного естественного сырья из Советского Союза, стоимость этого сырья стала расти, что привело к дефициту торгового баланса и с Советским Союзом. Поскольку трудно ожидать существенного (а то и вообще какого-либо) роста импорта сырья из Советского Союза, а возможности закупок на мировом рынке закрыты из-за задолженности и низкой эффективности экспорта малых ХСТ, они стоят перед альтернативой: застой, а возможно — и спад, или далеко идущие реформы, которые сократят ресурсоемкость продукции до уровня, характерного для других стран. Эта альтернатива графически представлена на рис. 1. Следует подчеркнуть, что перспективы сокращения ресурсоемкости продукции в системе централизованного планирования не слишком обнадеживающи. В 1976–1980 гг., когда все ХСТ стали острее ощущать воздействие повышенной ресурсоемкости, четыре из них (Чехословакия, ГДР, Венгрия

Энергосмкость ВОП в тоннах условного топлива на 1000 долларов ВОП

Рис. 1. Фактические изменения энергоёмкости ВОП в рыночных хозяйствах (РХ) и хозяйствах советского типа (ХСТ) на различных уровнях валового общественного продукта (ВОП) на душу населения и альтернативы будущих перемен энергоёмкости, возможные в ХСТ.

и Польша продемонстрировали дальнейший рост ресурсоемкости национального дохода (чистого материального продукта), а в других странах снижение ресурсоемкости было ничтожно малым. Существенная экономия была достигнута только в СССР и Болгарии, но и здесь — лишь в промышленности.*

Снижение эффективности капитальных вложений

Снижение эффективности капитальных вложений — еще один симптом, связанный с глубоко присущими лишь данной системе чертами. Ошибочно принятая структура стимулов в сочетании с мягкостью ограничений, налагаемых на предприятия бюджетом, порождает избыточный спрос на капитальные средства и на все прочие компоненты производства. В сочетании с нерасположением к новому это оставляет лишь один путь борьбы с дефицитностью — дополнительные капитальные вложения. Гипертрофия производственной сферы сама по себе толкает к дополнительным капиталовложениям. Наконец, иерархия плановых и административных органов все медленнее реагирует на происходящее по мере усложнения капитальных проектов и не обеспечивается ускорение капитального строительства в отраслях, где технология производства меняется быстрее.¹¹

Этот давний порок ХСТ сохраняется несмотря на непрерывный поток постановлений и политических инициатив, направленных на „дальнейшее совершенствование механизма капиталовложений”. По-прежнему взлеты капитальных вложений перемежаются с последующими их спадами, став неотъемлемой чертой развития ХСТ. Частичные реформы пытаются лишь снизить *абсолютную* привлекательность капиталовложений. Рациональнее было бы сокращение *относительной* привлекательной капитальных вложений по сравнению с нововведениями; но это требовало бы далеко идущих преобразований системы. Если не изменится иерархическая бюрократия централизованного планирования и сохранятся „мягкие” бюджетные ограничения для предприятий, будет продолжаться избыточный спрос на капитальные вложения, какие бы частные реформы ни предпринимались.

* См. Economic Survey of Europe, 1982.

Низкая эффективность капиталовложений — печально известная черта ХСТ: их экономический рост скорее связан с затратами на капиталовложения, нежели с повышением их эффективности. Темпы роста национального дохода значительно больше коррелируются с темпами роста объема капитальных вложений без временного лага, чем с показателями, учитывающими лаг в один—два года; это свидетельствует о том, что экономическому росту способствуют *текущие капиталовложения*, а не сделанные ранее и через процесс производства преобразованные в новые мощности. Такой тип развития не только расточителен, но становится *все более* расточительным; если продолжить временные ряды до 1983 г., возрастают и коэффициенты корреляции и уровни значения.

Продолжение этой расточительности усиливает, а не подавляет дисбаланс в экономике. В пятилетнем плане 1986—1990 гг. пришлось сократить капиталовложения, и рост их объема замедлился во всех странах (в Польше по существу произошло их снижение). Сокращение капитальных вложений привело в начале 80-х годов к снижению темпов экономического роста до нуля или почти до нуля. Во избежание слишком резкого сокращения жизненного уровня, было намечено дальнейшее сокращение капитальных затрат, и хотя оно не было полностью осуществлено, произошло абсолютное снижение объема капиталовложений в большинстве ХСТ (эти события хорошо известны, и мы не будем обсуждать их).

Снижение эффективности капитальных вложений в сочетании с ограничением возможностей их абсолютного прироста не предвещает ничего хорошего для будущего экономического развития Советского Союза и других ХСТ. С замедлением прироста ресурсов рабочей силы, капиталовложения становятся еще более важным двигателем экономического роста, который сохраняет свой „экстенсивный” характер. Хозяйства советского типа весьма зависят от высоких темпов экономического роста, так как низкое качество продукции, ее нерадивое использование и плохое обслуживание порождают избыточный спрос предприятий в дополнение к факторам, рассмотренным выше. Трубы (рельсы и т. п.) низкого качества приходится менять чаще, чем высококачественные; плохие дороги приходится

чаще ремонтировать; то же относится к производственному оборудованию. Литература полна примерами повышенного износа и замены продукции низкого качества в ХСТ. Низкое качество создает спрос на большее количество, а это требует повышенных капиталовложений на производство опять-таки низкокачественной продукции. Этот и другие факторы способствуют повышению спроса на капиталовложения и повышению доли капитальных затрат в национальном доходе (чистом материальном продукте — ЧМТ).¹² В то же время возможности ХСТ удовлетворить этот спрос сокращаются и в отношении количества, и в отношении качества. Этот разрыв между потребностями и возможностями, по-видимому, в будущем расширится, так как к нынешнему спросу будет прибавляться новый и/или повышенный спрос.

Гипертрофия производства

Ненасытный спрос на все, не только на капиталовложения, в будущем станет еще труднее удовлетворить вследствие гипертрофии сферы производства как составляющей ВВП. Этот особый симптом, свойственный ХСТ, в основном остался незамеченным, вероятно, потому что искаженные соотношения цен в этих странах затрудняют сравнительный анализ. Единственная известная нам работа на эту тему как раз подчеркивает роль соотношения цен (занижение их в сельском хозяйстве и сфере услуг и завышение в промышленности) для понимания различий в доле промышленности в ВВП отдельных ХСТ и европейских РХ.* Однако выводы этой работы утратили актуальность, если вообще когда-либо обладали ею.

В других моих работах проанализированы показатели удельного веса промышленности как в ВВП, так и в распределении рабочей силы в восточноевропейских ХСТ в 1965 и в 1979 гг. Отобрав 38 развивающихся и развитых хозяйств несоветского типа, я составил прогноз удельного веса промышленности для ХСТ с помощью так называемых регрессий Ченери, рассчитав эти регрессии для указанной выборки по годам. Доля рабочей

* См. Economic Survey of Europe, 1969.

силы, приходящейся на промышленность, использовалась как контрольная зависимая переменная для проверки гипотезы, что именно соотношения цен объясняют различия в структуре ВВП.

Эти расчеты подтвердили, что уже сложившаяся гипертрофия промышленных отраслей в ХСТ в дальнейшем будет возрастать. На самом деле доля промышленности в ВВП оказалась значительно выше, чем прогнозировалось, для всех ХСТ и в 1965 и в 1979 гг. — соответственно 13% и 24% (невзвешенная средняя для семи восточноевропейских ХСТ). Контрольная зависимая переменная (доля рабочей силы, поглощаемой промышленностью) подтвердила эту тенденцию, хотя различие между фактическими и прогнозируемыми показателями было гораздо меньше. Результаты расчетов на 1965 г. нелегко было истолковать однозначно. Хотя в среднем фактическая доля рабочей силы, занятой в промышленности, оказалась на 4% выше прогноза; в двух странах — Польше и Румынии — она оказалась несколько ниже. Однако между 1965 и 1979 гг. это отсутствие гомогенности исчезло. В 1979 г. фактическая доля оказалась выше прогнозируемой во всех семи ХСТ при невзвешенной средней, равной 11%.

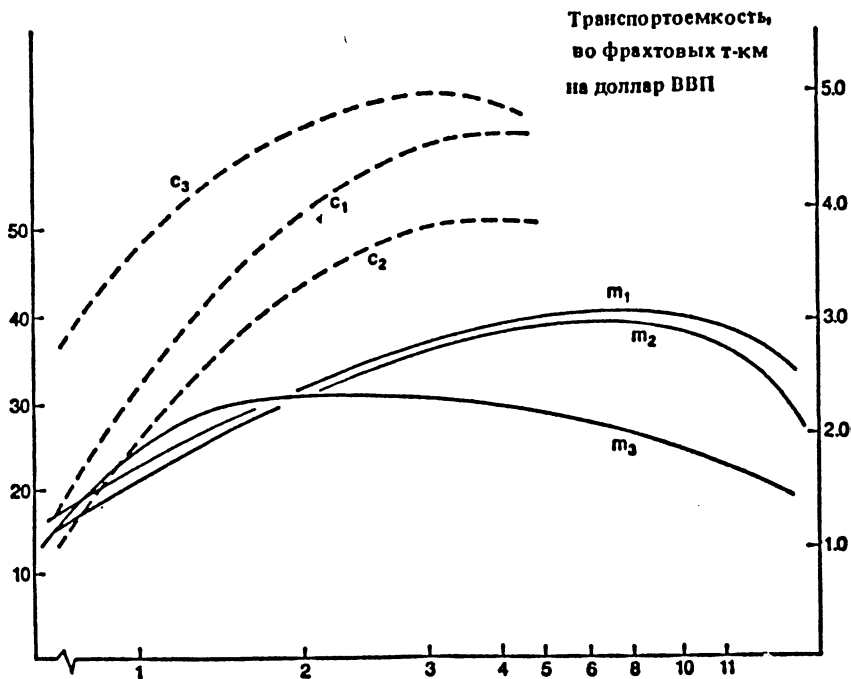
Таким образом, по типу структурных изменений ХСТ существенно отличаются от остального мира. Нормально удельный вес промышленности в ВВП перестает расти при достижении определенного уровня на душу населения, а в дальнейшем начинает медленно снижаться. В противоположность этому в ХСТ при тех же показателях душевого ВОП доля промышленности имеет тенденцию к росту при увеличении ВОП на душу населения.

Почти все коренные недостатки ХСТ, в особенности недостаточность специализации, создают тенденцию к постоянному росту сферы производства, выходящему за все рамки, известные из истории структурных изменений в мировой экономике. Эти искажения в ХСТ в настоящее время углубились и стали самовоспроизводиться. Сначала гипертрофированная промышленность, в особенности машиностроение, создает чрезмерный спрос на материалы и сырье. Это, в свою очередь, создает спрос на расширение добывающих отраслей. В среднем с 1963 г.

по 1980 г. доля добывающей промышленности в общей продукции промышленности в ХСТ была вдвое выше, чем в малых и средних промышленно-развитых РХ, и в 1,5–2 раза выше, чем в развивающихся РХ с сопоставимыми показателями ВОП на душу населения. Далее, непропорционально высокая доля добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности в продукте создает чрезмерный спрос на услуги транспорта. В целом транспортность продукта, подобно удельному весу промышленности, имеет тенденцию к росту в процессе индустриализации, но, опять-таки как и промышленность, этот показатель со временем стабилизируется, а затем и снижается. Сокращение доли транспорта обычно заметнее, чем сокращение доли промышленности. Все кривые, отражающие эти перемены (доля промышленности в ВВП и в распределении рабочей силы, транспортность), с изменениями показателя ВОП на душу населения, выглядят весьма сходно повсюду, кроме ХСТ. В то же время, для ХСТ как для группы, эти кривые выглядят достаточно сходно,¹³ показывая их общие, специфические для системы черты (см. рис. 2).

Столь связанный характер избыточного спроса имеет глубокие последствия. Избыточный спрос в обрабатывающей промышленности порождает избыточный спрос на капиталовложения в добывающие отрасли и в производство промежуточного продукта, ибо представляется, что только новые капиталовложения могут возместить нехватки. Увеличение капиталовложений порождает дополнительный спрос на капиталовложения в машиностроение и в промышленность строительных материалов. Это, в свою очередь, порождает новый спрос на сырье, основные материалы и промежуточный продукт. И на каждой стадии возникает новый спрос на услуги транспорта.

По мере того как гипертрофированная промышленность (а ее гипертрофия стала очевидной к концу 70-х годов) отсасывает непропорционально большую долю ресурсов в ХСТ, добавляется еще один отрицательно действующий фактор, тоже снижающий эффективность функционирования этих хозяйств. Другие отрасли, в особенности сфера услуг, страдают от нехватки рабочей силы и капиталовложений и не могут обеспечить уровня, соответствующего современному индустриальному хозяйству. Но не только неадекватная инфраструктура (оптовая

ВОП на душу населения в тыс. долларов США в ценах 1979 г.

Доля промышленности в ВВП в РХ/ m_1 / и ХСТ/ c_1 /
 m_2 и c_2 — доля промышленности в распределении рабочей силы
 m_3 и c_3 — транспортная емкость во фрахтовых т-км на единицу
 ВВП (в долларах 1979 г.)

Примечание: Показатель транспортной емкости в ХСТ не включает данные по СССР и Румынии, для РХ включены только европейские страны.

Рис. 2. Тенденции изменения удельного веса промышленности в ВВП и в распределении рабочей силы с изменением уровней ВОП на душу населения в развивающихся и развитых РХ, а также в ХСТ, и транспортная емкость единицы ВВП для обеих групп стран (в сопоставлении с уровнями ВОП на душу населения).

торговля, складское хозяйство, распределение, связь, обслуживание деловых контактов) обуславливает низкую эффективность функционирования ХСТ. Недостатки обслуживания потребителей повышают издержки ведения домашних хозяйств, и в сочетании с нехваткой потребительских товаров усиливают недовольство производителей сферой потребления, что отрицательно сказывается на их трудовых усилиях.

Снижение эффективности внешней торговли

Еще два симптома снижения эффективности ХСТ связаны со сферой внешнеэкономических отношений. Здесь существует постоянно растущий спрос на импортное сырье, промежуточные продукты, детали и узлы. Характер избыточного спроса на импорт в хозяйстве, ориентированном на замещение импорта собственным производством, хорошо известен, и я не буду рассматривать это подробно. По мере создания новых отраслей, если их спрос не удовлетворяется за счет внутреннего производства (вследствие высокой себестоимости слишком многих видов продукции, выпускаемых слишком малыми сериями), потребность в импорте материалов скорее возрастает, нежели снижается. ХСТ не являются здесь исключением. Однако их положение в этом отношении особенно сложно, ибо усиленная потребность в импорте обостряется еще более из-за чрезмерно высокого ресурсопотребления, а также вследствие того, что дополнительное сырье может быть получено лишь на мировом рынке. Этим объясняется одинаковая стратегия всех ХСТ и общий для всех этих стран давящий их спрос на импортные материалы.

Это давление усиливается и в связи со структурными изменениями в хозяйствах, происходящими в настоящее время, и в связи с импортом технологии. В той или иной мере это свойственно всем ХСТ, независимо от уровня импорта технологии. Соотношение между импортом, вызванным производством товаров по лицензиям, и платой за лицензии, которое в Польше составляет 8,7:1, а в Чехословакии — 12,5:1, отчасти свидетельствует о масштабах этого явления. Попытки увеличить удельный вес машиностроения усиливают давление в

сторону импорта, не связанного с лицензионными производствами, и это чувствуется во всей Восточной Европе.

Теперь рассмотрим симптомы снижения эффективности экспорта ХСТ на мировых (в основном на западных) рынках в рассматриваемый период. Теоретические доводы, что ХСТ неспособны достигнуть успеха в специализации, достаточной для экспорта продукции машиностроения, могут быть достаточно строго сформулированы.*

Надежный показатель уровня переработки или стоимости, добавленной переработкой, — это так называемая цена 1 кг продукта. Так как 1 кг ЭВМ имеет гораздо более высокую стоимость, добавленную переработкой, нежели, скажем, 1 кг рельсов, то цена 1 кг экспорта в какой-то мере указывает на степень сложности производства экспортируемых изделий, и ее можно сопоставить с ценой, которую другая страна получает на том же рынке или рынках.

Лучшим показателем здесь могут быть продукты машиностроения, ибо для успеха их сбыта необходимы все важные составляющие успешного экспорта: элемент новизны, гибкость, качество отделки, уровень обслуживания после продажи. Взяв в качестве масштаба сравнения средние цены, полученные промышленными странами Запада на рынках ЕЭС, я рассчитал соотношение цен в 1965, 1970 и 1980 гг. с ценами, полученными на тех же рынках ХСТ. Полученные данные показывают неравенство в товарной структуре (и, позволительно добавить, в качестве) товаров, вывезенных на те же рынки.¹⁴

В течение 15 лет у всех ХСТ отмечалось относительное снижение экспортных цен по сравнению с полученными странами Запада — для ХСТ, взятых как группа (средневзвешенный показатель), это соотношение снизилось с 0,5 до 0,35, то есть если в 1965 г. средняя цена одного килограмма машиностроительной продукции ХСТ составляла половину цены тех же товаров, экспортированных на те же рынки западными странами, то в 1980 г. это соотношение упало до одной трети. Еще важнее, что если между 1965 и 1970 г. две страны (Болгария и Румыния) несколько улучшили этот показатель, а Польша сохранила

* См., например, Я. Винецкий, *Planification centrale et exportation des produits manufactures Revue d'études comparatives Est—Ouest*, Vol. 16, No. 2.

свои позиции, то между 1970 и 1980 г. этот показатель резко ухудшился для всех ХСТ.

Соотношение между экспортной и импортной ценой одного и того же продукта также показывает на каждом товаре возрастание разрыва между ХСТ и Западом в степени обработки, как и еще один показатель — доля данного рынка в западном импорте по важнейшим товарным группам. Все эти индикаторы указывают одно и то же направление изменений — к ухудшению. Следует, однако, отметить, что снижение доли ХСТ в западном импорте не было монотонным. Венгрия, Польша, Румыния и Советский Союз между 1970 и 1977 г. увеличили свою долю в западном импорте продукции машиностроения обрабатывающей промышленности, но между 1977 и 1981 г. все четыре страны утратили все, что завоевали ранее (три другие ХСТ снижали свои доли в оба этих периода). Поскольку эта четверка ранее расширила импорт технологии в большей мере, чем три остальные страны, это, возможно, указывает на то, что первоначальное расширение экспорта в значительной мере зависело от импорта западных государств: с сокращением импорта в последующий период ХСТ не смогли сохранить свои позиции в товарообороте с Западом.

Кумулятивный эффект: значительно хуже, чем показывают официальные сообщения

Основные причины снижения эффективности ХСТ, проявляющиеся в симптомах, рассмотренных выше, отражаются в сводных статистических показателях экономического роста, инфляции, уровня потребления, а также в показателях благосостояния населения. Эти сводные итоги уже рассматривались специалистами, которые пришли к общему соглашению, что в настоящее время сводная статистика роста ведется хуже, чем когда бы то ни было прежде в странах с коммунистическими правительствами.¹⁵ На этом можно было бы закончить обсуждение, если бы не было хорошо известно, что сводная статистика ХСТ всегда переоценивала их эффективность. Следовательно, нынешние показатели, как бы плохи они ни были, на самом деле еще хуже, а подчас — *намного* хуже, чем сообщается

официально. Однако количественная оценка этого искажения зависит от возможности разделить скрытую инфляцию, которая является типичным для ХСТ феноменом,* на компонент, снижающий рост экономики, и просто инфляцию в чистом виде. Это, в свою очередь, зависит от метода анализа скрытой инфляции.

Скрытая инфляция

Установим сначала уровень иерархии, на котором осуществляется сокрытие инфляции. Б. Чикош-Надь, многолетний председатель венгерской комиссии по ценообразованию, в одной из своих статей подчеркнул, что в других ХСТ выборка товаров, используемая для расчетов индексов цен, не включает: а) товары, продаваемые на свободном (колхозном) рынке; б) товары, производимые малыми предприятиями, ориентированными на местные рынки; и в) в некоторых ХСТ не включают даже услуги, предоставляемые государственным сектором. Таким образом, круг выборки весьма узок. При этом цены на репрезентативные товары оставляют неизменными, а смены удельного веса различных товаров в наборе потребления, например, повышение доли заменителей, идущих по повышенным ценам, игнорируют. Следовательно, *точность* расчетов также низка.

В результате, частично инфляция в ХСТ (исключая Венгрию и в какой-то мере с недавнего времени — Польшу),¹⁶ остается скрытой по *замыслу* центра. Это искажает индекс потребительских цен, занижая его. Кроме этих постоянных искажений, вызываемых установленным составом выборки, время от времени осуществляются *санкционированные* искажения индексов. С накоплением дисбаланса, вызванного системными причинами, возникает необходимость повышений цен. Однако его истинные масштабы скрываются от общественности.¹⁷

Инфляция не ограничивается, однако, тем, что центр скрывает от общества; она включает также, образно говоря, ту инфляцию, которую общество скрывает от центра. Многие

* См., например, Я. Винецкий, Инфляция при централизованном планировании: причины, процессы и результаты. *Konjunkturpolitik*, Nett, 1985.

авторы на Востоке и на Западе описывали методы подделки отчетов предприятий о выполнении планов. Это не только завышает данные о количественном выполнении планов, но и снижает статистику цен. Существуют три метода, которые делают и то и другое одновременно.*

Самый грубый метод — это изменение ассортимента продукции предприятия таким образом, чтобы увеличить в нем долю более дорогостоящих изделий. Преимущества этого для предприятия очевидны: более дорогие товары позволяют легче выполнить план и даже незначительно перевыполнить его и таким образом получить причитающиеся за перевыполнение премии для рабочих и администрации. Такие подмены, иногда называемые „пересортицей”, центральные плановые органы обнаружить не могут, если набор сменен на уровне предприятия, так что Чикош-Надь и Рач не рассматривают эту часть подмены.

Следующий метод — ухудшение качества продукции вследствие плохой обработки или материалов, не соответствующих нормам (или и того, и другого). Если качество снижается без изменения цены, фактический уровень цен повышается, даже если контроль над ценами товаров запрещает это.

Наконец, псевдонововведения: товары, цены которых возрастают непропорционально улучшениям, в них введенным. Это также повышает уровень цен. Часто такой процесс сопровождается исчезновением из продажи более дешевых товаров (это тоже своего рода пересортица).

Как уже сказано, эти три метода подделки статистики на предприятиях оказывают двойное воздействие. Они занижают статистику цен, так как уровень цен возрастает без повышения цен на отдельные товары, контролируемые центральными плановыми органами. Одновременно это завышает количественные показатели, ибо увеличение ценовых показателей регистрируется сводной статистикой как увеличение массы товаров.

Следует, однако, подчеркнуть, что инфляция, скрываемая и сверху, и снизу, нередко сопровождается полускрытой инфляцией в обоих направлениях. С обострением неравновесия

* В. Czikos-Nagy, Социалистическая теория и практика ценообразования, Akademiai Kiado, Будапешт, 1975.

центральные плановые органы могут тем или иным путем поощрить предприятия повышать цены, снижая качество или производя псевдоновинки по более высоким ценам. Так, польское руководство направило предприятиям мясной промышленности два письма с указаниями сократить содержание мяса в колбасах на величину, равную повышению цен на 12,8%.*

Другой пример — это широко известное в Польше письмо бывшего премьер-министра, направленное в 1976 г. всем предприятиям, об установлении *минимального* увеличения цен на новые товары по сравнению со старыми на уровне 30%. Это был обходный маневр для подавления чрезмерного спроса, когда официально объявленное повышение цен пришлось отменить из-за вспышки забастовок. Таким образом, центр был готов позволить обмануть себя до известной степени в отношении реального количества товаров, поставленных потребителю, ради того, чтобы восстановить равновесие на рынке потребительских товаров.

Выше мы рассмотрели лишь индексы потребительских цен и рынка потребительских товаров; однако все три описанные выше метода приложимы к оптовым ценам и к средствам производства.**

В конечном итоге центральным плановым органам меньше известно о реальных объемах продукции на рынке средств производства, который для них более важен. Здесь они не обманывают самих себя — только их обманывают. Наоборот, на рынке предметов потребления они ближе к истинному положению дел, ибо они примерно знают, насколько их обманывают, знают, насколько они принуждают предприятия обманывать, и потому они могут по меньшей мере попытаться приблизиться к реальным показателям.

Не все проявления скрытой инфляции resultируют в снижении экономического роста. Однако чисто фиктивные добавки к отчетам о выполнении планов, ухудшение качества продукции вследствие использования ненормативных компонентов, а также псевдонововведения, которые завывают

* См., например, K. Laski, *Inflations probleme in den sozialistischen Landern*, Wien, Institut fur Internationale Wirtschaftsvergleich, No. 38, 1977.

** См., например, F. Pindak, *Inflation under Central Planning*, *Handbuch der Wirtschaft Osteuropas*, Vol. II, 1983.

стоимость, добавленную переработкой, бесспорно, должны быть исключены из расчетов показателей экономического роста. Нелегко оценить, насколько ниже после таких исключений должны быть показатели роста, которые в настоящее время и без этого резко снизились.

Завышение показателей роста

Наиболее глубокое исследование этого вопроса по странам и отраслям провела Европейская экономическая комиссия ООН. Она изучала уровни ВВП на душу населения стран Востока и Запада и их изменения в 1951–1973 гг. Исследование показало весьма характерную структуру разрыва между официальными данными о ВВП/ЧМП* (национальном доходе) и данными, полученными на основе методологии физических показателей.¹⁸

Во-первых, отклонения для РХ (кроме Японии) были явно ниже, чем для ХСТ, и во-вторых, они шли в *обоих* направлениях, тогда как для ХСТ отклонения шли только в *одном* направлении: темпы роста, основанные на физических показателях, во всех случаях были ниже официальных. Только для Венгрии отклонения были в пределах, типичных для РХ, вновь подтвердив, что ее статистика самая надежная во всей Восточной Европе. Сопоставления данных по всем семи ХСТ для всего периода 1951–1973 гг., а также для отдельных частей этого периода, приводимые в этом исследовании, приведены в табл. Б. Из таблицы видно, что более реальные показатели экономического роста ХСТ, рассчитанные по методологии ООН, составляют от 90% (Венгрия) до 55% (ГДР) официальных показателей (использование темпов роста продукции на душу населения вместо общих темпов роста не слишком влияет на сопоставление). Но и эти соотношения завышены. По мнению автора, методы исследования ООН не могут уловить воздействие скрытой инфляции как фактора, снижающего реальные темпы роста. Ухудшение качества, вызванное плохой обработкой и использованием низкокачественных материалов, проходит незамеченным, а вынужденная частая замена таких товаров из-за их быстро-

* ЧМП — Чистый материальный продукт.

го износа засчитывается как рост объема производства и/или потребления. Можно добавить, что темпы роста производства товаров и услуг, не вошедших в список физических показателей, предположительно настолько же ниже, а это тоже не включалось в расчет.

Кроме того, производство более сложной продукции легче подделать, чем, например, стали, цемента, автомобилей или сахара (которые включены в список для расчета физических показателей).

Правильность нашего подхода доказывает широкое, тщательное исследование экономического роста в СССР, проведенное в 1982 г. конгрессом США. Используя смешанную методологию, в которой временные ряды производства и потребления даны в количественных показателях, а официальные временные ряды — в стоимостных показателях (там, где надежных данных нельзя было получить), а также изучив значительно более широкий набор товаров и товарных групп, авторы исследования пришли к выводу, что темпы роста ВВП в 1951–1980 гг. составили примерно 63,5% от официальных показателей роста чистого материального продукта (4,7% вместо 7,4%). Таким образом, более широкая выборка привела к выводу о еще большем различии между реально рассчитанными темпами роста и официально публикуемыми (для Советского Союза сокращение составило от 71,6% до 63,5% от официального показателя). Знаменательно примечание авторов этого исследования, что темпы роста, рассчитанные ими, при уточнениях окажутся скорее *завышенными*, нежели заниженными.

Следовательно, темпы роста последних лет, замедлившиеся и по официальным показателям, в действительности могут быть ниже 10–45%, а то и больше. Но и этим дело не кончается. Эти вычеты из официальных темпов роста — средние за длительные периоды. Вопрос состоит в том, в какой степени закон „равномерного обмана”, сформулированный А. Новом (Nove) и гласящий, что разница между публикуемыми и реальными темпами роста неизменна, сохраняет свою силу. На основе табл. Б. можно утверждать, что, если он вообще верен, то в очень ограниченной степени.

Наилучший пример этому дает ХСТ с наиболее искаженной статистикой, а именно — ГДР. Тут реальные темпы роста в

ТАБЛ. Б. Различия между темпами роста ВОП на душу населения, основанными на физических показателях (по данным исследования ООН) и темпами роста ЧМПП на душу населения по данным официальной статистики ХСТ

Г О Д Ы	НРБ	ВНР	ГДР	ПНР	СРР	СССР	ЧССР
1950—1955							
ООН	7,2	5,3	5,2	4,1	5,7	5,1	3,7
О	8,1	4,6	13,7	6,6	12,6	9,1	6,9
Р	-0,9	-0,7	-8,5	-2,5	-6,9	-4,0	-3,2
1956—1960							
ООН	7,9	4,0	4,7	3,9	4,9	5,2	4,5
О	8,7	5,7	8,0	4,8	5,6	7,7	6,2
Р	-0,8	-1,7	-3,3	-0,9	-0,7	-2,5	-1,7
1961—1965							
ООН	7,4	5,1	3,5	4,8	7,5	5,4	4,0
О	5,9	3,7	3,7	4,7	8,3	5,1	1,1
Р	1,5	1,4	-0,2	0,1	-0,8	0,3	2,9
1966—1970							
ООН	6,1	5,0	3,2	4,7	5,8	4,4	3,7
О	8,0	6,5	5,1	5,1	6,5	6,5	6,5
Р	-1,9	-1,5	1,9	-0,4	-0,7	-2,1	-2,8
1971—1973							
ООН	3,4	4,5	3,4	5,5	5,8	3,9	3,5
О	7,2	6,3	5,4	9,7	10,2	5,1	4,5
Р	-3,8	-1,8	-2,0	-4,2	-4,4	-1,2	-1,0
1950—1973							
ООН	6,6	4,8	4,0	4,5	5,9	4,8	3,9
О	7,6	5,3	7,2	5,9	8,5	6,7	5,0
Р	-1,0	-0,5	-3,2	-1,4	-2,6	-1,9	-1,1
ООН/О	0,868	0,906	0,556	0,763	0,694	0,716	0,780

Обозначения: ООН — оценка, основанная на физических показателях
 О — официальные данные
 Р — разность между официальными данными и оценкой
 ООН/О — соотношение между оценкой и официальными данными.

Источник: Economic Bulletin for Europe, Vol. 31, No. 2 (1980).

1950–1955 гг. и 1961–1965 гг. составляют соответственно 38 и 94,6% от официальных. Весьма высокое различие в первом периоде можно объяснить пропагандистскими нуждами коммунистического режима, который считал необходимым продемонстрировать – хотя бы на бумаге, если не в действительности – свою более высокую эффективность на фоне западногерманского „экономического чуда”. Поскольку темпы экономического роста ФРГ в то время были весьма высокими (и в целом и на душу населения), завышение действительных показателей ГДР было необходимо, чтобы показать „превосходство” коммунистической системы. С другой стороны, несущественность различия в 1961–1965 гг. можно отнести на счет „новой экономической системы” – единственного эксперимента с децентрализацией хозяйственного управления в истории ГДР, который, кроме всего прочего, потребовал улучшения статистики для того, чтобы не дезориентировать собственное руководство.

Для оценки соответствующих показателей более позднего времени не хватает данных. Представляется, однако, что и в этот период различия между крайне низким реальным приростом национального дохода и официальными показателями в ГДР были весьма значительными. На это указывают доступные нам показатели затрат на выпуск продукции, которые резко отклоняются от прогнозируемых величин, а также все показатели скрытой инфляции цен на потребительские товары. Цель этих завышенных показателей также лежит в политической сфере: они должны свидетельствовать о том, что ГДР, этот бастион ортодоксального централизованного планирования, неприступна для явного экономического спада, очевидного повсюду в Восточной Европе. Переход от необходимости доказывать превосходство над ФРГ к необходимости утверждаться в способности просто избежать спада сам по себе немало говорит о снижении уровня ожиданий в Восточной Европе.

Еще одно косвенное подтверждение гипотезы о завышении темпов роста можно найти в недавней работе Элтона о динамике ВОП в Восточной Европе после 1970 г. По оценке автора, темп роста восточногерманского ВОП в 1975–1982 гг. составил лишь 49,5% от официального темпа роста ЧМП (15,6% против 31,5% для всего периода). С учетом обычных оговорок о сопостави-

мости ВОП и ЧМП, завышение официальных показателей оказывается здесь более резким, чем в среднем в период 1950–1973 гг., рассчитанное в исследовании ООН; ниже оно было лишь в 1950–1955 гг. в том же исследовании. Завышение было особенно высоким не в Румынии, как можно было бы ожидать, а в Болгарии, где прирост оказался лишь 23% (!) от официального.

В целом, за исключением Польши, различия между официальными восточноевропейскими данными и оценками Элтона были выше (от 44,4 до 77%), чем в исследовании ООН за 1950–1973 гг. Ранжирование стран по разрыву показателей также оказалось иным: Элтон вскрыл наибольшие завышения в Болгарии и в ГДР, а в Польше статистика экономического роста оказалась наименее искаженной.¹⁹

„Закон равного обмана” не находит подтверждения в табл. Б. и в исследованиях по отдельным странам. Таблица показывает, что в большинстве ХСТ наблюдаются более значительные разрывы между реальными и официальными показателями в начале и в конце рассматриваемого периода. Согласно исследованию конгресса США 1982 г., наибольшие разрывы для Советского Союза приходились на 1951–1955, 1971–1975 и 1976–1980 гг.; „золотые времена честных публикаций” – это 1961–1965 гг., как и в таблице Б. Асканас и Ласки показали, что в Польше на рынке потребительских товаров и услуг в 70-е годы произошло ускорение скрытой инфляции и увеличение разрывов по сравнению с 60-ми годами. Отсюда следует, что с обострением хозяйственных проблем возрастает искушение „подправить” статистику и на уровне предприятий, чтобы показать выполнение планов, и в центре – чтобы продемонстрировать более высокую эффективность системы в целом.

Интересно выяснить, в какой мере некоторое повышение эффективности советской экономики в 1985–1986 гг. является результатом воображения публикаторов отчетности, реагирующих на более энергичное пощелкивание кнутом со стороны нового руководителя. Наблюдается тесная корреляция между более скромными официальными данными и жалобами советских официальных лиц на подделки статистики. В опубликованной в 1981 г. статье заместителя председателя советского Комитета народного контроля было открыто указано, что при-

мерно треть предприятий, прошедших проверку, были пойманы на обмане в показателях выполнения планов.* Логично было бы предположить, что все составляющие обмана, т. е. уровни завышения, численность обманывающих и численность пойманных на обмане, увеличились. Сегодня для нарушителей гораздо больше шансов подвергнуться наказаниям, однако в почти застойной экономике выполнение плана становится все более трудным делом, и обманы также должны стать чаще, чем в доброе старое время (умеренно!) высоких темпов роста.

Некоторое улучшение показателей темпов роста ХСТ после 1983 г. не меняет существенно общей картины. Во-первых, показатели роста намного завышены, особенно в странах, где официальные показатели высоки. Во-вторых, выплата внешних долгов продолжает оказывать тяжелое давление на общие поставки товаров, и значительная часть потребительских товаров, произведенных в малых ХСТ, уходит на рынки Запада и Советского Союза. В-третьих, возобновился рост капитальных вложений, и хотя возвращение высоких темпов роста, какими они были до конца 70-х годов, весьма мало вероятно, происходит сдвиг ресурсов из потребления в накопление, что усиливает тенденцию к спаду потребления. Как и прежде в системе ХСТ производство во многом развивается ради самого производства. В-четвертых, учитывая характер производства в системах советского типа, экономический рост в темпах, которые можно считать реальными, вряд ли окажется достаточным хотя бы для замены капитального оборудования, поддержания инфраструктуры и установки самого необходимого оборудования для охраны окружающей среды. В нынешних обстоятельствах приостановка экономического роста и спад потребления скорее норма, нежели исключение. Последствия этого могут быть особенно серьезными для системы, легитимация которой именно в „постоянном удовлетворении постоянно растущих материальных потребностей трудящихся” — лозунг, провозглашенный во всех ХСТ.

* „Плановое хозяйство”, 1981, № 11.

3. Ограничения будущего развития

В 80-е годы и далее ХСТ столкнутся, вероятно, с застоем или спадом, и коммунистические элиты этих стран должны будут принимать меры для исправления положения. В настоящем разделе будут рассмотрены возможные варианты дальнейшего развития стран Восточной Европы и проанализированы ограничения, с которыми столкнутся правящие элиты, т. е. будет рассмотрено, чего они *не могут* сделать, чтобы улучшить положение.

Прежде всего они не смогут начать и поддерживать длительное время существенное расширение капиталовложений. Хотя и в 1981—1984 гг. капиталовложения превысили плановые показатели (планы предусматривали более серьезные сокращения капиталовложений), они росли гораздо медленнее, чем когда-либо в прошлом. Гонка капиталовложений серьезно подорвет потребление, положение в котором смягчилось именно благодаря сокращению капиталовложений. Серьезное понижение жизненного уровня поставит под угрозу цели правителей как непосредственно, из-за взрывов недовольства, так и косвенно — вследствие снижения экономической морали и трудовых усилий работников, распространения убеждения в отсутствии перспектив к улучшению положения и усилению цинизма во всей системе.

Однако природа ХСТ требует продолжения развития производства и капиталовложений высокими темпами. Спад последних лет уже сам по себе отразится на хозяйствах Восточной Европы. Доступные нам разрозненные данные о возрастной структуре оборудования (в особенности в Польше и в Венгрии, хотя в Чехословакии и в Советском Союзе они ненамного лучше) свидетельствуют об ухудшении положения в этой области. При этом следует помнить, что добывающая и обрабатывающая промышленности всегда были приоритетными отраслями. Особенно заметны признаки разрушения в инфраструктуре, которой в последние годы пренебрегали больше, чем когда-либо ранее (и здесь Польша стоит на первом месте).

Чтобы хозяйство не износилось до полной остановки, доля вложений в инфраструктуру должна возрастать при любом расширении капиталовложений, и при значительном, и при скромном. Учитывая скорость распада инфраструктуры, может

случиться так, что в ближайшем будущем она потребует большей доли капиталовложений, даже если они не будут расти. К тому же возникло еще одно направление капиталовложений: экологические проблемы не исчезают, а наоборот, усиливаются. До сих пор, как уже было отмечено, их просто игнорировали. Но далее так продолжаться не может, особенно в малых восточноевропейских странах. Центральная и южная Польша, ГДР и чешские земли уже представляют собой самые загрязненные в мире районы.

Экологические проблемы

В 1982 г. в странах Восточной Европы было выброшено в воздух около 40,7 млн. т сернистого ангидрида (данные не включают Советский Союз) по сравнению с 18,6 млн. т в странах ЕЭС. Эти цифры еще более печальны потому, что территория Восточной Европы несколько меньше, чем стран Общего рынка; население и объем промышленного производства — намного меньше, а жизненный уровень — намного ниже. В расчете на душу населения выброс ангидрида в ГДР вчетверо больше, чем в ФРГ! Выброс по Чехословакии в целом лишь немного ниже, чем в ГДР, но в чешских землях он значительно выше.* Другие показатели загрязнения среды, а также ущерб, наносимый добычей ископаемого сырья, здесь также намного больше, чем на Западе. Только замедление темпов порчи земель, лесов и городской среды обитания потребует огромных средств.

Принимая во внимание это ограничение, а также снижение эффективности капиталовложений, автор не видит возможностей достаточного и устойчивого расширения капитальных вложений, которое позволило бы увеличить производство так, чтобы это дало возможность избежать застоя в реальных показателях. Поскольку данные об экономическом росте искажаются скрытой инфляцией и снижением качества, понадобятся „официальные” темпы экономического роста минимум 5% ежегодно, чтобы слегка исправить положение. Но и этих темпов, которые не слишком вероятны, будет недостаточно, чтобы

* См., например, S. Postel, *Air Pollution, Acid Rain, and the Future of Forests*, Worldwatch Papers, Washington D. C.

остановить снижение жизненного уровня. Слишком крупную долю капиталовложений придется направить в инфраструктуру, а также на производство капитального оборудования и промежуточного продукта. Снижение жизненного уровня еще больше понизит эффективность трудовых усилий, что сделает невозможным поддержание столь высоких темпов роста в длительной перспективе.

Решение всех этих проблем прежними методами становится все более недостижимым, ибо восточноевропейские хозяйства попросту не имеют материальных ресурсов, необходимых для продолжения прежней стратегии ресурсопотребляющего развития. Даже Советский Союз сталкивается с растущими издержками в развитии сырьевой базы и оказывается не в состоянии расширять ее, несмотря на громадные вложения в добычу важнейших энергоносителей (нефти, угля) и другого промышленного сырья. Малые страны, задолжавшие Западу и имеющие постоянный дефицит торговых балансов с СССР, еще более ограничены в своих возможностях.

Таким образом факторы производства и материальные ресурсы, необходимые для возобновления относительно быстрого развития хозяйства и потребления в реальных масштабах, недосыгаемы для стран Восточной Европы. А как насчет качества материалов и других факторов производства? Во всех этих странах раздаются призывы „догнать наиболее передовые в техническом отношении страны”. Но без далеко идущих реформ, которые устранили бы коренные причины сопротивления новому, качественный скачок тоже оказывается недостижимым.

Переход от изобретений к нововведениям

Обычное решение, то есть расширение научно-исследовательских работ (НИР), не принесет успеха, ибо главное препятствие в переходе от изобретения к нововведениям в промышленности. Нередко забывают, что на Востоке уже затрачивают по крайней мере не меньшую, чем на Западе долю ВВП на научные исследования, а доля занятых в НИР в общей численности занятых в ХСТ выше, чем на Западе. Как показывает табл. В, доля ученых и инженеров в общей численности рабочей силы

ТАБЛ. В. Ресурсы на технологические нововведения в странах Востока и Запада в конце 70-х годов

	Затраты на научно-исслед. работы в %% к ВВП (1979г.)	Работники научно-исслед. учрежд., в %% к общей численности занятых (исключая сельское хозяйство) а	Ученые и инженеры, в %%
Восточноевропейские ХСТ			
1. Болгария	1,7 (1977)б	1,5	8,2
2. Венгрия	2,5 (1978)б	1,4	9,3
3. ГДР	—	2,2	6,3
4. Польша	1,6 (1978)б	1,4	6,9г
5. Румыния	—	0,7	—
6. СССР	3,4 (1977)б	—	11,6
7. Чехословакия	2,9 (1978)б	1,8	5,4в
Западные РХ			
1. Великобритания	2,2 (1978)	—	—
2. Италия	0,8	0,5	7,0
3. Канада	0,9	0,5	7,6
4. США	2,4	0,8	3,2
5. Финляндия	—	0,8	9,3
6. Франция	1,8	1,3	9,2
7. ФРГ	2,3	1,0	5,3б
8. Швеция	1,9	1,0	—
9. Япония	2,0	1,4	11,5

Примечания:

- а) Научно-технический персонал, ученые и инженеры — около 1977 г., общая численность занятых — 1976 г.
- б) Оценка ЧМП по методологии Европейской экономической комиссии ООН
- в) Ученые и инженеры в 1973 г.
- г) Ученые и инженеры в 1970 г.

Источники: Расчеты автора, а также Rocznik statystyki miedzynarodowej 1981, Warszawa, Tablice 62, 317, 319; ibid. 1977, tabl. 277; H. Giersch, F. Wolter, Towards an Explanation of the Productivity Slowdown: An Acceleration-Deceleration Hypothesis, „Economic Journal”, 93 (1983)

на Востоке тоже не ниже, чем на Западе. Однако в системе, враждебной новому, проблема не в ресурсах, а в продукции на выходе системы.

Качество

Еще один путь сбережения ресурсов — существенное повышение качества продукции — также недостижим для ХСТ. Как уже объяснялось в другой работе автора,* это не означает, что ХСТ совершенно не в состоянии производить товары нормального, а то и более высокого качества. Советское оружие и некоторые восточноевропейские изделия, вывозимые на Запад, доказывают, что такое возможно. Но причины, коренящиеся в самой системе, мешают ХСТ производить товары на уровне мировых стандартов с нормальными затратами. Военная продукция и экспортные товары, которые соответствуют мировым стандартам ниже и среднего уровня, требуют высоких дополнительных затрат на материалы повышенного качества (или же на тщательную проверку больших количеств материалов) и более высоких трудовых затрат на сборку, отделку, контроль за качеством и упаковку.

Среди работников центральных плановых органов, их политических боссов, а также среди многих экономистов-ортодоксов в Восточной Европе распространен миф, что основной причиной низкого качества является преобладание спроса над предложением и что только преобладание предложения над спросом может значительно улучшить положение дел. Исходя из этого, они стремятся все более увеличивать выпуск продукции. Но эта точка зрения совершенно ошибочна. Бывали редкие и короткие периоды, когда некоторые потребительские товары имелись в изобилии, но качество их было столь же низким, как и при превышении спроса над предложением.

Причины неудач в повышении качества совершенно ясны. Без системы цен, отражающих нехватку товаров и, в частности, дифференцирующих товары по качеству, без строгих бюджетных ограничений, побуждающих предприятия прекратить ненужное

* J. Winiecki, *Distorted Macroeconomics of Central Planning*, Banca Nazionale del Lavoro, No. 157.

производство под угрозой банкротства, и (последнее, но весьма важное условие) без внутренней и внешней конкуренции никаких перемен к лучшему ожидать не приходится. Бюрократические меры и пропагандистские кампании, столь любимые коммунистическими аппаратчиками, ничему не помогут. При отсутствии дисциплины рынка никакие новые постановления о качестве продукции или резолюции партийных пленумов о необходимости уделять повышенное внимание качеству не изменят практику, установившуюся в ХСТ. Участвовавшие декларации относительно качества — еще один признак обострения проблем, с которыми сталкиваются ХСТ в этой области.

Еще один путь повышения эффективности хозяйствования — структурные перемены — также закрыт для ХСТ. В прошлом их быстрый экономический рост был связан с двумя крупными сдвигами. Первым был переход от низкопродуктивной сельскохозяйственной экономики к более производительной (хотя и не слишком высокого уровня) индустриальной экономике. Кроме того, темпами выше средних развивались отрасли промышленности, выпускавшие массовую продукцию. Хотя в четырех из семи восточноевропейских ХСТ (Болгария, Польша, Румыния и СССР) в 1979 г. доля сельского хозяйства в общей численности занятых была по-прежнему выше, чем требовали их размеры и уровень развития,* дальнейшие возможности изменения структуры занятости упираются в дорогостоящее и неэффективное сельское хозяйство. Да и вообще промышленность в ХСТ поглощает слишком большую часть рабочей силы, так что дальнейший ее рост даже нежелателен (несмотря на запросы промышленности на дополнительную рабочую силу).

Наряду с расширением капитальных вложений, изменениями технологии и структурными переменами, последняя возможность ускорения экономического роста, особенно для малых ХСТ, зависящих от внешней торговли, — это более широкое участие в международном разделении труда. Но поскольку система ограничивает их способность специализироваться на производстве продукции обрабатывающей промышленности,

* Я. Винецкий, Чрезмерно раздутый промышленный сектор в ХСТ, Варшава, 1984.

они вывозят все более дефицитные для внутреннего рынка товары и промежуточные продукты с низким уровнем стоимости, добавленной переработкой, или готовую продукцию низкого качества (нередко с большими скидками в цене), не получая надлежащих выгод от международной специализации.

К тому же все они, за исключением Советского Союза, — импортеры топлива и сырья. Хотя в отношении Запада они выступают экспортерами этих групп товаров, их возможности в этой области постоянно сужаются. Этому способствует застой и возможный в будущем спад добычи нефти в Советском Союзе, который в сочетании с понижающейся выручкой от экспорта за „твердую” валюту (вследствие падения цен на нефть), видимо, приведет к дальнейшему сокращению поставок топлива в малые страны Восточной Европы.

К тому же спрос на промежуточные продукты с низким уровнем стоимости, добавленной переработкой, на Западе, как ожидается, почти не будет возрастать вследствие ресурсосберегающей технической революции, происходящей вне ХСТ. Кроме того, есть пределы скидкам, предоставленным для увеличения объема продажи, и причина здесь — не только антидемпинговые меры, но и низкая прибыльность такой стратегии, даже для выручки в твердой валюте. Цены, которые получают ХСТ на западных рынках, например, за сталь и полимеры, намного ниже, чем получаемые развивающимися странами. ХСТ явно проигрывают и в конкуренции с ними на рынках Запада.*

В завершение этого краткого обзора отметим, что уровень цен товаров ХСТ и их доля на рынках стран свободного предпринимательства понижаются — первый показатель с середины 60-х годов, а второй — с конца 70-х годов.** Вряд ли более сложные товары смогут возместить снижение или отсутствие роста выручки от традиционного экспорта. Конкурентоспособность готовой продукции ХСТ низка и, по всей вероятности, будет и дальше снижаться. Даже наиболее развитая в промышленном отношении Восточная Германия демонстрирует, видимо, самую высокую эффективность в поставке питьевой воды и получении сточных вод

* См., например, K. Poznanski, *Competition Between Eastern Europe and Developing Countries...*, East European Economies, Vol. 3, US Congress, Wash., 1986.

** См. ту же работу.

из Западного Берлина, а также в ремонте дорог, соединяющих город с Западом, а не в сбыте сложной продукции машиностроения на западные рынки.

Не более удачливы ХСТ и в торговле внутри СЭВ. И в литературе, и в скрытой форме — в выступлениях руководителей — постоянно говорится о дублировании и параллелизме развития восточноевропейских хозяйств.* Хваленая переориентация на торговлю в рамках СЭВ, на которую рассчитывали как на средство преодоления трудностей импорта с Запада, продолжает оставаться иллюзией не только из-за отсутствия действительной специализации внутри Восточной Европы, но и из-за различий в структуре импорта в направлениях Восток — Восток и Восток — Запад. Все ХСТ покупают на Западе сходные товары, и ввоз из других ХСТ не заменяет этого импорта. Кроме того, импорт из стран Запада становится спасительной отдушиной для всех ХСТ, когда необходимо осуществить внеплановый ввоз товаров — обычно на стадии расширения инвестиционного цикла. Поскольку все ХСТ проходят через эти циклы, все они испытали сходное увеличение спроса примерно на тех же этапах выполнения пятилетних планов. Следовательно, они не могут играть роль такого клапана друг для друга, даже если не принимать во внимание обычное у них отсутствие гибкости и длительное время, необходимое для выполнения контрактов на поставки. Наоборот, отечественное производство нередко должно заменять импортные товары из других ХСТ, которые оказываются низкого качества или поставляются с задержкой.** Следует также помнить, что резкое увеличение экспорта сырья и промежуточных продуктов, то есть традиционный для ХСТ путь расширения внешней торговли, может происходить на фоне серьезных ресурсных ограничений в этих хозяйствах. Эти ограничения все больше ощущает даже Советский Союз.

Таким образом, продолжение прежнего расточительного „экстенсивного” роста невозможно из-за ограниченности производственных ресурсов и материалов. С другой стороны, качественные перемены в восточноевропейских хозяйствах (нововве-

* См., например, R. Mosoczy, *Possibilities and Trends in the Development of International Cooperation in the 1980's*, Acta Oeconomica, Vol. 30, No. 3-4, 1983.

** См., например, данные о ГДР и Венгрии в работе L. Csaba, *New Features of the Hungarian Economic Mechanism*, New Hungarian Quarterly, Vol. 24, 1983.

дения, улучшение качества продукции, структурные изменения, большее участие в международном разделении труда) сдерживаются внутренними ограничениями системы. Именно осознание отсутствия перспективы для продолжения экономического роста в соответствии с моделью советского типа, даже при помощи западных кредитов, дальнейшее получение которых также серьезно ограничено, привело некоторых ученых, как на Востоке, так и на Западе, к мнению о неизбежности реформ. Однако это мнение чересчур оптимистично, ибо оно не принимает во внимание ряд важных компонентов любой спасательной операции: осознание реальности, знание альтернатив, и, наконец, (что не менее важно) — заинтересованность власть имущих в сохранении статус кво в системе, даже при снижении жизненного уровня (до известной степени).

4. Сценарии возможного будущего

Альтернатива 1: от очевидных к менее очевидным „не-решениям”

Нередко не принимается во внимание важный фактор — низкая способность советской системы к самообучению. Если под обучением понимать перемену реакции на неизменные воздействия (стимулы), то способность к обучению у системы, в которой инакомыслие элиминировано (или подавлены все его внешние проявления), оказывается угрожающе низкой. Переоценка коллективной памяти правящих элит и, соответственно, недооценка поступающей текущей информации, отрицательно влияют на способность системы распознать проблему; в то же время сужение потока информации снижает возможность выбора решения. Все это отрицательно воздействует на перспективы системы, даже если пренебречь тем, что предлагаемые решения могут оказаться противоречащими заинтересованности элиты в поддержании статус-кво — проблема, к которой мы еще вернемся.

Признаки исчерпания возможностей роста начали проявляться в Восточной Европе с начала 60-х годов. Попытки реформ

в конце 60-х годов, при всей их ограниченности, внесли некоторое оживление в хозяйства, и поскольку факторы производства были еще доступны в больших количествах, а естественные ресурсы относительно недороги, произошло ускорение роста по традиционному расточительному образцу. В начале 70-х годов технология и кредиты Запада стали заменителями экономических реформ. Исчерпание возможностей роста проявилось с тех пор значительно острее как вследствие замедления пополнения факторов производства, так и из-за резкого удорожания природных ресурсов. Но нет гарантий, что не будут предложены новые „не-решения” и не будут делаться попытки их осуществить. В течение некоторого времени именно это уже происходит в ряде восточноевропейских стран.

Сценарий: „Лечь бы на дно как подводная лодка...”*

Фактически можно себе представить два типа таких „не-решений”. Первый тип можно было бы назвать „Лечь бы на дно как подводная лодка”. Само название дает представление о рамках мышления правящих элит и их реакциях на внешние воздействия. Переоценка элитой своей коллективной памяти о „добрых старых временах” и недооценка неприятной актуальной информации в экстремальных случаях дегенерирует в род симптома, который наблюдается у наркомана, лишенного привычного наркотика. Факты показывают, что дела плохи, и дальше будет еще хуже. Но если игнорировать факты, проблемы могут исчезнуть. Даже если не исчезнут, будем пока наслаждаться властью и богатством, которые у нас покамест есть. Более того,

* В оригинале сценарий назван „Опущенный перископ”. Так называется операция, которую проводит подводная лодка, не желающая демаскировать себя. При этом, однако, она сама лишается возможностей визуального наблюдения. Чтобы передать этот образный заголовок русскоязычному читателю, не искушенному в специфической терминологии, мы воспользовались словами известной песни Владимира Высоцкого. Вслед за этими словами следуют (в разных куплетах песни) строки „И позывные не передавать” или „Чтоб не могли запеленговать”. — Примечание переводчика.

искореним все суждения, которые напоминают о неприятностях, ибо если никто не говорит открыто, что король гол, то, по общему соглашению, он предстанет перед нами прекрасно одетым. И по любому случаю будем повторять тирады о преимуществах нашей системы по сравнению со всеми конкурентами.

При таком сценарии царит гротескная пропаганда, хотя в экономической системе (откуда и поступают печальные сведения о положении дел) ничего не меняется. Последний период эпохи Герека в Польше — хороший пример такого подхода: „ничего не предпринимай, делай вид, что проблемы не существуют”. Однако такое довольство самими собой могло продолжаться не дольше, чем польская кредитоспособность, которая резко сократилась в 1980 г. При таком сценарии иногда предпринимаются какие-то меры, но они в основном носят внеэкономический характер. Все чаще звучат проповеди и наставления, усиливаются кампании против прогулов, товаров плохого качества и черного рынка, поскольку симптомы нередко со всей серьезностью рассматриваются как причины спада. Громоздятся новые уровни контроля, которые перемешиваются с уже существующими, время от времени применяется шоковая терапия вроде поисков в общественных местах людей, которые должны быть в данное время на работе (такие облавы проводились в начале введения военного положения в Польше, а затем в Советском Союзе в начале пребывания у власти Андропова).

В руководстве хозяйством частым решением по-прежнему остается подход типа „добавь того же, но побольше”. В Чехословакии, например, в конце 70-х годов была проведена очередная безуспешная кампания по принуждению предприятий принимать более „напряженные” планы; в начале 80-х годов были проведены псевдореформы, которые ничего не изменили. Повсюду, кроме Венгрии, говорят о необходимости повысить роль среднесрочного планирования, в то время как инвестиционные циклы показали полную невозможность их придерживаться. Система все чаще доказывает ее низкую способность к самообучению, а в реакциях системы на повторяющиеся и все более сильные внешние воздействия по-прежнему преобладают павловские рефлексы.

Иногда с большой осторожностью проводятся частные реформы, цель которых — повысить эффективность функцио-

нирования все более ужесточающейся многоуровневой иерархической экономики, и они модифицируют (не слишком последовательно) некоторые второстепенные элементы модели советского типа. Однако при преобладании элементов традиционной модели они не в состоянии привести к каким-либо ощутимым и устойчивым переменам. Наоборот, они могут даже привести к новым помехам.

При таком сценарии эффективность хозяйствования может лишь снижаться. Все причины, которые до принятия такого сценария ухудшали положение, сохраняются и к тому же усиливаются цинизм и коррупция. Правящим кругам больше нечего предложить людям: в потреблении — застой или спад, с ростом дисбаланса ухудшаются возможности приобретения товаров и услуг. У людей растет нежелание „глотать” идеологию; ни правители, ни подданные больше в нее не верят. Британский историк А. Тойнби, проследившая источники падения цивилизаций, обнаружил, что нежелание имитировать структуры поведения, демонстрируемые или внушаемые правителями, обычно предшествует нежеланию повиноваться. В системах советского типа контроль и репрессии настолько сильны, что неповиновение может проявиться лишь со значительным разрывом во времени. Но если демонстрируемая структура поведения правящей элиты существенно отклоняется от провозглашаемой, возникает явление „обратной мимикрии”. Население приспосабливается к сложившимся условиям и начинает слишком активно подражать реальной структуре поведения правителей, что оказывает и на систему (и на самих людей) разлагающее воздействие. Постоянное разочарование в функционировании экономической системы и в моральной целостности элиты приводят все к тому же вполне предсказуемому итогу — цинизму и коррупции. Именно в социальной ткани коренится еще одна причина экономического спада; это причина второго порядка, но она действует постоянно и действие ее все усиливается. Нет нужды здесь анализировать поэтапно то, что может произойти по этому сценарию. Однако связи по линии „причина — симптом — результат”, а также ограничения реакции типа „добавь того же самого”, но побольше”, позволяют предвидеть достаточно детально динамику медленного спада.

Сценарий „Рецентрализация плюс репрессии”

Что произойдет, если принимающие решения применят повышенные дозы старого средства — вновь централизовать принятие решений и репрессировать тех, кто протестует против этого или просто мыслит по-другому? Думается, что после краткого ускорения роста, вызванного во многом более изобретательными отчетами относительно результатов усилий (которые неизбежно будут меньшими, чем намечено), это приведет к еще более быстрому спаду, поскольку, как и в предыдущем сценарии, все причины, способствующие спаду, останутся, но их влияние (по меньшей мере некоторых из них) на эффективность хозяйствования еще более усилится. Сначала следует рассмотреть саму возможность рецентрализации. Поскольку валовой национальный продукт в настоящее время во много раз больше, чем в начальный период чрезмерной централизации (в ходе форсированной индустриализации в ХСТ в начале 50-х годов), и структура производства намного усложнилась, прежний уровень централизации попросту невозможно повторить. Например, в чехословацкой экономике производится свыше 5 млн готовых и промежуточных продуктов. Количество решений относительно факторов производства и материалов, необходимых для изготовления каждого продукта, значительно превышает возможности иерархической пирамиды принимать решения достаточно логичные и быстрые для достижения целей производства (не говоря уже о возможностях доведения таких решений до исполнителей). Это невозможно осуществить и на промежуточных уровнях иерархии. Следует припомнить, что реакции в сторону рецентрализации исторически возникали после неудачных попыток частичной децентрализации на средних уровнях иерархии (но не доходивших до уровня предприятий). В таких условиях процесс принятия решений замедлится до черепашьих темпов.

Следующий вопрос касается „большого инвестиционного скачка”, который должен быть неотъемлемым компонентом такого сценария. В существующих обстоятельствах быстрый рост доли накопления неизбежно приведет к абсолютному снижению потребления или к ускорению его спада, если спад

уже начался. Может ли этот спад породить отмеченное Тойнби „нежелание повиноваться”, открытый взрыв недовольства? На этот вопрос трудно ответить с высокой степенью вероятности. Пока польский и румынский опыт предлагают разные ответы на этот вопрос. Поэтому правильно было бы ограничиться оценкой существующего положения. В обоих случаях падение жизненного уровня происходило несмотря на сокращение капиталовложений (значительно более резкое в Польше). Отрицательное влияние существенного роста капиталовложений на потребление произойдет, если падение жизненного уровня уже началось.

Если открытый взрыв недовольства — возможный, но не обязательный результат сценария „Рецентрализация плюс репрессии” (это зависит и от эффективности репрессий), то возможны и другие, хорошо известные из прошлого и настоящего исходы, которые неизбежно связаны с быстрым спадом. Реакции производителей и потребителей, будут, однако, более резкими, чем на ранней фазе медленного спада, и результатом будет крутое падение качества продукции. Под двойным давлением быстро сокращающихся возможностей импорта и ухудшения качества значительно пострадает экспорт готовой продукции на мировые рынки. Вследствие повышенной доли сырья и материалов структура экспорта станет подобной той, которая характерна для развивающихся государств с неразвитой промышленностью. Будет быстро достигнута граница экспортных возможностей вследствие сокращения ресурсов сырья и удорожания его добычи. Альтернативой экспорту готовой продукции может стать экспорт отдельных видов сырья (топлива, продовольствия) за счет дальнейшего сокращения потребления, но здесь вновь нужно принять во внимание возможность взрыва недовольства, ибо существуют пределы сокращения жизненного уровня, ниже которых страх перед репрессиями перестает сдерживать (хотя в каждой стране этот порог различен). В целом описанный сценарий можно рассматривать как возможный лишь на краткосрочную или среднесрочную перспективу. Сомнительно, что в свете рассмотренных ограничений описанный сценарий может продлиться дольше чем в течение одного инвестиционного цикла без серьезного срыва в экономической или социальной

области или в той и другой вместе. Даже сценарий „лечь бы на дно...” можно рассматривать как более долгосрочный; однако оба они не решают проблемы экономического спада.

Венгерский сценарий

Это более серьезная попытка реформы экономической модели советского типа без существенных изменений политической и социальной среды, в которой реформированная модель должна функционировать. В отношении этого сценария, который иногда считают примером способности ХСТ к реформам, следует, как и в первых двух, рассмотреть два вопроса вместо одного. Прежде чем определить, можно ли такой сценарий осуществить, стоит обдумать, желателен ли он, т. е. принесет ли он такие бесспорные успехи, чтобы он стал желательным.

Думается, что венгерское хозяйство после 1968 г. нельзя рассматривать как неоспоримо успешное, несмотря на хорошие отзывы в западной прессе (связанные с отличными способностями венгерских руководителей и экономистов к рекламе) и (в какой-то мере) на Востоке. Верно, что на макроэкономическом уровне дисбаланс на рынке потребительских товаров здесь ниже, чем где-либо в ХСТ. Верно также, что коэффициенты затрат — выпуска продукции, равно как и показатели материалоемкости национальной экономики здесь несколько лучше, чем в других восточноевропейских странах. Еще одно очко в пользу Венгрии — ее сельское хозяйство, которое, начиная с 60-х годов, стало крупным экспортером, не обеднив при этом внутреннего рынка, как другие экспортеры продовольствия в Восточной Европе. Еще одно отличие (с 1980 г.) — это развитие предпринимательской жилки (а также, хотя и в значительно меньшей степени, духа новаторства) у части венгерского населения, которое просматривается, в основном, на уровне внутризаводской инициативы рабочих и служащих, но также, хотя опять-таки в меньшей степени, — в создании небольших частных и кооперативных хозяйств.²⁰

В то же время черты, присущие системе, продолжают влиять отрицательно на эффективность венгерской экономики. Дисбаланс, хотя и в меньшей степени, но существует и

по-прежнему прибавляет неудобства к обычным ограничениям в сфере потребления. Коэффициенты затрат — выпуска продукции, хотя, как уже отмечалось, ниже, чем в других ХСТ, но все же намного выше, чем в большинстве РХ. Немалое число крупных промышленных предприятий, негибких и враждебных новому, остаются хронически неприбыльными. Оказалось, что предприятия, нуждавшиеся в помощи в 1972 г., остались в том же положении и в 1982 г., хотя получили большие субсидии, налоговые льготы и другие формы поддержки.* Неудивительно поэтому, что эффективность экспорта на западные рынки отнюдь не велика, если говорить о готовой продукции, и небольшой активный баланс в торговле с Западом был достигнут знакомым методом урезывания импорта. Фактически, если бы западные правительства и банки не отнеслись благосклонно к венгерским экономическим реформам, стране пришлось бы пойти по пути других ХСТ, выпрашивающих отсрочки платежей по долгам (подобно этому другая страна, отнюдь не склонная к реформам, — ГДР — с помощью западногерманского „зонтика” смогла избежать того же в период, когда ее внешняя задолженность достигла максимума).

В итоге, разрыв в уровнях развития между Западом и венгерской экономикой не сократился — наоборот, по сравнению с Австрией, Италией или Францией, а также Испанией, которая является среднеразвитой страной, этот разрыв с конца 20-х годов увеличился. Развивающиеся страны за последние 15–20 лет тоже повысили эффективность своих хозяйств.

Таким образом, успех венгерской экономики — особого рода; его главная особенность — геополитическая ограниченность: успех этот можно соотнести лишь с другими ХСТ. Это отлично понимают венгерские экономисты, которые знают, как функционирует их хозяйство. Они озабочены тем, что без далеко идущих экономических реформ и сохранения их темпов, без распространения реформ за пределы чисто экономической области разрыв между Венгрией и развитыми, а также среднеразвитыми РХ может возрасти. Нередко они высказывают

* См., например, L. Csaba, *New Features of the Hungarian Economic Mechanism...*

эти опасения, хотя и в скрытой форме, обо всех восточноевропейских ХСТ.*

Но, конечно, по восточноевропейским стандартам венгерские попытки экономических реформ были самыми серьезными. Первая их фаза началась в 1968 г., но через несколько лет она натолкнулась на серьезные трудности, хотя реформы в самом деле были скромными. Но вторая фаза, начавшаяся в 1980 г., и особенно фаза „вторая плюс”, начавшаяся в 1984 г., принесли серьезные перемены. В институциональном отношении была почти уничтожена многоуровневая организационная иерархия, во многом ответственная за возникновение инвестиционных циклов; цены были приближены к реальным (хотя они не превратились в рыночные, их построение стало основываться на принципе „а что, если”, где частица „если” относилась к возможности конкуренции на внутреннем рынке); введен также единый (хотя и самокоррелирующийся) валютный курс. Однако предприятия все-таки не являются самостоятельными участниками экономической деятельности. Таким образом, важнейшее препятствие реформам, направленным к подлинной децентрализации и ориентации на рынок, осталось нетронутым.

Даже без многоуровневой иерархической структуры, без (множества) команд и (строгого) рациионирования, руководство предприятий зависит от тех, кто его назначает, определяет его вознаграждение и может отозвать его, как только захочет этого номенклатура, стоящая за бюрократией. Поскольку в соответствующей структуре самое важное — лояльность, руководители при их назначении оцениваются именно по признаку лояльности, т. е. по выполнению команд, относящихся к выполнению планов, команд „по случаю”, по соблюдению „основных принципов” и т. п., а не на основе эффективности, которая измеряется итогами работы предприятия.

С 1968 г. и до настоящего времени команды носят форму „предложений”, но фактически они вполне обязательны. Поскольку вознаграждение и, в конечном счете, устойчивость руководителей предприятий зависят от прямых и не прямых начальников (т. е. номенклатуры), они страдают раздвоением личности, рассматривая то варианты хозяйственных решений, основанных на понятиях эффективности, то различные проти-

* См., в частности, J. Bogнар, Balance of Achievement, of 25 Years of Hungary's Economic Development, Budapest, 1982.

воречивые „основные принципы”, то различные частные задачи (экономия энергии, расширение экспорта за твердую валюту и т. п.), то специфические задачи предприятия. Если возникает конфликт между принципами эффективности и лояльности (так, как их понимает система), то последние обычно побеждают. Даже если следование частным задачам, „основным принципам” и/или „предложениям” оказывается дорогостоящим для предприятия с точки зрения эффективности, лояльность его руководства вознаграждается за счет мягкости бюджетных ограничений. Предприятия получают субсидии в той или иной форме: специальные дотации, кредиты под низкий процент, которые потом списываются, налоговые льготы и т. д. В итоге финансовые планы выполняются, и руководства предприятий могут получить свои премии, во многом обусловленные лояльным поведением.*

Очевидно, что и в Венгрии рынок не заменил традиционного централизованного планирования, институциональный и процедурный континуум заполнен множеством основных и дополнительных показателей (нередко взаимоисключающихся), предварительными торгами между руководителями предприятий и их начальниками за плановые показатели, участием хозяйственных бюрократов и партийных аппаратчиков в подготовке якобы „автономных” планов предприятий, смесью явных и скрытых, формальных и неформальных, „постоянных” и „по случаю” вмешательств в деятельность предприятий. Неизбежные противоречия такого процесса, которые обостряются тем, что в выборе вариантов деятельности лояльность побеждает соображения эффективности, резко ограничивают выигрыш от венгерских реформ. В результате этого, характер развития экономики, структурные перемены и итоги внешней торговли оказываются лишь ненамного лучшими, чем у других ХСТ.**

Но тот факт, что венгерская экономика добилась лишь ограниченных успехов, не отвратит тех, кто хотел бы воспроизвести венгерские реформы, во-первых, потому, что относительно других ХСТ некоторый успех достигнут, и их правящие группы могут попытаться ослабить ограничения в области

* Подробнее см., J. Winiecki, *Why Economic Reforms Fail in the Soviet System?* Варшава, 1986.

** См., например, T. Bauer, *The Second Economic Reform and Ownership Relations, East European Economics*, 1984.

естественных ресурсов путем некоторого снижения ресурсоемкости, сократить дисбаланс в экономике, добиться лучшего снабжения рынка потребительскими товарами и таким образом добиться умиротворения населения или хотя бы снижения недовольства; во-вторых, коммунистическую элиту в венгерских реформах привлекает их как бы технократический характер: они не ослабляют традиционные формы контроля сверху.

Венгерские реформы — трудности повторения

Есть, однако, оговорки, омрачающие картину возможного успеха воспроизведения венгерских реформ, окрашенную осторожным оптимизмом. Мнение о технократическом характере реформ по меньшей мере сомнительно. Венгрия достигла выдающихся успехов в повышении эффективности сельского хозяйства: равновесие на отечественном рынке продовольственных товаров, крупные излишки на экспорт, высокая продуктивность, гибкость производителей. Но ведь венгерские кооперативы не только получили право выбирать структуру производства (в рамках сельского хозяйства и вне его), но и добились высокой степени самоуправления, в том числе — права выбора руководителей. В результате этого была уничтожена организационная иерархия — работники значительно повысили степень своего участия в принятии решений.

Это участие не пережило без потерь периода „контрреформации”, когда верх взяли ортодоксы. Одобрение кандидатов в руководители партией было введено вновь как непременное условие. Это ослабило мотивацию работников, и через некоторое время себестоимость продукции возросла, ибо меньшие усилия вознаграждались большими впрыскиваниями факторов производства. Самые высокие показатели эффективности сельскохозяйственного производства в кооперативах были достигнуты в конце 60-х — начале 70-х годов. С тех пор частные участки (единоличников, членов кооперативов и горожан) дают все большую долю общей продукции сельского хозяйства.

Там, где участие работников в принятии решений не было значительным, например, в промышленности, итоги не были впечатляющими. Вероятно, в промышленности не менее важным

чем реформы фактором была общая атмосфера частичного снятия напряженности. Сюда можно отнести усилия венгерского руководства деполитизировать повседневную жизнь, дать венграм возможность забыть об одной из самых отталкивающих особенностей системы. Разумеется, это было уступкой со стороны правящей коммунистической элиты, и эта уступка щедро окупилась повышением трудовой морали и стабильности в обществе.

Поэтому вызывает сомнение, что даже скромные достижения, полученные вне сельского хозяйства, могут быть отнесены за счет экономической реформы. Кроме того, в период 1961—1980 гг. Венгрия была единственным ХСТ, в котором темпы роста производства предметов потребления были выше, чем темпы роста средств производства в течение всех пятилетних планов, тогда как во всех других ХСТ дело обстояло как раз наоборот. Так было до, во время и после проведения реформ 1968 г. Можно предположить, что это следствие коллективной памяти правящей элиты с 1956 г., когда она, пусть лишь однажды и на короткое время, оказалась объектом репрессий. Это сделало ее представителей более осторожными в принятии „напряженных”, „мобилизующих” и прочих планов, направленных на снижение благосостояния; они старались избежать резких эксцессов и проявлений наглости. Иными словами, они получили урок, что в случае взрыва недовольства советская помощь может прибыть вовремя, чтобы спасти систему, но не обязательно — их самих лично. Опыт венгерских коммунистов уникален в Восточной Европе, и без этого сдерживающего фактора попытки воспроизвести опыт Венгрии могут оказаться неудачными.

Следовательно, имитация венгерских экономических реформ без уникального опыта венгерской правящей элиты и без ограниченных политических уступок, которые она предоставила обществу, не принесет даже относительного успеха, который и соблазняет испробовать такой сценарий. Кроме того, венгерские экономические реформы — дело явно незавершенное, и без выполнения некоторых важных политических условий они могут оказаться не только незавершенными, но и не возможными для завершения. В самой Венгрии уже сгущаются тучи над горизонтом, и то же самое происходит в других ХСТ. С учетом нехватки времени в других ХСТ и еще менее благоприятной атмосферы для метода

проб и ошибок сомнения в успехе решения проблем спада в ХСТ имитацией венгерских экономических реформ становятся еще более оправданными

Альтернатива 2: политические меры для обеспечения успеха экономических реформ

В возможных сценариях экономических преобразований в восточноевропейских ХСТ до сих пор не учитывался третий, наиболее важный при выборе мер детерминант излечения болезней — интересы правящих групп в сохранении статус кво. Не только осознание снижения эффективности хозяйствования и знакомство с альтернативными решениями влияют на выбор возможных вариантов решений, но и различные экономические и внеэкономические интересы, сужающие круг возможных вариантов до немногих желаемых, если вообще не гасят готовность принимать какие-либо решения. В демократическом обществе анализ интересов различных групп охватывает политические партии, профсоюзы, объединения предпринимателей, профессиональные организации. Здесь же приходится ограничиться организованными группами, являющимися столпами коммунистической системы правления. Поскольку политические и экономические компоненты этой системы практически неразделимы, далеко идущие реформы в экономике серьезно повлияют на интересы всех этих групп. Являются ли, однако, эти устои системы или их верхние эшелоны, которые образуют элиту, столь монолитными, как это иногда изображают? Тождественны ли их интересы? И, соответственно, пойдут ли они все на те же крайние меры в отстаивании статус кво?

Различия в интересах групп, поддерживающих систему

Этот вопрос не привлек достаточного внимания при анализах возможных решений проблем, порождаемых застоем и упадком ХСТ. Поскольку законность этих „столпов” ограничена, а то и вообще не существует, они получают больше, чем могли бы в условиях демократической альтернативы. Но это не означает, что все поддерживающие систему столпы — коммунисти-

ческие партаппаратчики, бюрократы из многоуровневой иерархии управления, полиция и армия — будут проявлять одинаковую заинтересованность в поддержании статус кво, если возникнет необходимость важных политических перемен для предотвращения ухудшения функционирования экономики, угрожающих (или уже вызывающих) уменьшением тех экономических преимуществ, которые элиты получают, пользуясь политическим господством.

Участие этих групп в разделении власти изучалось широко, однако мало внимания было уделено их роли в дележе богатства. Возможно, в этом ключ к пониманию их различного отношения к экономическим реформам и к политическим переменам, которые должны им сопутствовать, чтобы повернуть вспять экономический упадок.

Вопрос о разделении богатства в коммунистической системе следует рассмотреть в перспективе сравнительной и системной. В первую очередь, следует различать два типа получения выгод от господствующего положения в политической системе. Первый — это давно известный и традиционный для недемократических систем путь — присвоение большей доли вновь созданного богатства (национального продукта), чем это было бы возможно в демократическом обществе. При диктаторских режимах служащие в полиции и/или армии оплачиваются лучше и получают больше привилегий, чем другие члены общества. Кроме того, их профессиональные нужды, например, в современном военном снаряжении, получают приоритет в государственном бюджете. Подобное положение существует и при коммунистической системе.

О партаппаратчиках и бюрократии этого сказать нельзя. Традиционным диктатурам неизвестны правящие партии такого типа. Не знают они и иерархий многоуровневого экономического управления, этого порождения постоянно растущей бюрократии, пытающейся управлять ХСТ. Обе эти опоры системы могут присваивать куски пирога побольше, чем у остального общества, но для них это не единственный и даже не самый важный способ получения выгод от системы. Политический контроль над хозяйством — важный принцип коммунистической идеологии — позволяет этим двум группам получать выгоды не только

от присвоения крупной части вновь созданного богатства, но и делать этот процесс непрерывным путем постоянного вмешательства в сам процесс создания богатства. Это последнее и отличает ХСТ от других хозяйств.

Имеются два пути получения выгод от системы, отличных от путей, характерных для „традиционных” диктатур и еще более увеличивающих долю, присвоенную правителями. Первый и наиболее важный — это система партийного контроля над всеми существенными назначениями, особенно назначениями руководителей предприятий, посредством *номенклатуры*. Парт-аппаратчики традиционно извлекали выгоду из этого положения, назначая себя и своих близких на хорошо оплачиваемые бюрократические и управленческие должности. Получив назначение, руководители предприятий могут (и так они и делают) отплатить за благодеяние, продавая дефицитные продукты непосредственно своим коллегам в партийном аппарате, причем по сниженным ценам под предлогом пониженного качества. Низкокачественные продукты и в самом деле идут на рынок, но предназначенные для „благодарности” тщательно отбираются. Сами руководители производств, их близкие и друзья получают тем же путем совсем немалые выгоды.

Если типы участия в разделении богатства систематизируются описанным выше образом, различия между партаппаратчиками, с одной стороны, и полицией и военными — с другой, становятся отчетливой. Обе подгруппы элиты предпочитают альтернативе статус кво, ибо разделение власти таким путем позволяет им извлекать больше экономических выгод, чем это было бы возможно при другом политическом климате. Однако только одна подгруппа — партаппаратчики и экономическая бюрократия — интересуются *способом*, которым создается богатство. Вот почему экономические реформы в коммунистической системе или терпят неудачу, или, во всяком случае, не заходят настолько далеко, чтобы дать системе решающий импульс (как в Венгрии). Успех реформ, как мы видим, зависит как раз от тех двух столпов системы, которые в случае успеха реформы могут и потерять больше всех!

Теории проведения реформ в централизованно планируемых хозяйствах не существует, но по сути проблемы можно

сказать, что поскольку такие хозяйства характеризуются большими искажениями, чем другие, реформы должны устранить или существенно сократить искажения в трех широких сферах: в институциональной структуре; в ценах на продукты и факторы производства; во внешних хозяйственных связях. Думается, что устранение институциональных искажений должно предшествовать всему прочему, так как именно средние уровни организационной иерархии, рабочие места которых оказываются под угрозой сокращения (отраслевые промышленные министерства, объединения предприятий), выступают против реформ наиболее горячо. Любая серьезная реформа неизбежно сделает их ненужными, и если иерархия оставлена нетронутой, эта часть хозяйственной бюрократии будет сильно подсыпать песок в машину реформ.

Они получают поддержку от прочей бюрократии и от партаппаратчиков, которым угрожает потеря не столько их относительно хорошо оплачиваемых должностей, сколько экономических выгод, получаемых ими от вмешательства в процесс создания богатства. Чем больше косвенные политические меры сменяют прямое администрирование, чем больше самостоятельности получают предприятия в их реакциях на условия хозяйствования (процентные ставки по кредитам, валютные курсы и т. п.), тем меньше времени и усилий будут готовы затратить руководители предприятий на деятельность по „возврату благодарностей”. Кроме того, чем дальше зайдут реформы, тем яснее будет, что руководителей предприятий не должны назначать вышестоящие бюрократы (и стоящие за ними партаппаратчики), чтобы руководители интересовались больше эффективностью хозяйствования, нежели капризами и желаниями начальства и аппаратчиков, которые контролируют назначения через систему *номенклатуры*. Вот почему два аспекта экономической реформы — самоуправление (которое может призвать руководителей к ответу за „благодарности”), и устранение системы номенклатуры (которое положит конец резервированию выгодных управленческих постов за влиятельным меньшинством и приведет к назначению руководителей производства в соответствии с квалификацией) до сих пор встречали сопротивление, и сопротивление это было успешным. В сущности, те, кто

получает экономические выгоды от системы, будут сопротивляться переменам и в других областях. Они, например, будут сопротивляться сбалансированию цен, ибо такая реформа цен снизит их благосостояние. В дефицитной экономике привилегии доступа к товарам, которые для всего населения ратионируются, и это дополнительный источник благосостояния в форме более высокого уровня потребления или в форме более высокого дохода, если товары, получаемые по ценам, ниже сбалансированных, потом перепродаются по сбалансированным ценам, т. е. по ценам черного рынка. Если, например, цены на автомобили в Польше составляют примерно 40% от сбалансированных цен, то прибыли от привилегий на их покупку могут оказаться весьма значительными. Это относится и к другим дефицитным товарам.²¹ Очевидно, что аппаратчики и хозяйственная бюрократия должны потерять больше вследствие реформ, ибо они получают хозяйственные преимущества от существующей системы и традиционным путем (в этом они не отличаются от полиции и армии) и нетрадиционным путем, вследствие свойств, присущих самой системе (в особенности через феномен номенклатуры). Стало быть, от них можно ожидать наибольшего сопротивления переменам в экономической сфере.

Военный (полицейский) режим

Эти различия не могут иметь большого значения, пока производство и (более низкими темпами) потребление продолжают расти, несмотря на расточение ресурсов. Но при медленных темпах роста или застое производства, при застое или снижении уровня потребления положение может измениться. Два столпа системы, получающих меньше выгод из-за окостенения и неспособности справиться с проблемами современного индустриального общества, а также из-за угрозы потерять больше вследствие снижения (в абсолютных показателях) собственного благосостояния, могут вступить в конфликт с партией и бюрократией. Если рассматривать в прогнозе возможности успеха реформ с чисто экономической точки зрения, то преимущество окажется за сценарием, при котором коммунистическая партия будет отодвинута на задний план, превращена в чисто формальное

образование или вообще распущена, и армия, с участием полиции или без нее, переймет ведущую роль в стране. Эти две группы не столь привержены модели централизованного планирования, ибо они не извлекают выгод, связанных с его тоталитарным характером. Поэтому они могут согласиться на отказ от централизованного планирования, если эффективность системы начнет снижаться или превратится в отрицательную величину.²²

Почти столь же важным, как успех экономических реформ, может стать устранение невыносимой политизации повседневной жизни. Основой военного (или военно-полицейского) режима будет скорее не тоталитарная, а „обычная” диктатура, которой не нужна ни политика, полная византийской символики, ни беспрестанные потоки лживой пропаганды, долженствующей придать режиму квазигитимность. Иными словами, система будет основываться на авторитарных указаниях „не делай этого!”, нежели на тоталитарных „делай это!”. При этом хозяйство освободится от множества описанных выше ограничений. Обществу будут гарантированы возможности реализовать его чаяния в области экономики (пусть не политики) и оно, освободившись от серьезного раздражителя политизации, сможет направить энергию на предпринимательскую деятельность, нововведения и просто на хорошую работу, что не может не дать положительного эффекта.

Сценарий не обязательно остановится на этой точке. Если главное препятствие экономическим реформам будет нейтрализовано или устранено, „обычная” диктатура не обязательно останется постоянным элементом политического ландшафта. Пример Испании ясно показывает, что усиление опоры на рынок и сопутствующие этому внешние воздействия на экономику приведут к быстрому росту доходов и к интенсивному усложнению экономических и неэкономических внутренних и международных взаимодействий. В итоге правящая элита может открыть для себя, что удержание власти не так уж важно вследствие повышения уровня благосостояния, а усилия, необходимые для диктаторского контроля над обществом, слишком велики.

Мы вернемся к этому варианту позднее, так как его уроки важны для анализа еще одного сценария; здесь же прокоммен-

тируем другое очевидное обстоятельство. В этом сценарии не учитывались различия между Советским Союзом и малыми странами Восточной Европы, находящимися под советским влиянием. Если предположить, что сценарий военного (или военно-полицейского) переворота и перехода к „обычной” диктатуре будет осуществлен в одной из малых стран, то новая правящая элита возьмет на себя роль гаранта военно-стратегических интересов Советского Союза в своей стране.

Военное положение в Польше породило толки, что страна первой осуществит сценарий, при котором возникнет сочетание „какой-то степени децентрализации и развития рынка с определенным уровнем милитаризации”, и система будет развиваться к ситуации франкистской Испании и сходных режимов.* Однако польский случай все более становится похожим на „нормализацию” в Чехословакии после советского вторжения 1968 г. Поскольку в стране нет ресурсов для роста потребления, который смягчил бы впечатление от политических репрессий, то крах попыток такого сценария не вызывает сомнений, и новый шок совершенно неизбежен.

Временами кажется, что нынешнее коммунистическое руководство в Польше колеблется между „нормализацией” чехословацкого типа и венгерским „гуляш-коммунизмом” (только, по очевидным причинам, без гуляша). Лишь время покажет, сможет ли материализоваться военный сценарий „детоталитаризации” экономики.

Самоограничение партии

Еще один сценарий, имеющий некоторые шансы на успех в экономике, — это самоограничение коммунистической партии. Надо подчеркнуть, что вероятность успеха такого сценария намного выше, чем шансы, что это когда-либо случится. Выше объяснено, почему коммунистическая партия сопротивляется любым изменениям модели советского типа и ее политических структур. Но этот сценарий, как бы он ни был невероятен, все же не невозможен. В докладе Гаврилишина Римскому клубу

* См., например, S. Gomulka, *The Polish Crisis: Will it Spread and What Will be the Outcome?* Croom Helm, London, 1982.

о путях перехода к более эффективным обществам* приводятся доводы, касающиеся СССР, относительно того, почему правящие коммунистические партии в конечном счете могут оказаться заинтересованными ограничить свою роль в хозяйстве и политике и направить хозяйство по пути повышения эффективности и роста благосостояния, свернув с пути развития производства, питающего самое себя. Наряду с ростом давления, вызванного экономическим спадом, Гаврилишин правильно подчеркивает повышение издержек по надзору за населением в условиях, когда противоречия между теорией и реальностью уже не удаётся скрывать. Кроме того, существуют издержки господства над такой все более усложняющейся системой, какой является Советский Союз; это „поглощает непропорционально большие затраты энергии, которую при иных обстоятельствах можно было бы использовать на производство полезных хозяйственных и политических ценностей, товаров и услуг”.**

Это можно объяснить в терминах Дейча, который вводит различие между властью „брутто и нетто”***. Под властью брутто понимается объем перемен, вводимых путем применения власти, тогда как власть нетто — это объем перемен, который принимается обществом без применения власти. Чем больше разность между властью брутто и нетто, тем больший объем усилий и ресурсов требуется затратить для достижения определенных целей, будь то перемены или поддержание статус кво. В коммунистической системе эта разность исключительно велика. В экономических терминах для обеспечения экономического роста разность между общим объемом использования ресурсов в ХСТ (валовым продуктом) и объемом вновь созданного материального богатства (чистым материальным продуктом) значительно выше, чем в РХ. Судя по размерам партий, а также аппарата хозяйственного контроля, полиции и пропаганды, затраты людских ресурсов здесь также крайне велики.

Когда сокращается общее благосостояние и одновременно объем выгод, получаемых правящей элитой, выделение для себя

* В. Hawrylyshyn, *Road Maps to the Future...* Pergamon Press, Oxford, 1980

** Там же, стр. 43.

*** К. Deutsch, *The Nerves of Government*, The Free Press, N.Y., 1966.

все большей доли уменьшающегося пирога для поддержания абсолютного уровня жизни элиты может помочь лишь на короткий срок. Это может отозваться бумерангом — в форме падения качества и количества продукции или в форме открытого недовольства. Букер Т. Вашингтон, деятель негритянского просвещения конца прошлого века, подчеркивал расточительность рабовладения, указывая на усилия, которые нужно применить для его сохранения: „Единственный способ, которым белый человек на Юге может удержать негра в яме, — это оставаться в яме вместе с ним”.* При падении жизненного уровня и возрастающем недовольстве в обществе правящие элиты могут осознать, что усилия, которые поглощает контроль над строптивым и мятежным обществом, неадекватны все меньшей отдаче для их собственного благосостояния, и по истечении какого-то времени могут счесть более удобным расширить базу власти и постепенно или радикально ликвидировать структуру контроля, специфичную для системы.

Отстранение партии от вмешательства в процесс создания богатства, а также уничтожение окаменелой структуры централизованного планирования — главные составляющие успеха. Опыт Югославии ясно показывает, что отменить централизованное планирование — еще недостаточно. Имея полный политический контроль, Союз коммунистов Югославии сохраняет возможность вмешиваться в отбор руководителей предприятий, оказывать давление на региональную и местную администрацию, а также на банки, и результаты резко отрицательны. В Югославии инвестиционные циклы не повторяют временную структуру других ХСТ; взаимозависимость между центральными плановыми органами и предприятиями в рамках пятилетних планов отсутствует. Однако сами циклы и чрезмерное накопление инвестиций продолжают, и нежизнеспособные „политические предприятия” — продукты вмешательства — разбросаны по всей стране. Эффективность хозяйствования здесь не намного выше, чем в условиях централизованного планирования.

Вот почему расширение базы власти — необходимая предпосылка успеха хозяйства, причем расширение не только

* Цитировано по упомянутой работе Дейча.

посредством одних только мер демократизации. Необходимо развить структуры проверки и исправления ошибок, ограничивающие возможности партаппаратчиков вмешиваться в экономику и паразитировать на ней и повышающие эффективность хозяйствования устранением некоторых наиболее серьезных системных причин расточения, коррупции и неопределенности. Как и в предыдущем сценарии, здесь может также помочь деполитизация повседневной жизни, что создаст более спокойную обстановку для хозяйственной деятельности. Стимулирования риска, предприимчивости, новаторства и просто хорошей работы недостаточно. Люди должны иметь гарантии, что законы не изменятся в одну ночь (да еще с приданием им обратной силы), что плоды их труда не будут отняты и сами они не станут жертвами кампании осуждения, и, наконец, что они могут достичь своих материальных и духовных целей, не прибегая ко лжи и без раздражающей необходимости исполнять обряды политической символики.

В этом сценарии, как и в прежнем, возникает возможность, что после повышения эффективности хозяйствования и последующего роста благосостояния система будет развиваться в направлении демократизации. В конце концов история доказала, что в длительной перспективе существует тесная положительная корреляция между демократией и высоким уровнем жизни. Как правильно отмечает Гаврилишин, две страны, которые раньше питали имперские амбиции – Германия и Япония, обратили свою энергию на внутренние дела после военного поражения и в итоге построили весьма эффективные процветающие хозяйства и демократические общества. В СССР спад в крайне расточительном и все более неэффективном хозяйстве может стать сильным исцеляющим шоком, подобным военному поражению для Германии и Японии. Эти соображения еще в большей мере приложимы к малым восточноевропейским странам, у которых нет великодержавных амбиций и которые острее ощущают ограничения, специфические для системы ХСТ.

5. Вместо заключения

Остается добавить немного. Выводы, касающиеся и нынеш-

него спада и перспектив будущего, можно найти по всей работе, и излишне подводить сейчас итоги. Я добавлю лишь краткий комментарий к уже сказанному.

Первое. Перспективы Восточной Европы мрачны. Даже принимая во внимание различие между странами в эффективности хозяйствования, общие причины застоя и спада, характерные для системы, ясно показывают, чего можно ожидать в дальнейшем. К тому же система централизованного планирования не в состоянии справиться с проблемами, которые рыночная система давно решила. ХСТ даже не приблизились к решению тех экономических, социальных, психологических и иных проблем, которые решают РХ, находящиеся на более высоком уровне развития. Трудно ожидать, что ХСТ достигнут такого уровня, поскольку они не способны решать жизненно важные проблемы; а без этого достижение более высокого уровня невозможно.

Второе. Неудивительно, что имеют какие-то шансы на успех лишь сценарии, предусматривающие преобразование коммунистической системы в целом, а не только ее экономического компонента. Без такого преобразования устойчивый переход от спада к подъему совершенно невозможен. Венгерский сценарий может улучшить положение лишь незначительно и на короткий срок; западногерманский „зонтик” может сделать менее ощутимым напряжение в хозяйстве ГДР; обилие ресурсов в Советском Союзе может позволить элите продлить вчерашний день подольше, но все эти варианты могут принести лишь временное облегчение.

Третье. Здесь обсуждались восточноевропейские ХСТ. Это не означает, однако, что хозяйства в других частях мира, избравшие вариант централизованного планирования и имеющие сходную со странами Восточной Европы политическую структуру, функционируют лучше. В другой моей работе* анализируется эффективность хозяйств группы развивающихся стран, которые в той или иной степени избрали советский путь развития, и их показатели за 70-е годы сравниваются со средними темпами роста в группе развивающихся стран со средним

* См., J. Winiacki, *Economic Trends and Prospects in Comparative Perspective*, Варшава, 1984.

и низким душевым национальным доходом (в особенности с группой вновь индустриализирующихся стран — ВИС), которые выбрали противоположный путь — на развитие рынка и экспортную ориентацию хозяйств. Полученные итоги весьма показательны. Темп роста в странах с централизованным планированием в качестве основной формы организации хозяйства, по которым имелись данные, составил 1% в год (невзвешенная средняя для девяти стран) при значительных колебаниях между различными странами; 3% в странах с низкими доходами; 5,1% — в развивающихся РХ со средними доходами и 8,9% — в азиатских ВИС (невзвешенные средние). В группе, избравшей РХ, колебания между странами были намного ниже.

Анализ каждого отдельного случая показал не менее значительную особенность: если в развивающейся стране режим менялся в сторону большей централизации управления хозяйством, отчетливо проявлялось снижение темпов роста; если же происходила обратная перемена — в сторону большей ориентации на рынок, то темпы роста ускорялись. Ангола, Эфиопия, Мозамбик, Мадагаскар, Перу и Ямайка все испытали падение темпов роста в 70-е годы по сравнению с 60-ми, тогда как в Египте, Индонезии, Сомали и Судане тенденция была обратной²³ (в этих странах в 70-е годы темпы экономического роста ускорились, несмотря на более сложное положение в мировом хозяйстве в эти годы). Отсюда ясно, что спад относится ко всей системе, и не ограничивается только Восточной Европой.

Четвертое и последнее. Спад не ограничивается только хозяйством и узко толкуемым уровнем жизни, то есть текущим потреблением. Последствия загрязнения окружающей среды еще безобразнее и само загрязнение сильнее, если оно порождено „цивилизацией нищеты и глупости”, как характеризовал один краковский журналист экологическую дегенерацию в Польше. Эту характеристику нетрудно распространить и на другие ХСТ, где те же проблемы обусловлены теми же факторами, внутренне присущими системе. То же можно сказать о комбинации высокого социально-психологического давления, под которым живут люди при тоталитаризме, неудовлетворительных условий труда, упомянутого загрязнения среды, нездоровой пищи и антисанитарных условий, все это порождает яв-

ление, которое Алан Безансон назвал весьма точно — смертной отдачей.* Различные демографические временные ряды начинают попятный ход в ХСТ (причем Советский Союз является здесь лидером): растут коэффициенты смертности, понижается показатель продолжительности жизни населения.

Все аспекты жизни, рассмотренные в совокупности, создают более мрачную картину будущего, чем только экономический анализ. Неудивительно, что многие содрогаются при мысли о перспективах при сохранении основ системы. К счастью для восточноевропейских обществ, способность системы к выживанию в нетронутom состоянии быстро слабеет, и это единственный луч надежды в общей обескураживающей картине.

Перевод Вадима Меникера

* L'Express, 6 сентября 1985.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Такие расчеты были проделаны в работе Я. Винецкого „Экономический тренд и будущие тенденции в сравнительной перспективе”, Варшава, октябрь 1984.
- 2 Таблицы „затраты-выпуск” имеют дело с группировкой наименований продукции в гораздо большей степени, чем с группировкой административных подразделений, хотя последние были введены в ХСТ, чтобы управлять производством более или менее единообразных наименований продукции.
- 3 Этот термин был употреблен газетой „Работническое дело” (31 мая 1983 г.).
- 4 По советской терминологии „интенсивный” экономический рост — это то, чего в ХСТ добиваются на протяжении последней четверти столетия, — то есть, более эффективного использования факторов производства, а также замены менее эффективных факторов более эффективными. По советской терминологии, „экстенсивный” рост означает увеличение продукции за счет количественного роста качественно неизменяющихся средств производства.
- 5 Точнее говоря, дальнейший переход рабочей силы в промышленность невозможен без фундаментальных перемен в коллективизированном сельском хозяйстве.
- 6 Кроме того, как это часто случалось на практике, рост производительности на базе новаторства приводит к увеличению заданий в

следующем плановом периоде. Таким образом, дополнительные усилия приводят к обратным результатам, поскольку выполнить план следующего года и получить соответствующее вознаграждение будет труднее.

7 Этот эффект, однако, уменьшился из-за постоянной тенденции превышать оптимальные объемы производства. Гигантомания, в свою очередь, увеличила вне всяких пропорций загрязнение окружающей среды и другие отрицательные явления, уменьшив в результате выгоды от крупномасштабных операций.

8 Польша, Чехословакия и Советский Союз с этой точки зрения являются исключениями; венгерский опыт дает довольно пеструю картину, если брать в расчет все десятилетие; в Болгарии можно обнаружить некоторые улучшения; данные по ГДР и Румынии показывают, что изменений в этих странах не произошло (хотя и по разным причинам).

9 Ярким свидетельством ухудшающегося качества продукции в Польше и Румынии – двух странах, в которых произошло самое значительное снижение жизненного уровня – является заметное увеличение официальных заявлений и партийных директив относительно улучшения качества продукции. Внимание западных наблюдателей привлекли также и заявления генерального секретаря ЦК КПСС Андропова о низком качестве советской продукции. В 1984 г. в Болгарии эта проблема рассматривалась на партийном пленуме, выявившем все увеличивающиеся трудности в деле повышения качества продукции.

10 Стоит отметить, что даже в Китае наблюдается высокий уровень потребления энергии на единицу ВВП (1,5 кг в пересчете на уголь на один доллар ВВП), несмотря на то, что ВВП на душу населения в Китае в 10 раз ниже, чем в других ХСТ.

11 Анализ сроков завершения капитального строительства, если брать за основу проекты, затруднены из-за того, что сейчас используется более сложная технология, чем, скажем, 20 лет назад. Но по тем странам, которые публикуют соответствующие статистические данные, расчеты показывают, что пропорция неиспользованных капиталовложений по отношению к общему объему годичных капиталовложений растет. В Болгарии, Чехословакии, Венгрии и Советском Союзе эта пропорция

заметно возросла в 70-е годы по сравнению с 60-ми и обнаружила дальнейшую тенденцию к увеличению к концу 70-х годов.

12 Чистый материальный продукт равен валовому национальному продукту за вычетом стоимости услуг и амортизированных отчислений.

13 Интенсивность эксплуатации транспорта в Советском Союзе значительно выше (соответствующая кривая для СССР показана на Рис. 2).

14 Данные взяты из чехословацкого источника, *Zahraniční obchod*, 1983.

15 Некоторые показатели роста чрезвычайно завышались в сталинскую эпоху, но впоследствии высокие темпы роста, вызванные индустриализацией, стали рассматриваться коммунистическими руководителями как нечто постоянное, присущее системе. Очевидно, что сейчас уже не приходится говорить о высоких темпах в ХСТ.

16 Изменения в методологии расчетов индекса цен потребительских товаров произошли в Польше дважды – в середине 70-х годов и в 1981 г. Сейчас методология расчета этого индекса почти не отличается от методологии, применяемой в Венгрии (и в рыночных экономиках).

17 Например, в 1968 г. в Болгарии фактический рост цен на большинство продовольственных товаров в размерах от 30 до 100% в официальном индексе цен был зарегистрирован на уровне 4–5%. Поскольку удельный вес затрат на продовольствие в потребительских расходах достаточно высок (больше 50% в то время), рост индекса потребительских товаров в целом был значительно занижен. В Чехословакии, по официальным данным, индекс потребительских товаров увеличился в период 1982–1983 гг. на 7%. В то же время цены на говядину выросли на 60%; телятину – на 42; свинину – на 35; ветчину и сосиски – на 20; рыбу – на 30–55%. Цены на товары длительного пользования, например, на телевизоры, увеличились на 40%, стиральные машины – на 24; электрические плиты – на 23; на бензин – на 23; и т. д.

18 Результаты применения этой методологии представлены в *Economic Bulletin for Europe*, 31, No. 2 (1980). Говоря вкратце, эта методология основана на измерении физического объема товаров, которые обнаруживают высокую степень корреляции с валовым внутренним продуктом в те годы, которые избраны базисными для всего периода. Уравнения регрессии, полученные по этой методологии, были использованы затем для прогнозирования уровня валового внутреннего продукта на душу населения в каждой стране для всех лет, выбранных в качестве базисных. От 25 до 30 уравнений регрессии позволили затем рассчитать уровень ВВП на душу населения для всех промежуточных лет.

19 Интересно, хотя и не вполне убедительно то, что, по оценкам Элтона, завышение показателей экономического роста было примерно таким же, как и в других ХСТ в период 1975–1982 гг., и еще более значительным в период 1970–1975 гг. Различные оценки жизненного уровня и ВОП на душу выявляют меньшую разницу между Чехословакией и ГДР, с одной стороны, и Венгрией, с другой, чем можно было ожидать на основании официальных цифр. Оценки Марера (1985) показывают меньшую разницу между Венгрией и этими странами. Поскольку общепризнано, что уменьшение расхождений началось в 70-х годах, есть большая вероятность того, что темпы роста преувеличены гораздо сильнее в статистике других стран, чем в Венгрии.

20 В долгосрочном плане надо говорить, скорее, о все большем поощрении предпринимательства, чем о его действительном росте. Что касается Польши, то в ней небольшие частные предприятия росли несколько быстрее в начале 80-х годов, но сейчас сокращаются и переориентируются на получение максимальной прибыли в краткосрочном плане в связи с неприязненным к ним отношением.

21 Согласно *Zycie gospodarcze*, 1984, No. 40, в Краковском районе только около половины товаров длительного пользования реализовывались через нормальные каналы распределения, тогда как 45% этих товаров распределялись персонально. Эти данные не включают автомашины, но ситуация с распределением автомашин, согласно другим источникам, не намного отличается. Нет никаких оснований полагать, что Краковский район отличается от остальных районов Польши.

- 22 Вместе с тем, хотя конфликтные экономические интересы отсутствуют, могут обнаружиться проблемы психологической адаптации к децентрализованной, рыночной экономике, поскольку и армия и полиция являются иерархическими, многоступенчатыми организациями, и централизованное планирование может казаться их людям более „естественным“.
- 23 В Судане персориентация на рыночную экономику произошла без перемен на верхах власти.

О ГОРБАЧЕВЕ, ПЕРЕСТРОЙКЕ И ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМПАРТИИ

(беседа английского политолога Джорджа Урбана
с депутатом итальянского парламента и заведомом
международных отношений ИКП Джорджем Наполитано)

Урбан: Итальянский коммунизм, как мне кажется, снова переосмысливает себя. В последние пятнадцать лет ваша партия видит в КПСС и советской сверхдержаве угрозу либеральной демократии и особому характеру итальянского коммунизма. Вы говорили, что если советская система сокрушит западную Европу, это будет означать конец подлинной демократии. Итальянские коммунисты особенно опасались, и для этого были очень веские основания, что печальная судьба постигнет еретиков – еврокоммунистов не только в Риме, но и в других местах.

Уничтожение Лениным и Сталиным меньшевиков и социальных революционеров было первым предупреждением; моряков в Кронштадте, социал-демократов Центральной Европы, Имре Надя, Александра Дубчека постигла не лучшая участь. По-видимому, только страны свободного предпринимательства являются безопасной средой для развития коммунизма. Верно ли это и ныне, при Горбачеве?

Наполитано: Мы считаем, что есть разница между внешней политикой СССР при Брежнев и той, которую мы наблюдаем при Горбачеве. Было бы, однако, преждевременным делать вывод, что Запад больше не нуждается в обороне и обеспечении

своей безопасности, что Организация варшавского договора и НАТО исчезнут сами по себе за ненадобностью. Мы убеждены, что западноевропейские страны и США должны сохранить НАТО и обеспечить военное равновесие с советским блоком. В то же время мы убеждены, что Запад должен использовать любую возможность, чтобы достигнуть с Москвой соглашения о сокращении вооружений и контроле над вооружениями, об укреплении взаимного доверия и взаимной безопасности.

В 70-е годы СССР воспользовался пассивностью Америки, чтобы распространить свое влияние и военное присутствие в третьем мире. Он развернул огромную программу усиления своей военной мощи. Кульминационной точкой этого процесса стало советское вторжение в Афганистан. Однако после смерти Брежнева и вывода из состава руководства главных поборников политики экспансии в СССР при Горбачеве началась серьезная переоценка ряда аспектов внутренней и внешней политики. Несомненно, нынешнее советское руководство более готово к компромиссам, нежели прежнее, и если учесть (а мы обязаны это сделать) психологический фактор как один из факторов международных отношений, то следует признать, что международная атмосфера в чем-то действительно изменилась к лучшему.

– То, что вы сказали, почти полностью совпадает с заявлениями консервативных правительств – Великобритании, ФРГ и Франции. Это значит, что вы, коммунисты, рассматриваете интересы партии как неотделимую часть „интересов государства” в его традиционном понимании?

– Мы заинтересованы в более благоприятном международном климате, но без ущерба независимости и демократическим ценностям стран Западной Европы. Обеспечивая их сохранение, мы тем самым защищаем и национальные интересы Италии.

– Вы назвали советское продвижение в страны третьего мира в 70-е годы „экспансионизмом”. Я несколько удивлен такой характеристикой, поскольку склонен думать, что даже

такая реформистская коммунистическая партия, как ваша, все же будет придерживаться мнения, что распространение влияния и присутствия советской державы в новых регионах мира означает включение этих областей в исторически неизбежную и „прогрессивную” сферу „социализма” – со всеми предполагаемыми улучшениями, которые с собой приносит социализм: большие свободы, более справедливую экономику, более высокую культуру, интернациональную солидарность и т. п. Вы, я вижу, не согласны, что ...

– Нет, мы не согласны с этим и мы не делали подобных заявлений уже десять лет, хотя в прошлом наша партия пользовалась таким языком. Я хочу в этой связи сказать следующее: в иной ситуации, на прежнем этапе эволюции нашей партии как одной из компартий Западной Европы мы отождествляли внешнюю политику Москвы с миром, социализмом, с помощью национально-освободительным движениям в третьем мире. Мы и сейчас считаем, что в окончательном поражении колониализма СССР играет положительную роль, содействуя освободительной борьбе народов колоний.

– в сотрудничестве, как мы можем добавить, с американцами, которые, будучи сами деколонизаторами, горели желанием разбить британскую, французскую, голландскую и португальскую империю –

– Да, во многих отношениях в годы войны и в течение нескольких послевоенных лет СССР и США сотрудничали. Мы долгое время не видели, что державные интересы СССР и интересы мирового социалистического движения не совпадают. Мы верили, что внешняя политика СССР формулировалась таким образом, чтобы одновременно защищать безопасность советского государства и поддерживать борьбу за национальное освобождение и социализм во всем мире. Однако постепенно мы начали сознавать (и в этом нам помог смелый анализ Энрико Берлингуэра), что СССР, став сверхдержавой, рассматривает себя как державу, находящуюся в глобальной конфронтации с другой сверхдержавой, и стремится к максимальному расширению

своего влияния в мире. Мы начали понимать, что конфликт между США и СССР развивается по собственной логике, ничего общего не имеющей с социализмом. Стремление экспортировать советскую модель социализма и реализовать ее в неподходящих условиях мы рассматриваем как абсурдное и вредное для социализма.

— *Таким образом, знак равенства между советской моделью социализма и подлинным социализмом потерял для вас силу закона?*

— Мы отказались от такого сопоставления. В то же время мы продолжали считать, что некоторые предложения СССР на международной арене являются полезными и способствуют разрядке напряженности. Американско-советские переговоры о ликвидации ядерных ракет средней и меньшей дальности, которые завершились в 1987 г., — один из примеров полезных инициатив. Что предложение нулевого варианта на самом деле является американским, для нас не столь важно, как результат — заключение договора о ликвидации двух классов вооружения.

— *Нагга и его коллеги встретились в Москве с Горбачевым. Как советские руководители ранее реагировали на то, что вы перестали отождествлять подлинный социализм с советской моделью социализма, и как они относятся к этому в настоящее время?*

— О, они долгое время относились к этому резко отрицательно. Конфликтность наших отношений с КПСС уменьшилась лишь после того, как Горбачев укрепил свои позиции. Во второй половине 70-х и в первой половине 80-х годов советская компартия идеологически была к нам враждебна. Советская печать регулярно делала выпады в наш адрес, и отношения между обеими партиями были фактически заморожены. Оттепель началась после того, как Горбачев — по собственной инициативе — признал, что каждая коммунистическая партия имеет право на свое понимание и определение социализма и стратегии, которой она намерена руководствоваться. Итальянская коммунистичес-

кая партия давно уже не считает себя частью международного коммунистического движения, поскольку мы не признаем наличия такого движения. Однако мы говорим: давайте на основе взаимного уважения обсудим конкретные политические проблемы и увидим, существует ли возможность достижения согласия по тем или иным вопросам.

– После XXVII съезда КПСС в марте 1987 г. итальянский коммунист Альберто Джаковелло писал на страницах газеты „Република“, что ваша партия полностью поддерживает линию Горбачева и восстанавливает тесные контакты с КПСС, но с некоторыми оговорками. „В прошлом, – писал он, – наши контакты с КПСС были тесными, какую бы позицию она ни занимала; теперь же мы делаем различие между генеральным секретарем, провозгласившим новую политику, и теми силами внутри КПСС, которые этой политике сопротивляются“. Отражает ли это точку зрения вашей партии?

– Да, это точное определение. Мы – независимая партия. Для нас важно, разделяет ли политическая партия – в Италии или в другой стране – наши убеждения. Поскольку теперь большинство в советском руководстве признает кризис советской модели социализма и вступило на путь радикальных реформ, мы такое руководство поддерживаем. Но это не значит, что мы даем КПСС или какой-либо группировке в КПСС карт-бланш.

– Итальянский историк-коммунист – Паоло Сприано – писал накануне XXVII съезда КПСС („Унита“, 16 января 1987 г.), что ИКП усматривает связь между отсутствием свободы и демократии в советской системе и экономическим разорением, бюрократией, застоём и взяточничеством, „против которых сегодня так резко выступает Горбачев и поддерживающая его группа“. Необходимо откровенно сказать, – продолжает он, – что только подлинная политическая демократия в СССР (это относится и к другим странам Востока – от Чехословакии до Китая) будет представлять собой качественный скачок, историческое новшество, развитие социализма“.

Совпадает ли этот взгляд с мнением вашей партии?

— Сприано — член нашего ЦК. Но это не означает, что все его высказывания отражают партийную политику. Однако в данном случае приведенные вами высказывания выражают точку зрения нашей партии и мою собственную.

— *Чуть дальше, в той же статье, Сприано говорит, что „однопартийная система является главным препятствием на пути демократизации, тем более, что эта единственная партия пострадала от репрессий и находится в упадке. На это более 30 лет назад обратил внимание Тольятти”.*

Можно ли из этого заявления сделать вывод, что ваша партия находится в оппозиции к существующей в СССР однопартийной системе?

— Мы предпочли бы плюралистическую систему как в СССР, так и в странах Восточной Европы. Но не нам определять, какой вид плюрализма там должен быть. Горбачев как руководитель, должен осознать, что установление политического плюрализма — неотъемлемая часть реформ в СССР. На первом этапе реформ Горбачев ограничивался планом экономических перемен. Но он сам вскоре увидел, что экономические реформы не продвинулись вперед, если не признать наличия различных интересов в советском обществе и если не будут созданы условия, в которых эти интересы смогут быть свободно выражены. Советское общество не гомогенно по своей структуре; оно состоит из различных слоев, стремящихся заявить о себе и заинтересованных в том, чтобы закон защищал их интересы...

— *Это находится в прямом противоречии с утверждениями коммунистов, что через 70 лет после революции таких противоречий уже не существует. Во время своего пребывания в США Татьяна Заславская отметила (27 августа, 1987 г.), что при исследовании „экономико-социологической структуры советского общества” она и ее сотрудники установили 75 (!) групп интересов. * Можно сказать, что советская действительность опровергла один из наиболее заботливо возвращенных официальных мифов.*

* См. „Проблемы Восточной Европы” № 19—20, Н. Й. 1987 г. стр. 241—242. — Ред.

— Это верно. Но трудно сказать, когда и как советские коммунисты согласятся с идеей подлинного политического плюрализма. Но они, я думаю, начинают осознать, что в обществе и в культуре существует определенный плюрализм — и это уже прогресс.

— Некоторые из них (например, Федор Бурлацкий, один из ближайших советников Горбачева) призывают к „общественному плюрализму“, но это вряд ли означает нечто большее, нежели призыв к терпимости по отношению к разнообразию мнений внутри коммунистической партии.

— Соппротивление политическим преобразованиям и экономическим реформам огромно, и противники таких изменений имеются не только среди бюрократии, глубоко заинтересованной в сохранении существующего положения, но и среди многих других слоев, представители которых привыкли к гарантированной работе, к низкой производительности труда, к минимальному контролю за качеством, к слабой дисциплине и к зарплаткам на стороне. Все они настороженно относятся к перестройке. К этому надо добавить и национальную традицию вялости и апатии.

— Общественный договор, заключенный между гражданами СССР и советским государством, можно сформулировать так: „Вы нам платите мало — мы работаем мало. Вы платите плохо — мы работаем плохо. Но до тех пор, пока нам обеспечена работа — обеспечена и ваша власть.“

— Вот этот-то договор Горбачев и хочет аннулировать. Советская политика уравниловки обостряет трудности советской системы, поскольку она препятствует более высокому вознаграждению за высоко квалифицированный и добросовестный труд.

— Пражская весна 1968 г. старалась освободиться от этого недостатка „социалистической“ экономики советского типа —

— Да, и страшно подумать, какая трагедия постигла Чехословакию в результате вторжения советской армии в 1968 г. Многие руководители Чехословакии и интеллектуалы оказались в заключении только за то, что они были пионерами в выдвижении идей, на которых сейчас основывается официальная политика СССР. Это бесчестье, позор для СССР. И нет ничего удивительного, что Александр Дубчек во время визита Горбачева в Чехословакию (весной 1987 г.) и затем в 70-ю годовщину Октябрьской революции напомнил Кремлю о величайшей несправедливости по отношению к пражским реформаторам. Недавно (10 января 1988 г.) он снова откровенно выразил свое возмущение по этому поводу на страницах „Униты”.*

— Намерена ли ваша партия добиваться полной политической свободы для стран Восточной Европы, даже если внутри советской сферы влияния это невозможно? Недавно, беседа с корреспондентом „Эспрессо”, вы указали, что в случае удачи реформ Горбачева Советскому Союзу будет не трудно установить более гибкие отношения с восточноевропейскими „социалистическими” странами, так как исчезнет „страх перед негативным влиянием нарушения баланса между двумя блоками”.
Объясните, пожалуйста, подробнее, что вы имели в виду.

— Мое мнение таково: новый этап разрядки в отношениях между Востоком и Западом будет способствовать расширению автономии восточноевропейских стран как во внутренней, так и во внешней политике, и Москва будет более терпимо относиться к такой автономной политике. Но, учитывая сорок лет социализма советского типа в Восточной Европе, трудно представить, что там вдруг восстановится многопартийная система.

— Для вас было бы желательным наличие в этих странах нескольких действительно независимых политических партий? Горбачев, быть может, заигрывает с подобными идеями, но не говорит о них вслух. В выступлении перед руководителями „братских” партий 4 ноября 1987 г. он говорил о „надменности

* См. интервью Дубчека в этой книге „Проблем Восточной Европы”, стр. 237-260.

*всезнайки”, а в своей книге утверждает (хотя его объективность сомнительна), что после войны в Восточной Европе „возникли серьезные проблемы”: „... братские страны социализма во многом полагались на советский пример... Спекуляции насчет навязывания „советской модели” искажают эту объективную необходимость того времени... Многое из опыта СССР перенималось без учета особенностей тех или других стран”.**

— Вы спрашиваете, считаем ли мы целесообразным возобновление многопартийной системы в восточноевропейских государствах? Я не исключаю такой возможности.

— В беседе с членом ЦК вашей партии Лючио Ломбардо Радиче (1977 г.) я задал ему тот же вопрос. Я спросил его, предусматривает ли полная индивидуальная свобода (которую Радиче горячо защищал) различные политические программы, в том числе и такую, которая отвергает социализм? Радиче ответил: „Я не верю, что такое может случиться. Разве возможно, чтобы какая-либо часть населения захотела отказаться от социализма, вернуться от высшей формы общества к низшей?” Он сказал тогда, что выдвинутая мной гипотеза невозможна.

— Такова была его точка зрения в 1977 г. Мы верим в открытое общество и в свободные выборы. Мы стремимся к победе на выборах, используя для этого строго демократические средства, и мы выйдем из правительства, если потерпим на выборах поражение. Что касается восточноевропейских государств, то следует принять во внимание несколько сложных факторов. Во-первых, как я уже говорил, 40 лет представляют собой почти полный срок политической активности двух поколений. Люди, никогда не видевшие многопартийную систему в действии, могут счесть трудным и даже нежелательным воссоздание такой системы. Во-вторых, мы великолепно понимаем, как понимают это и западноевропейские правительства, и правительство США, что резкое изменение режимов в странах Восточной Европы

* Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. Москва, ИПЛ, 1987 г., стр. 167.

или прямой вызов отношениям, установившимся между восточноевропейскими режимами и СССР, может привести к дестабилизации в Европе, а затем во всем мире.

— *Существуют, однако, иные заслуживающие серьезного внимания аргументы: что именно отношения между Кремлем и зависимой от него Восточной Европой являются причиной нестабильности в этом регионе. Чехи, поляки и венгры, как показывает исторический опыт, не готовы смириться с закреплением их колониального статуса, и потому стабильность может быть достигнута лишь в результате принципиального изменения советской позиции. Сделанное Горбачевым в его книге „Перестройка...“ заявление можно рассматривать как симптом такого изменения.*

— В некоторых восточноевропейских странах уже рушатся монолитные структуры. В Польше, например, власть разделена между партией и церковью. Обновление Сейма как политического института и ряд политических мер либерального характера свидетельствует о том, что правительство ПНР уже делает некоторые шаги в направлении к плюрализму, хотя, конечно, это плюрализм все еще весьма ограниченный. Венгрия, в свою очередь, осторожно порывает с избирательной системой, предусматривающей лишь одного кандидата, хотя и там партия все еще санкционирует выбор нескольких кандидатов. В Венгрии имеется существенная свобода в области культуры; там разрешены поездки за границу; верующие, в том числе исповедующие иудаизм, также пользуются довольно широкой свободой, и существует надежда, что проводимые в стране экономические реформы приведут к дальнейшей демократизации, к более широкому политическому плюрализму и к частичному отделению партии от государства. В ходе осуществления горбачевских реформ в СССР будет усиливаться нажим в странах Центральной и Восточной Европы с требованием перемен. В этом я не сомневаюсь.

* *
*

– Горбачев в своей книге „Перестройка” не выходит за рамки высказываний Ломбардо Радиче 1977 г. Горбачев, правда, утверждает, что „всю систему политических отношений между странами социализма следует строить неукоснительно на основе полной самостоятельности”;^{*} однако при этом он все же замечает, что „проблемы”, возникшие в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. и в Польше в 1956 и в начале 1980 г. были решены „различно”. При этом он (мягко говоря) с удовлетворением подчеркивает, что „ни в одной из стран социализма не произошло возврата к старым порядкам”.^{**} Такое вульгарное искажение истории вряд ли нуждается в комментарии. Ведь Горбачев здесь совершенно четко и ясно говорит, что „демократизация” и другие изменения в рамках „социализма” будут поощряться и разрешаться, но переход от „социализма” к другой системе невозможен.

Другими словами, заявление Горбачева следует понимать так: доктрина Брежнева будет применена опять, если, например, возникнет угроза, что Польша захочет оторваться от „социалистического” сообщества. Чтобы не возникало никаких сомнений, Горбачев говорит о самостоятельности каждой коммунистической партии и о праве суверенно решать вопросы своей страны, о ее ответственности перед своим народом,^{***} но он ничего не говорит о независимости наций. По Горбачеву, граждане Восточной Европы могут получить определенную степень демократии только в рамках „социализма”.

– И все-таки это заявление Горбачева – существенный шаг вперед по сравнению с прежней линией СССР. Он публично признал неудовлетворительный характер отношений между Москвой и другими социалистическими государствами и призвал к изменениям в направлении обеспечения суверенитета и независимости стран Восточной Европы. Это очень важно. Горбачев, вероятно, осознал, что любые заявления о независимости, суверенитете и ответственности перед своим народом, даже

* Горбачев, указ. соч., стр. 170

** Там же, стр. 168

*** Там же, стр. 170

если это касается только партии, игра с огнем, которая может привести к возобновлению протестов в Восточной Европе. Заслуживает уважения, что он все-таки поднял эту чрезвычайно деликатную проблему, даже если, как вы говорите, он жестко нормировал правду о событиях 1956 и 1968 гг. У Горбачева сильная оппозиция. Вероятно, в данных условиях он не может идти дальше.

— Мне думается, что „финляндизация” могла бы стать приемлемой альтернативой для народов Центральной и Восточной Европы. Вы думаете, Горбачев готов на это?

— Не знаю. Но мне кажется, что он рассуждает в терминах державной политики. Я сомневаюсь, что Горбачев согласится с „финляндизацией” Восточной Европы. В 1956 г. реакция Москвы на венгерскую революцию могла быть, возможно, не столь насильственной. Возможно, венгерское членство в Организации варшавского договора могло быть заменено двусторонним советско-венгерским договором о безопасности, который удовлетворил бы обе стороны. СССР поступил иначе. Финляндия никогда не входила в какой бы то ни было блок; у нее свои собственные соглашения о безопасности, которые работают хорошо. Другие государства могут следовать примеру Финляндии: обладать полной свободой внутри и одновременно быть надежным партнером СССР в вопросах безопасности. Но если бы это произошло, СССР, вероятно, считал бы, что произошло отступление от социализма, поскольку „финляндизация” Восточной Европы может восприниматься именно так. Не думаю, что дело идет к этому. Отношения между Москвой и столицами стран Восточной Европы меняются. Это вытекает, в частности, из заявления Горбачева, что коммунистические партии в Восточной Европе ответственны только перед своими народами и ни перед кем другим.

— Когда имперская власть теряет волю к господству и начинает серьезно говорить о демократии, в империи активизируются центробежные тенденции. Так раскололись британская и французская империи. Ожидает ли такая же судьба советскую

империю? Трудно представить, чтобы польская или венгерская компартии в момент, когда они действительно будут ответственны только перед своими народами, а не перед хозяевами в Кремле, смогут остаться у власти и удержать свои страны в составе варшавского договора. Не исключено, что „новое мышление” Горбачева побудит многих задуматься и о том, о чем раньше они думать не смели.

— Я не могу согласиться с этим. Во многом внутреннее развитие Восточной Европы — результат действия внутренних сил в этих странах. Венгры приступили к проведению реформ в экономике и в культуре намного раньше других и продолжают их дольше всех. Румыны же, по-видимому, осуществляют сталинскую модель без какого-либо вмешательства Москвы. Чехи, на словах присоединившись к советскому типу реформ, решили идти в этом направлении медленно или вообще не двигаться с места, но никто не может сказать, что в настоящее время Москва вмешивается во внутренние дела Чехословакии и подталкивает ее в нужном СССР направлении.

— *Но если „новое мышление” Горбачева укрепитя во всей Восточной Европе, то не настанет ли, в конце концов, совершенно новая ситуация — ликвидация „божественного права партии” и установление „конституционного коммунизма”?*

— Вероятно, настанет, но социализм от этого не пострадает. Это будет возвращением к демократической и гуманной сущности марксизма.

— *Не опасаются ли итальянские коммунисты, что столь радикально изменившаяся ситуация может привести к „испарению социализма” в Центральной и Восточной Европе?*

— Нет, не опасаются.

— *В соответствии с советским мышлением — и, как я уже отмечал, в соответствии с „новым мышлением” Горбачева — „социалистические” достижения должны быть сохранены.*

— Мы не считаем, что это мнение должны разделять все страны, в том числе Италия. Не забывайте, что в марксистской теории диктатура пролетариата понимается как короткий переходный период до окончательной победы революции. Когда революция укрепляется, нет нужды в диктатуре. В СССР этот переходный период по многим причинам длится очень долго, однако ничто не мешает его теперь закончить. Разумеется, трудно представить, как устранить жесткую, косную диктатуру, господствующую вот уже 70 лет, и Горбачев, по-видимому, больше, чем кто-либо, мог бы нам рассказать о связанных с этим трудностях. Но перестройка — мужественный шаг в этом направлении, и мы надеемся, что она завершится успехом.

— В коммунистической теории есть положение, которое весьма беспокоит меня. Я имею в виду убеждение, что партия и лишь одна-единственная партия является представителем подлинных интересов народа. Свободные выборы могут отражать волю большинства, но не всегда то, что истинно. Вы уже говорили, что не разделяете это положение, но что вы думаете относительно позиции Горбачева в этом вопросе?

— Я не могу говорить от имени Горбачева, но мне думается, что он его не разделяет.

— Однако в данный момент вы миритесь с господством одной партии в СССР, не правда ли?

— Подходя реалистически, мы полагаем, что это господство сохранится и впредь.

— Считаете ли вы, что Горбачев будет готов пойти на свободные выборы, если „переходному периоду” настанет конец?

— Думаю, что да... Горбачев вряд ли воспринимает такой выбор как дилемму. Он, вероятно, убежден, что народ в СССР при свободных выборах проявит единодушие и одобрит господство демократизированной коммунистической партии.

– Проведенный недавно опрос мнения москвичей показал, что большинство не одобряет освобождения политических заключенных. И это показательно. Академик Сахаров назвал результаты этого опроса весьма удручающими.

– Верно, но следует учитывать исторический контекст. Русская политическая культура и традиции весьма отличаются, скажем, от чешской политической культуры и традиций. Русские совершенно несведущи в сложностях многопартийной системы. Поэтому, независимо от того, нравится это вам или мне, власть одной партии, вероятно, приемлема для большинства русских. И есть основания предполагать, что свободные выборы утвердят реформированную коммунистическую партию как власть. Этого не произойдет, вероятно, в других социалистических странах, но в СССР такой исход реален. Есть еще одна причина, объясняющая, почему Горбачев может согласиться на проведение свободных выборов: через 70 лет после Октябрьской революции не так просто признать, что свободные выборы опасны и являются роскошью, которую партия не может себе позволить! Невозможно столько лет одурочивать самих себя утверждением, что партия права, независимо от того, что думают об этом граждане СССР. Горбачев не обманывается относительно того, что граждане СССР и он лично не имеют опыта демократии. Он заслуживает уважения за то, что откровенно и скромно признает необходимость демократизации и революционных перемен не только в экономике и в обществе, но и в сфере духовной жизни населения и внутрипартийных отношений. Недавно в письме читателя редакции „Московские новости” был поставлен такой вопрос: „Как произошло, что через 70 лет после установления в нашей стране свободы и демократии мы должны идти в детский сад и учиться там демократии?” Редактор ответил на это: „Да, мы должны воспитать себя для демократии”. Я считаю это мужественным признанием.

– *Экстраполируя кривую развития в СССР, мы можем прийти к выводу, что приближается момент, когда Горбачев вынужден будет приступить к ревизии некоторых самых устойчивых догм марксистско-ленинской теории. Его „новое мыш-*

ление” требует фундаментальной ревизии этой теории. И действительно ряд важных заявлений в выступлениях Горбачева и в его книге заслуживает похвалы, являясь новаторством, если не просто ересью. Не думаете ли вы, что пришло время собраться представителям всех коммунистических партий, чтобы выбросить из теории все фальшивые пророчества, все непригодные для практики установки?

— Мы, в итальянской компартии, считаем, что это давно нужно сделать. Мы занимались этим на наших прошлых двух или трех съездах. Из-за этого мы и расходились в столь многих вопросах с догорбачевской КПСС. Теперь же сама КПСС реалистически пересматривает некоторые старые мифы. Горбачев, а вместе с ним КПСС, перестали говорить о борьбе не на жизнь, а на смерть между социализмом и капитализмом. Так, например, в своей книге Горбачев подчеркивает, что марксисты-ленинцы привыкли верить: сама логика империализма неизбежно приводит к вооруженным столкновениям и революциям в капиталистических странах, и потому предсказывали третью мировую войну и поражение капитализма в мировом масштабе. Больше, однако, по словам Горбачева, они этого не делают. Термоядерный фактор превратил такого рода столкновения в слишком опасные для нашей планеты.

На XXVII съезде КПСС мы четко „развели” тему революции и тему войны, исключив в новой редакции Программы нашей партии следующие две фразы: „В случае, если империалистические агрессоры все же осмелятся развязать новую мировую войну, народы не будут больше терпеть строй, ввергающий их в опустошительные войны. Они сметут и похоронят империализм”. Это положение, допускавшее теоретически возможность новой мировой войны, было снято как несоответствующее реальностям ядерной эпохи.*

Более радикальных перемен вряд ли можно требовать...

* М. С. Горбачев, указ. соч. стр. 151

— ... подготовленных аналогичными высказываниями Хрущева и Брежнева...

— Да, но Горбачев говорит о мирном соревновании и о всестороннем глобальном сотрудничестве между двумя системами, и это является главным в его „новом мышлении”. Он даже подчеркивает, что известное изречение Хрущева „мы вас похороним” на самом деле означает не то, что имеет в виду большинство на Западе.

Но Горбачев идет еще дальше. Он говорит нам, что в мире возникла новая угроза и новые проблемы — загрязнение окружающей среды, атомная энергия, вышедшие из под контроля региональные конфликты, голод, задолженность третьего мира, — все эти проблемы невозможно решить без сотрудничества всех стран. Добавьте к этому опасность, связанную с современной техникой, ростом населения, религиозным фанатизмом, особенно в мусульманском мире, и перед вами откроется безбрежное море насущных проблем, которые вряд ли кто-либо мог себе представить 50 лет назад. И уж тем более никто не вносил тогда предложений по поводу их решения.

— Почему бы не созвать международную конференцию типа Синода по характерным для новой эры вопросам и указать на все, что было ошибочным и устарело, поставить все на более реалистическую основу? Мне кажется, что итальянские коммунисты лучше других подготовлены к этому, поскольку они, не будучи правящей партией, обладают свободой, которой лишены партии, стоящие у власти. Судя по вашим высказываниям, итальянским коммунистам, вероятно, не трудно сделать простое и в то же время актуальное заявление: „В конце XX столетия мы больше не являемся тысячелетним движением. Мы больше не проповедуем насилие. Мы не верим, что существуют лишь однозначные ответы на все проблемы мира. Мы не верим в пролетарский интернационализм. Мы не верим в национализацию собственности. Мы не верим, что при капитализме усиливается обнищание рабочего класса; мы — одна из левых демократических партий, защищающих тех, кто не добился благополучия, и выдвигаем гуманную программу для своего народа”. Или что-то в этом роде.

— Созвать международную конференцию очень трудно... Даже Социалистическому Интернационалу, объединяющему множество левых европейских партий, трудно теоретически обосновать и сформулировать выводы, которые были бы приемлемы для всех. Однако Итальянская коммунистическая партия занимается всеми этими вопросами на своих съездах и на различных культурных и теоретических форумах. В частности, мы давно изменили отношение к частной собственности. Мы считаем, что национализация всех средств производства не только не эффективна для создания прогрессивного общества, но ненужна и нежелательна. Мы отвергаем старую модель, рассматривавшую промышленный рост как самоцель. Раньше коммунисты действительно верили, что когда рабочий класс завоеует власть, когда будут обобществлены и переданы в руки государства средства производства, классовая борьба прекратится и исчезнут социальные конфликты. Сегодня эти выводы признаны ошибочными. В СССР и в Восточной Европе существуют антагонистические противоречия, к которым не подходит определение „классовые”. Мы отвергаем и эту теорию. Я мог бы зачитать целый список ошибочных прогнозов и надежд (и он был бы намного длиннее представленного мною выше), и показать вам, что в Западной Европе проводится, по крайней мере, теоретически, полный пересмотр учения.

— Можете ли вы представить себе советских коммунистов, пересматривающих теорию, пусть в совершенно иных обстоятельствах, в которых им приходится работать? Заявления таких людей, как Аганбегян, Шмелев, Заславская и другие показывают, что сегодняшний день, возможно, — канун радикальной перестройки советской коммунистической теории. Да и заявления самого Горбачева заставляют меня думать, что для него перестройка — не просто „латание дыр”, а урок „нового мышления”, которое следует распространить на все болезненные проблемы мира. Со стороны человека, пытающегося спасти „социалистическую” систему от последствий ее собственных безумств, это вопиющее чванство, которое нет необходимости комментировать. Горбачев упорно настаивает на этом, что доказывает уже само название его книги: „Перестройка: Новое мышление для

нашей страны и для всего мира". В докладе на торжественном заседании ЦК КПСС и Верховного совета СССР 2 ноября 1987 г. Горбачев заявил: „Новое мышление с его общечеловеческими критериями, с ориентацией на разум и открытость начало пробыть дорогу в мировых делах". Трудно умереть утопии в коммунистическом мышлении!

— Я не верю, что в СССР созрели условия для выработки новой официальной программы. Еще недавно Горбачев предупреждал партию, что склероз в области теории, который начался 50 лет назад (не в годы Брежнева, а в 30-е годы), препятствует перестройке. Итальянская партия искренне верит, что этот склероз будет вылечен, и мы пристально наблюдаем за тем, как в СССР пересматривается сталинский период. Без этого не может быть реального обновления. Доклад Горбачева на торжествах по случаю 70-й годовщины революции затронул эту проблему лишь частично. Мы же подходим к действиям Горбачева прагматически. В его взглядах все еще имеется ряд неясностей. Мы эмпирически, снова и снова, должны оценивать его предложения. Запад не должен отвергать его инициативы на международной арене как пропагандистский трюк, но не следует и принимать их за чистую монету. На данном этапе, мы, итальянские коммунисты, положительно оцениваем такие факты как освобождение инакомыслящих, либерализацию печати, выражение общественного мнения, поскольку в результате всего этого возникают возможности для последующего давления с требованием более широких реформ. Мы убеждены, что происходящие перемены вызвали движение, которое будет очень трудно остановить.

— *Но вы согласны со мной, что в его выступлениях на встрече руководителей „братских партий" (4 ноября 1987 г.) Горбачев подошел довольно близко к тому, что ранее считалось ересью со стороны итальянской коммунистической партии, и подтвердил необходимость широкой ревизии коммунистической теории, на которой настаивает ваша партия?*

„Так же, как не все положения Маркса и Энгельса могут быть догматически применены к эпохе империализма в начале

XX в., точно также постулаты 50-х и 60-х годов не пригодны для оценки современного мира...

Необходимо по-новому подойти к теоретическому наследию наших предшественников во имя социального освобождения человека...”

Чтобы рассеять сомнения, Горбачев призвал всех „социалистов и социал-демократов” и „всех тех, кто уважает достижения человеческого духа... сотрудничать и соединиться в поисках”.

Такого рода заявления могли бы содержаться и в программе итальянской компартии, не правда ли?

— Да, могли бы. Темпы Горбачева впечатляют, как впечатляет и смелость (по советским меркам) некоторых его высказываний.

— В интервью члена ЦК КПСС Вадима Загладина („Република”, 12 апреля 1986 г.) о некоторых теоретических формулировках, принятых в том же году на съезде ИКП, он сделал несколько замечаний, которые тогда меня насторожили. Так, например, его спросили, что он думает о позиции вашей партии, рассматривающей ИКП как интегральную часть европейских левых, а не как часть международного коммунистического движения. Загладин ответил:

„... это нас не беспокоит. Существует коммунистическое движение, существует Социалистический Интернационал — короче, в Европе имеется левое и вовсе не гомогенное движение. В этом смысле мы, советские, считаем и себя интегральной частью европейской левой”.

Вы согласны с таким определением роли КПСС?

— Абсолютно нет. Это есть злостное навязывание нам позиции советской партии. Загладин присутствовал на нашем съезде во Флоренции в 1986 г., и он должен был осознать, что, определяя ИКП как интегральную часть европейской левой, мы имели в виду — мы сформулировали этот пункт предельно точно — что речь идет о западноевропейской левой, а не левой всей Европы, включающей Центральную и Восточную Европу. Итальянс-

кие коммунисты и социалисты, как и большинство коммунистических и социалистических партий Западной Европы, заинтересованы в хороших отношениях с правящими коммунистическими партиями в Центральной и Восточной Европе. Однако наше отношение к демократии и к гражданским свободам ничего общего не имеет с отношением правящих коммунистических партий в европейских странах советского типа. Существует целый ряд принципиальных исторических и теоретических различий между нашими представлениями об обществе и теми, которых придерживаются коммунистические партии в странах Восточной Европы. Мы, на Западе, определили свою стратегию в обществе свободного предпринимательства и либеральной парламентской демократии. Некоторые из нас, пусть не все, поддерживают НАТО как оборонный щит в разделенной Европе. Другими словами: нельзя игнорировать глубокие различия, отделяющие левые западноевропейские партии от коммунистических партий в Восточной Европе. Природа наших партий другая. Мы отвергаем декларируемую Загладиным причастность КПСС к европейской левой.

— Мне кажется, что слова Загладина можно трактовать иначе. Он как бы говорит: „Если итальянские коммунисты заявляют, что они часть европейской левой, то и мы тоже ее часть. Если же европейские социал-демократы относятся к европейской левой как к партнеру, которому можно доверять и с которым можно сотрудничать, то они должны так же относиться и к нам. Более того, итальянские коммунисты могут расчистить дорогу нашему присоединению к союзу левых как заслуживающего доверия партнера”. По-моему, именно это на самом деле хотел сказать Загладин. Это соответствует призыву Горбачева к более широкому сотрудничеству всех левых сил для осуществления глобальной перестройки и создания своего рода „народного фронта” атомного века.

— Я не думаю, что КПСС нуждается в плацдарме в Западной Европе. У КПСС есть прямые открытые связи со многими социалистическими и социал-демократическими партиями. Мы

не играем никакой роли в организации таких контактов и мы бы даже не согласились быть посредниками в них.

Народный фронт? Не думаю, что об этом идет речь. Советские руководители достаточно реалистичны, и потому сознают, что рабочий класс Западной Европы представляют прежде всего социалистические и социал-демократические партии. Коммунистические партии не имеют существенного влияния. Исключением является только итальянская компартия. Другими словами, нет основного слагаемого народного фронта типа 30-х годов. Коммунисты и социалисты сотрудничают друг с другом. Например, недавно это проявилось во Франции, причем большую выгоду от такого сотрудничества получили социалисты. В Италии? Я не вижу никаких перспектив для создания народного фронта. Наша партия занимает особое положение. Это многочисленная и влиятельная партия, с теоретической и практической программой, существенно отличающейся от программ других коммунистических партий. В зависимости от ситуации, мы можем вступать в блок с социалистами и небольшими прогрессивными партиями, но мы не намерены создавать народный фронт.

— Вы слишком буквально поняли мое замечание о народном фронте. Я имел в виду нечто иное: СССР весьма заинтересован в обострении недоверия между США и Западной Европой. Раскол между ними продолжает быть целью советской политики, независимо от того, кто находится там у власти, — Горбачев или кто-либо другой. Некоторые наиболее активные проводники политики недоверия к США и антиамериканских настроений входят в руководство западноевропейских партий и организаций, которые вы называете прогрессивными, в том числе и в руководство вашей партии. Представители национальных меньшинств, гомосексуалистов, самых различных „автономных“ организаций, „борцов за мир“, внепарламентской оппозиции, некоторых профсоюзов, движения теологии освобождения и т. п. приобрели большое влияние в западных средствах массовой информации. Руководство вашей партии придает большее политическое значение их артикулированному протесту, чем другие политические силы на Западе. Именно поэтому я пришел

к заключению, что советское руководство, может быть, заинтересовано в использовании итальянской коммунистической партии, что, поощряя антиамериканские настроения, итальянские коммунисты приобщатся к обоим лагерям. Для Западной Европы они будут частью западноевропейской левой, и одновременно, будут оставаться „нашими товарищами”, поскольку, в конце концов, они все же коммунисты.

— Если советские коммунисты действительно преследуют такие цели, то можно их заверить, что у них ничего не выйдет. Нами никто не будет пользоваться для достижения собственных целей. У нас свои задачи, свои цели и своя политическая стратегия. Более того, полагаясь на нас, КПСС будет стучаться не в те двери, потому что мы не являемся антиамериканской партией. В серьезнейшей дискуссии накануне съезда ИКП в 1986 г., да и на самом съезде мы совершенно четко определили нашу позицию по этому вопросу: мы понимаем опасения западноевропейского движения за мир; мы знаем, что существует страх перед ядерной конфронтацией на европейском континенте, но мы не всегда отождествляем нашу позицию с позицией участников движения за мир. Во-первых, потому что не являемся сторонниками одностороннего разоружения Италии или Западной Европы. Наоборот. Мы верим в контроль над вооружениями и достижение равновесия в области вооружений. Во-вторых, потому что мы не являемся сторонниками антиамериканской идеологии. Напротив, мы заинтересованы в расширении тесных контактов со всеми демократическими и прогрессивными силами в Америке и, в первую очередь, с прогрессивными силами в Конгрессе США.

Следует, однако, упомянуть еще один факт. Если в начале 80-х годов в Западной Европе проявлялись антиамериканские и антинатовские настроения, то ответственность за это несет нынешняя американская администрация. По ряду важных вопросов — не только в военной области — администрация Рейгана проводила политику, которая вызывала возражения во многих странах Западной Европы. Это была политика высоких процентных ставок, способствовавшая перемещению огромных капиталов из Европы в Америку; выгодного для США курса

доллара; политику раздутого государственного бюджета, дефицита торгового баланса и т. д. Таким образом, именно американская политика стимулировала антиамериканские настроения в Европе.

— Не думаете ли вы, что эти настроения в значительной степени были вызваны смягчением отношения ряда западноевропейских государств, особенно после прихода Горбачева к власти, к советской угрозе и оппозицией к рецидивам консервативной политики президента Рейгана?

— По всей вероятности, в Западной Европе яснее чем в США сознают, что СССР переживает серьезные трудности почти во всех сферах. Советский Союз отстает технически; экономика СССР в чрезвычайно бедственном положении; уровень военных расходов слишком высок; Афганистан — кровоточащая рана, и даже партия занята глубоким самоанализом. Европейцы, находясь ближе к СССР, понимают, как эта страна нуждается в длительной передышке.

— И нам следует предоставить ему такую передышку и помочь тем самым Горбачеву вывести СССР из кризиса даже в том случае, если укрепленная в результате такой передышки советская система станет в будущем еще большей угрозой для нас, нежели нынешняя советская империя?

— „Должны мы помогать Горбачеву или нет” — неверный подход к проблеме. Международные отношения строятся на взаимной выгоде, а не на благотворительности. Договоры между государствами всегда основываются на принципе взаимных уступок. Сокращение расходов на вооружение и уменьшение опасности военного столкновения соответствуют интересам как СССР, так и Запада. Взаимную безопасность можно обеспечить и при наличии меньшего, по сравнению с существующим, арсенала ядерных и обычных вооружений. Кодовое слово в этом вопросе — „достаточность”. Проблема контроля над вооружениями сейчас для европейской левой самая насущная. Мы не сможем выполнить наши политические и моральные обязательства

ва по отношению к недостаточно обеспеченным гражданам наших стран и стран третьего мира до тех пор, пока огромные средства затрачиваются на военные расходы. Поэтому мы так активно поддерживаем идею разоружения и разрядку международных отношений. Вопрос заключается не в том, помогать или не помогать Горбачеву, а в том, чтобы воспользоваться возможностями, которые возникли ныне, для более гуманной и разумной политики.

— Однако оппоненты такой точки зрения тоже выдвигают убедительный аргумент. „Перестройка” и личность Горбачева, говорят они, являются весьма опасной смесью. Если улучшится положение советской экономики, уменьшатся военные расходы, возрастет уровень жизни, укрепится ощущение определенной культурной и личной свободы, это не только не уменьшит советской угрозы, а напротив, усилит ее. Создается впечатление, что происходят фундаментальные перемены в советской системе, а на самом деле она остается все той же неприятной системой, даже если сможет лучше накормить население и укрепить лояльность граждан. Горбачев и его сторонники стремятся не изменить систему, а сделать ее более привлекательной, и тем самым более сильной. Это не в интересах Запада, как не удовлетворил бы Запад отказ нацистской Германии от концентрационных лагерей и замена Гитлера более цивилизованным руководителем. Вас такие соображения не убеждают?

— Недавно на встрече с одним видным американцем я услышал от него совершенно иное мнение. Реформирующийся СССР, полагает он, будет представлять меньшую угрозу, так как в определенный момент перестроенная советская система перестанет быть советской. Что же касается замечания, что реформы придадут большую привлекательность советской системе, — я не думаю, что это произойдет в ближайшем будущем, несмотря на значительные перемены, о которых мы уже говорили. Я хочу предостеречь от подчеркивания различий между „фундаментальными” и „формальными” переменами, так как аккумуляция „формальных” перемен может придать им характер фундаментальных, причем даже небольшие и частичные улучшения в сос-

тоянии изменить жесткую репрессивную систему в такую, в условиях которой людям будет легче жить. В реальном мире такие оттенки очень важны. Частичная свобода информации лучше, нежели полное отсутствие такой свободы. Освобождение нескольких диссидентов лучше, чем если из тюрьмы не выпускают никого. Прекращение глушения некоторых западных радиостанций лучше, чем если бы продолжали глушить их всех. Для рядового жителя СССР жизнь становится менее трудной.

— А вы хотели бы жить в реформированном Горбачевым СССР?

— Нет, для меня и такие условия были бы неприемлемыми. Однако моя исходная точка зрения — плачевное состояние советского общества до Горбачева и надежды жителей СССР, а не итальянских граждан. В этом смысле наблюдается прогресс.

— Ваша партия была, вероятно, первой компартией, признавшей кризисное состояние коммунизма в мировом масштабе. От Китая до Анголы в мире нет ни одного коммунистического правительства, которое не находилось бы в затруднительном положении. Я думаю, что причины таких затруднений можно свести (по крайней мере, в нашей беседе) к двум главным: 1) насилие и принуждение, характерные как для захвата власти, так и для ее утверждения; 2) жесткий догматизм в управлении экономикой. Реформы Дэн Сяопина в Китае, Горбачева в СССР, различные югославские и венгерские попытки отойти от централизации и партийного контроля — все они сразу же ставят под угрозу коммунистическую доктрину. Дело не только в том, что коммунизм строили плохо, а в том, что марксизм и, прежде всего, ленинизм непригодны для человечества в канун XXI столетия. Достоинство Горбачева в том, что он это как будто чувствует, хотя и не решается сказать вслух. Быть может, нынешние трудности — это схватка перед родами новой, жизнеспособной коммунистической альтернативы?

— Руководители нашей партии, критикуя советскую систему, часто заявляли, что вдохновляющая сила октябрьской

революции иссякла. Мышление и практика правящих коммунистических партий стали анахронизмом. Нужен совершенно новый стимул. Китайцы пересмотрели прошлое, и нам кажется, что так поступает и Горбачев. Мы надеемся, что проходящий в СССР процесс необратим, ибо в противоположном случае последствия будут исключительно тяжелыми.

— Я обратил внимание, что в ходе московских переговоров в феврале 1986 г. Алессандро Натта и Джуано Карло Пайета с советскими руководителями возникла оживленная полемика по двум теоретическим вопросам: о замене „пролетарского интернационализма” итальянской концепцией „нового интернационализма” и об „авангардной” роли коммунистических партий в международном рабочем движении. Кажется, что Москва — пусть только на словах — уступила по первому пункту, но мне не совсем ясно, какой была договоренность насчет „авангарда”. В интервью „Унита” (9 февраля 1986 г.) представители КПСС настаивали на том, чтобы коммунистические партии называли себя „авангардом”; а Натта возражал, указывая, что во многих странах это не так.

— „Авангардная роль” коммунистической партии — традиционное понятие в лексике так называемого международного коммунистического движения. Оно означало гегемонию коммунистической партии в движении рабочего класса и предусматривало руководящую роль компартии, утверждавшей, что она вооружена непогрешимой идеологией, которая приведет этот класс к победе. Мы, итальянские коммунисты, все это отвергли. Мы говорим, что наша партия — значимая сила в западноевропейской левой. Конечно, мы соревнуемся с другими левыми партиями и надеемся получить как можно больше голосов избирателей в результате воздействия наших аргументов и нашей деятельности. Но мы сотрудничаем с другими левыми партиями, так как заинтересованы в решении общих проблем. У нас нет абсолютно никакого желания руководить нашими партнерами по западноевропейской левой только потому, что мы, якобы, партия абсолютной правды или исторической необходимости.

– Но если сейчас, когда ветер истории дует не в ваши паруса и вы отказались от пролетарского интернационализма, чем тогда вы отличаетесь от других европейских социалистических партий? Разве существенная доля идеализма и утопия не являются отличительной чертой коммунистической идеологии и секретом ее успеха? Если бы я был молодым, восприимчивым итальянцем, я не голосовал бы за вас только потому, что вы обещаете улучшить здравоохранение и повысить жизненный уровень (этого может добиться и любая другая партия). Но, весьма возможно, я голосовал бы за вас в том случае, если бы вы требовали справедливости, даже если в борьбе за нее может погибнуть мир. Мне кажется, что коммунистическое движение – это либо секулярная религия, либо ничто.

– „Утопия”, возможно, слишком сильное слово, но я согласен, что мы и вообще все левые партии нуждаемся в перспективных идеалистических целях. Эти цели, однако, должны существенно отличаться от тех, которыми руководствовались наши политические родичи и деды. Мы считаем, что существованию человечества угрожает целый спектр опасностей, выходящих за границы государств и идеологий. Решение этих проблем требует глобального планирования и сотрудничества. К таким проблемам относится загрязнение окружающей среды, безответственная эксплуатация невозместимых природных ресурсов, разрыв в жизненном уровне между северным и южным полушарием, проблема потери индивидуальности и личной ответственности в технологическом обществе, проблема сосуществования различных политических систем и религий и т. д.

– Но во всей этой программе нет ничего специфически „коммунистического”. Взгляды католической церкви, например, не очень отличаются от ваших. Однако Горбачев, который в свой доклад по случаю 70-й годовщины Октября включил многое из „новостки дня” итальянской компартии, все-таки утверждал при этом, что решение таких наднациональных проблем ни в коем случае не устраняет соревнования между „социализмом” и „капитализмом”. Если я понял вас правильно, вы такого мнения не придерживаетесь?

— Вы правы, говоря, что наша программа не очень отличается от программ других прогрессивных сил и в чем-то сходится с заявлениями католической церкви. Это лишь значит, что мы действительно пытаемся сотрудничать „с прогрессивными кругами — и секулярными, и религиозными”. Такое сотрудничество — не планы на будущее; оно уже осуществляется в нашей повседневной практике.

— Предположим, что КПСС реформируется в соответствии с итальянскими стандартами. При каких условиях Итальянская коммунистическая партия будет опять видеть в КПСС источник вдохновения и поддержки, как предлагал ведущий просоветский деятель вашей партии Армандо Коссута?

— Что бы Коссута ни говорил, мы ни при каких обстоятельствах не вернемся к временам, когда КПСС считалась образцом и когда связь между нашей партией и КПСС носила особый характер. Даже если реформы Горбачева завершатся успехом, мы сохраним наш идеологический и политический суверенитет. Наши отношения и впредь будут отношениями равных, не ограниченными идеологическими рамками или международными организациями. Для нас КПСС — одна из многих политических партий, с которыми мы поддерживаем дружественные отношения.

— В 70-е годы ваша партия стремилась к „историческому компромиссу” с христианскими демократами, надеясь добиться участия в правительстве. Этого не произошло, потому что кризис христианских демократов никогда не был серьезным, результаты ИКП на выборах никогда не были достаточно внушительными, а репутация вашей партии как независимой силы не внушала доверия, необходимого для того, чтобы „исторический компромисс” стал приемлемой для христианских демократов альтернативой. Смогут ли, по вашему мнению, реформы Горбачева и изменение представлений о советской системе привлечь на вашу сторону больше избирателей хотя бы потому, что ваша партия освободится от наносящего ей ущерб бремени — от репутации долговременного и преданного союзника советской системы?

— Я хочу надеяться, что наша пригодность для участия в управлении страной будет оцениваться на основе нашей программы и наших практических действий, а не по программе и действиям других партий. Советская система стала приближаться к тому, за что мы уже давно выступаем и что проводим на практике, и это не может нам повредить. Однако ИКП — не орудие СССР и не танцует под дудочку КПСС, и мы не хотим, чтобы нас таким образом воспринимали.

ИНАКОМЫСЛИЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

І. НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Прошло три года пребывания Горбачева на посту генерального секретаря ЦК КПСС, и уже очевидно, что реакция руководства стран Восточной Европы на его реформистское кредо весьма различна. А что происходит среди инакомыслящих в Восточной Европе? Изменили ли „перестройка” и „гласность” судьбы и деятельность протестующих, не согласных с властями и противостоящих им?

Инакомыслие в наступлении. Инакомыслие в Восточной Европе в 70-х-начале 80-х годов было преимущественно оборонительным: в Восточной Германии это были протесты против милитаризации жизни; в Польше — против роста цен и репрессий по отношению к рабочим; в Чехословакии — против преследований реформистов прошлых лет и нарушения прав человека вообще; в Венгрии — против свертывания реформ; в Румынии, среди шахтеров — против отмены социального обеспечения; а кроме того, в ГДР и Чехословакии — против размещения ядерных ракет. Режимы, напротив, наступали и яростно отстаивали закрепленные позиции.

Возникновение „Солидарности” в конце 70-х годов было первым принципиально новым явлением наступательного инакомыслия. С той поры, а особенно в связи с горбачевской критикой застоя, картина стала меняться. Похоже, начался период перехода инакомыслия в атаку: диссиденты в Восточной Германии призывают к „гласности”; в Чехословакии — к смене руководства и заслуживающим доверия реформам; в Польше — к

честному диалогу властей с оппозицией и вообще с народом; в Венгрии — к реформам, выходящим за пределы ограничений существующей системы; а в Румынии — к смене режима Чаушеску.

Продолжая защищаться, например, от религиозных гонений в Чехословакии, от тяжести экономических преобразований в Польше и всеобщих экологических бед, восточноевропейские инакомыслящие быстро обучаются конструктивизму и требовательности. Это вынудило коммунистические режимы перейти к обороне и случилось к тому же в то время, когда они должны менять свои программы, что создает особенно напряженное положение. Каковы бы ни были изменения, на которые решатся коммунистические режимы восточноевропейских государств, им приходится одновременно защищать свои догмы, оправдывать свое прошлое и свое нежелание решительных перемен. Требовательные инакомыслящие и защищающиеся правительства — вот особенность обстановки второй половины 80-х годов.

СССР догоняет, наверстывая упущенное. Инакомыслие в Восточной Европе всегда было впереди по сравнению с СССР, где в послевоенное время оно, как правило, отставало. (Это не умаляет мужества советских инакомыслящих и жертв, ими перенесенных, и это не всегда верно в особых случаях.) Если понимать политическое инакомыслие как демократический радикальный реформизм и национальное сознание, а также организованную деятельность в поддержку таких направлений в рамках и за рамками официальных кругов, то пестрое по составу движение инакомыслящих в СССР сделало за три последних года существенный шаг вперед. В частности, в СССР возникла масса диссидентских или „независимых” (неформальных) групп, имеющих свои собственные цели и стремящихся сделать нечто, к чему власти не готовы, чего они не хотят или что они просто игнорируют. Появились группы с самыми разными целями. В восточноевропейских странах нигде, за исключением Польши, нет такого множества групп. Фрагментация инакомыслия в СССР, возможно, сделает эти группы не столь долговечными, как „Солидарность”, „Свобода и мир” (ПНР), „Хартия 77” (ЧССР), евангелические группы в ГДР или более аморфная венгерская демократическая оппозиция. Тем не менее, решающий шаг в

сторону определенности целей и организованности, отличающий инакомыслие от бунта, уже сделан. Ситуация в восточноевропейском блоке более не является столь „перекошенной”, как год или два назад, что открывает дорогу к сотрудничеству инакомыслящих разных стран.

Балтийский фактор.* При Горбачеве инакомыслие резко активизировалось в Латвии, Литве и Эстонии, и выяснилось, как много досоветских национальных черт сохранили балтийские народы. Цели балтийского инакомыслия тесно переплетаются с надеждами диссидентов всех стран Восточной Европы, особенно в отношении переоценки истории, в подходе к национальному наследию, языку и культуре, к роли религии и к экологическим проблемам. Многие в восточноевропейских странах давно считали прибалтийские государства полностью советизированными. Рост инакомыслия в Прибалтике и международное признание, им полученное, изменили этот взгляд. Более близкое знакомство с инакомыслием в Восточной Европе за пределами СССР может быть весьма полезным для эстонцев, латышей и литовцев при решении их проблем.

Смещение акцентов. Невозможно четко очертить стремления, общие для всех диссидентов в Восточной Европе, кроме стремления к демократизации и избавлению от советской зависимости, но можно уловить определенные общие сдвиги.

В настроениях инакомыслящих в конце 70-х годов доминировала защита прав человека. Сейчас упор делается на политические реформы и либерализацию. В Польше оппозиция утверждает, что реформы заводит в тупик отсутствие у правительства политической воли для поисков путей действительного примирения с обществом. Независимые группы в Венгрии добиваются политических изменений, идущих дальше преобразований, которые теперешние руководители хотели бы предпринять для экономических реформ. Чехословацкие диссиденты вновь повторяют, что только после смены противящегося реформам дис-

* США не признают насильственного включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР и рассматривают их как страны Восточной Европы. — Ред.

кредитированного руководства страны можно надеяться на успех горбачевских мероприятий. Восточногерманские инакомыслящие настаивают на „гласности” и демократических составляющих реформ Горбачева, хотя считают, что в ГДР экономическая „перестройка” не стоит на повестке дня. Говорят, что румынские диссиденты шлют в советское посольство письма с призывами к реформам горбачевского стиля в их стране, и что усиливается „инакомыслие в истаблишменте” среди тех, кто все более убеждается, что только конец правления Чаушеску позволит Румынии выйти из кризиса.

Национальный и культурный диссент, всегда очень сильный в большинстве стран Восточной Европы, расширился и усилил свое влияние с протестами против русификации и советизации в прибалтийских республиках. Усилилось давление по заполнению „белых пятен” в истории польско-советских отношений, таких, как Катынская бойня — массовое убийство польских офицеров. Чешские инакомыслящие настаивают на восстановлении связей с докоммунистическим и некоммунистическим культурным наследием страны, обращаясь, например, к идеям первого президента страны Т. Г. Масарика. Не всегда скрытой бывает критика политики Чаушеску в области культуры, исходящая от румынских писателей, которые сопротивляются поползновениям режима управлять их творческим союзом. Союз писателей Венгрии избрал неконформистское правление и не реагировал на давление со стороны партии; и уж, конечно, в тридцатую годовщину революции 1956 г. венгерские диссиденты не устали повторять, что они думают об этой революции. И венгры и румыны борются против преследований венгерского национального меньшинства в Румынии.

Увеличивается внимание диссидентов к вопросам, связанным с окружающей средой, поскольку эти проблемы становятся все острее. К тому же реформистская политика придает более законный статус требованиям охраны окружающей среды. В области экологии появилась некая общая основа у представителей официальных кругов, сознающих важность реформ, и независимых групп по охране окружающей среды. Однако диссиденты рассматривают нарушение среды обитания как политическую проблему или, по меньшей мере, как проблему, имеющую

отношение к политике. Латыши добились успеха — остановили строительство гидроэлектростанции по вызывавшему сомнение проекту. В Эстонии были выступления против расширения шахтной добычи фосфоритов. Независимые польские публикации выявили опасность для окружающей среды государственного плана строительства ядерного центра в Меджижече. Очень деятелен польский экологический клуб, связанный с „Солидарностью”. „Хартия 77” постоянно делает аналитические обзоры угрожающей экологической ситуации, например, в Северной Богемии и в Праге. Болгары протестовали по поводу ядовитых дымов румынского химического завода, которые угрожают болгарской области Витоши. Активисты, работающие под защитой евангелической церкви в ГДР, создали в Восточном Берлине „экологическую библиотеку”, на которую полиция время от времени совершает налеты. Они опубликовали по меньшей мере две самиздатские работы, почти полностью посвященные проблемам окружающей среды. Венгерские экологи („Дунайский круг”) выразили опасения по поводу совместного венгерско-чехословацкого проекта Габчикова-Надьмарош и организовали кампанию протеста против этого строительства и у себя и в соседней Австрии.

Организованность и структуризация. В наиболее общей и наименее организованной форме независимая от политических режимов деятельность начинается обычно со стихийного отказа граждан реагировать на „мобилизационные усилия” партии. Такого рода сопротивление сейчас характерно для всех стран Восточной Европы. Никакие призывы, никакие „моральные” стимулы и социалистическое соревнование больше не действуют.

Следующий по уровню организованности протест имеет форму забастовок, демонстраций, петиций, уклонения от требуемой режимом деятельности и т. д. Эти формы активности тоже усилились. Демонстрации в Прибалтике по поводу годовщины пакта Молотова-Риббентропа (1939 г.), рабочие волнения в Брашове; неучастие населения в референдуме, проведенном польским правительством; обращение шести болгар к венской конференции по проверке выполнения Хельсинкских соглашений с предложением создать комиссию по расследованию нару-

шений прав человека — все это примеры независимых акций на этом уровне.

Повсюду в Восточной Европе для диссента характерна деятельность по размножению независимой („самиздатской“) литературы, хотя численность публикаций и их содержание различаются по странам, как и политические и религиозные взгляды. Независимые группы распространяют заявления на различные темы, трактаты о государстве и обществе, призывы к коллективным действиям и политические программы. Похоже, что реформистская кампания в СССР не утихомирила шторм инакомыслия. Изменения, которые восточноевропейские режимы готовы предложить, по всей видимости, не удовлетворяют диссидентов, инакомыслие которых состоит именно в стремлении к более решительным и далеко идущим реформам.

II. ДИССЕНТ НА УЛИЦАХ

События, долгое время характерные лишь для Польши, теперь грозят захлестнуть весь восточноевропейский блок. Диссидент вышел на улицу от Кавказа до Праги, от Таллина до Русе. По сравнению с ранними этапами реформ в СССР и восточноевропейских странах, сейчас больше людей готовы защищать свои права, и с ними приходится считаться, когда они выдвигают свои требования или настаивают на более широких изменениях. Демонстрации быстро стали частью процесса реформ.

Демонстранты часто привлекают внимание к проблемам, не входящим в официальные программы реформ или лишь намеченным там. Рабочим и управляющим еще приходится выходить на улицы с требованиями ускорения изменений в экономической системе; бюрократы еще оттягивают реорганизацию правительственных учреждений; партийные работники все еще должны обращаться вверх с требованием смещения местных руководителей, не желающих усваивать реформистское мышление.

Причинами волнений и беспорядков являются: историческая и национальная несправедливость; политические и идеологические ограничения; нищенский уровень жизни; плохое хозяйст-

зование во многих областях, например, в области защиты окружающей среды. Демонстрации являются реакцией на неумелое управление и своего рода результатом политики реформ и гласности в том смысле, что они стали возможными в этих условиях, и потому они не направлены против горбачевских реформ.

Историческая и национальная несправедливость. Демонстрации, вызванные исторической и национальной несправедливостью, наиболее характерны для СССР. Можно выделить пять порождающих их причин: недовольство советским правлением и, в частности, русификацией — в Латвии, Литве и Эстонии; несправедливость, совершенная при Сталине, — в случае крымских татар; это же послужило причиной недавней демонстрации в Москве в память жертв сталинизма с требованием воздвигнуть им памятник; сопротивление местных властей вмешательству Москвы — в Алме-Ате; конфликты между нациями, например, конфликт между армянами и азербайджанцами; проявление идеологии русского национализма — демонстрации группы „Память” в 1987 г. Призывы к властям с требованием расширить еврейскую эмиграцию тоже относятся к категории волнений, вызванных исторической и национальной несправедливостью.

Прежде в Восточной Европе не было демонстраций по этим поводам. Однако напряжение в связи с положением венгерского меньшинства в Румынии может легко стать основанием для таких демонстраций — в Будапеште на собрании в театре 6 марта 1988 г. 700 человек выразили недовольство отношением режима Чаушеску к венгерскому меньшинству. Тем не менее, в связи с национальными претензиями народов Восточной Европы, а именно по поводу вовлечения их стран в советскую орбиту, никаких сдвигов к лучшему при Горбачеве покамест не произошло.

Политические и идеологические ограничения. По демонстрациям такого рода лидируют Польша, ГДР и Чехословакия. Дух независимости, порожденный профсоюзом „Солидарность”, ощущается почти на каждом неофициальном собрании в Польше. Церковные организации часто выступают с откровенной демонстрацией неприязни к режиму и системе. 8 марта 1988 г. состоялась студенческая демонстрация в память о репрессиях 1968 г. и с требованием восстановления независимого союза студентов.

Во время этой демонстрации произошла стычка с полицией. Артисты организовали сатирические представления на улицах Вроцлава и в других городах. Всегда были многолюдные религиозные паломничества в Польше. Теперь такие паломничества стали столь же характерными для Словакии, что причиняет чехословацким властям серьезные заботы, тем более что более 300 тыс. человек подписали петицию с требованием религиозных свобод, а в марте произошла религиозная демонстрация (хотя и небольшая) перед архиепископским дворцом в Праге. Каждый год 8 февраля молодежь Праги проводит ночные гуляния в память Джона Леннона; 10 декабря 1987 г. на Старогородской площади в Праге была проведена не разрешенная властями правозащитная демонстрация, в которой приняло участие несколько тысяч человек. Полиция неоднократно прерывала запрещенные концерты поп-музыки, собрания, проводимые „Хартией 77” и неофициальными молодежными группами. Произошло несколько демонстраций в ГДР (с января по март 1988 г.), начиная с попытки группы диссидентов присоединиться к официальному шествию под собственными лозунгами. Демонстрации в ГДР проходят, главным образом, под лозунгами соблюдения прав человека и защиты окружающей среды (эти требования поддерживает евангелическая церковь), а также с требованиями разрешения на эмиграцию в ФРГ.

Экономические нужды и экологические проблемы. Демонстрации протеста против повышения цен начались в Польше в 70-е годы; эра „Солидарности” и сегодня вдохновляет рабочий класс. В феврале 1988 г. угроза забастовки или демонстрации вынудила к уступкам руководителей предприятий, согласившихся обеспечить более высокую заработную плату, чем обещало правительство, для компенсации повышения цен. В Польше имели место и небольшие демонстрации против строительства атомных электростанций. В Югославии уже долгое время ежегодно происходят тысячи забастовок по поводу заработной платы. Беспорядки в Брашове осенью 1987 г. присоединили Румынию к странам, где демонстрации — одна из форм протеста. В последнее время население Русе в Болгарии трижды выходило на улицы, протестуя против утечки ядовитых газов с румынского химического завода в Джурджу, вблизи от границы. Озабочен-

ность экологическими проблемами вызвала петиции и демонстрации в СССР.

Проблемы режимов, порождаемые демонстрациями. Демократические правительства для прекращения уличных демонстраций обычно ищут средний путь между их откровенным подавлением и опасной вседозволенностью. Коммунистические режимы до сих пор действовали, исходя из того, что независимые демонстрации плохи по определению — они должны либо контролироваться и направляться правительством, либо быть им подавленными. Если, как говорит Горбачев, коммунистические правительства теперь преследуют не только экономические цели, но и намерены осуществить демократизацию, они должны научиться мириться с уличными демонстрациями. Это вынуждает разработать правила игры. На Западе эти правила основываются на том, что полиция не должна мешать мирным, не противозаконным демонстрациям, и почти нет исключений из этого правила, разве только если демонстранты нарушают уличное движение или ведут себя непристойно.

Коммунистическим режимам нелегко найти баланс между чрезмерной мягкостью и откровенной жестокостью. Очевидно, что в массах уже накопилось недовольство на основании многих недостатков прошлого. К тому же властям присуще чувство, что демонстрировать против коммунистического правительства — безумство. Как представить уличные демонстрации безобидным времяпрепровождением, не опасным для режима, и показать его „демократичность“, когда под ним — горы прошлых и нынешних несправедливостей.?

Возможно, полицейские разгоны демонстраций в последнее время в разных странах (студенческая демонстрация в Польше, демонстрация правозащитников и религиозных активистов в Чехословакии, собрание правозащитников перед демонстрацией 15 марта в годовщину революции в Венгрии, демонстрации в ГДР граждан, добивающихся разрешения на эмиграцию) имеют общую причину: страх, что уступка демонстрантам может привести к событиям, подобным тем, что произошли в Армении. К тому же в руководстве возможны разногласия по поводу верной меры терпимости и нетерпимости, и поэтому отношение к демонстрантам может меняться время от времени в зависимости от того, кто в данный момент держит бразды правления. Режимы

всех восточноевропейских стран годами создавали мощные и многочисленные полицейские силы, которые не распущены и в период перестройки. Части этого аппарата сыска, устрашения и подавления могут какое-то время бездействовать; но их влияние за кулисами принятия политических решений вряд ли прекратилось. Кроме того, секретная полиция стран восточноевропейского блока действует совместно, и КГБ, несомненно, держит в руках многие нити. Вполне возможно, что подход правительств этих стран к уличным демонстрациям был сформулирован центром. Наконец, многие упрямые восточноевропейские лидеры еще не уверены, приживется ли горбачевская политика в СССР; если в будущем понадобится закручивать гайки, то не лучше ли не ослаблять их слишком сейчас.

Итак, даже если коммунистические правительства некоторых стран хотели бы определить свою политику относительно уличных демонстраций в соответствии с политикой демократизации, это до определенного времени будет наталкиваться на множество серьезных препятствий. Однако демонстрации заразительны, что видно на опыте Запада. Их труднее удерживать в рамках сотрудничества с участниками демонстраций, чем другие формы проявления инакомыслия. Поэтому нынешнее состязание воли правителей и управляемых, вероятно, будет идти с переменным успехом.

СМЫСЛ РЕФОРМ ГОРБАЧЕВА

Введение. Советский режим улучшился. Улучшение состоит в том, что появились (хотя и маленькие) обратные связи, позволяющие людям хотя небыстро и немного, но улучшать режим в дальнейшем. Это, конечно, еще не демократия. Демократия — это общество, обладающее постоянной способностью к быстрому самоулучшению (путем взаимных компромиссов) под влиянием мирного, но свободного противоборства всех заинтересованных общественных сил. До такой демократии в СССР еще страшно далеко; но нельзя отрицать, что возможности для появления и развития общественных сил несколько возросли.

И советское общество и Запад кровно заинтересованы в дальнейших улучшениях в СССР. Однако без давления процесс улучшений может не только затормозиться, но пойти вспять. Чтобы оказывать влияние в нужном направлении, нужно понять, что происходит в этой стране. Ниже я даю свою интерпретацию происходящего. Но я высказывал эти же самые соображения и в то время, когда многие были уверены, например, что Горбачев является случайной флуктуацией, высчитывали, сколько времени еще он продержится, и предлагали даже не критиковать его, чтобы не ослабить его и без того, якобы, слабых позиций.

Другие рассчитывали (исходя, скорее, из своих желаний), что Горбачев пойдет очень далеко в своих реформах, надо только подождать и, опять же, не мешать ему. Мало кто понимал,

почему в СССР вдруг довольно круто поменяли политику, как реагировать на эти изменения.

1. Основные причины и цели реформ в СССР

Я считаю невероятным, чтобы в обозримом будущем руководящее ядро КПСС отказалось от основной стратегической цели: распространение коммунистического влияния и особенно влияния КПСС на весь мир. (Будет справедливым отметить, что многие народы мира переболели, а другие, вероятно, еще будут болеть аналогичными болезнями.) Необычность ситуации состоит не в отказе от стратегической цели, а в том, что, судя по всему, значительная часть советского руководства поняла: геополитические цели недостижимы при сохранении советской модели социализма в существующей форме.

Очевидно, было принято решение на высоком уровне — улучшить модель, приложить экстраординарные усилия для улучшения советского образа за рубежом, срочно изыскать и сконцентрировать ресурсы для вытаскивания страны из кризисной ситуации. И почти очевидно, что М. С. Горбачев не только взял на себя, но ему было и поручено выполнение этого решения.

Подчеркну еще раз: кризисная ситуация не понимается советским руководством как чисто внутренняя проблема. Кризис осознан как *кризис по сравнению с неуклонно развивающимся Западом*, ставящий под угрозу все амбиционные планы КПСС. Это и подвигнуло советских руководителей на душевно трудное и с их точки зрения даже „революционное” решение. Политический скачок в СССР не есть результат безумного решения одного человека.

Из этого следует и это объясняет необычно сильную (в такой ситуации) позицию Горбачева внутри советского руководства. Горбачев получил большие полномочия и большую личную власть для проведения в жизнь решения, принятого всей верхушкой, безусловно включая верхушку КГБ. Не следует принимать всерьез словесные противоречия между Горбачевым и руководством КГБ или, скажем, между Горбачевым и Лигачевым. Для сохранения своей исключительной власти КПСС нуждается

и в тайной полиции и в идеологической охране. Чины КГБ, между прочим, неоднократно заявляли, что именно им поручена „перестройка”. В этом есть доля правды.

Нет сомнения, партийное руководство понимает глубокую противоречивость задачи. С одной стороны, без перестройки невозможно продолжать борьбу за гегемонию. С другой стороны, существенное изменение советской модели в сторону демократий западного образца лишит ее оригинальности; в результате борьба за гегемонию потеряет свое психологическое оправдание и политическое прикрытие — лозунг борьбы за общество нового типа, против империализма Запада. А такие изменения, как переход к существенно неопартийной системе и/или допущение реально независимых от партии профсоюзов, в корне противоречат идее гегемонии КПСС.

Эти соображения определяют, более или менее точно, и пределы советских „реформ сверху” и ту важную неопределенную область, где можно вести тяжелую, но не безуспешную борьбу за „демократизацию под давлением”. Возможны предсказания. Например: не может ли их чисто партийная цель трансформироваться в чисто „русско-национальную” цель? Ответ: нет, так как в этом случае КПСС потеряла бы свои интернациональные идеологические лозунги, необходимые ей в борьбе за мировую гегемонию.

Конкретные причины реформ

Растущий (а не сокращающийся) технологический разрыв по отношению к Западу.

Упорная экономическая стагнация.

Хроническая неразрешимость проблемы пищевых ресурсов.

Чудовищно растущая коррупция и пьянство.

Некомпетентность и безответственность.

Эти проблемы десятилетиями лежали на поверхности и нужно было иметь особо устроенные мозги, глаза и уши КПСС и КГБ, чтобы не понимать, не видеть и не слышать того, что происходило в стране.

Падающий, а не растущий (до начала „перестройки”) престиж КПСС и СССР в мире.

Не падающий, а растущий престиж диссидентов-критиков среди части советской интеллигенции.

Постепенное идеологическое самоосвобождение интеллигенции.

Поддержка репрессированных советских диссидентов частью интеллектуалов Запада.

Упорная нелюбовь Восточной Европы к советской модели социализма.

Героическое сопротивление польских рабочих.

Неожиданное для советских лидеров упорное вооруженное сопротивление афганского народа.

К этому надо добавить невозможность в современных условиях прервать растущий поток фактической информации: изнутри страны на Запад — об истинном характере советского режима, о нарушениях прав человека; и извне в Советский Союз — об истинном уровне и качестве жизни большинства людей на Западе по сравнению с советским уровнем и качеством жизни.

Вот конкретные причины реформ. Это — призраки поражения на всем фронте борьбы „За победу коммунизма во всем мире”; не понимать этого можно было долго, но не вечно.

Союзники и противники Горбачева, союзники и противники реформ.

Одним из противников действительно радикальных реформ („ультраперестройки” по определению Горбачева) является прежде всего сам М. С. Горбачев — в силу тех естественных ограничений, которые я описал выше. Горбачев — не защитник прав и не поборник мира по существу. Он — выдающийся политик, который войдет в историю как реформатор, реализовавший (небольшую) часть идей, давно сформулированных диссидентами. Но он лидер прежде всего правящей коммунистической партии, имеющий в виду исключительные интересы и глобальные цели этой партии. Кто „за него”?

КГБ, без сомнения, поддерживает борьбу с коррумпированными и некомпетентными бюрократами. Такую борьбу вели еще Сталин и Мао; новое здесь в том, что отчаявшееся советское руководство решило, наконец, прибегнуть, хотя бы частично, к некоммунистическим, западным методам борьбы с этим явлением. И это большой шаг вперед.

КГБ поддерживает, разумеется, борьбу за трудовую дисциплину и качественную работу — это тоже делал еще товарищ Сталин (посылая рабочих в концлагеря за двадцатиминутные опоздания на работу). Новое здесь в том, что, отчаявшись, власти частично согласились на такое западное средство давления на работника, как угроза безработицы. Это очень большой шаг, из которого логически следует необходимость создания независимых рабочих организаций (для защиты от произвола); однако на это КГБ и КПСС никогда добровольно не пойдут.

КГБ может поддерживать некоторые экономические новшества. Но так как „социализм держится на наших (КГБ) плечах” и „нам (КГБ) поручена перестройка”, то *именно КГБ постарается не допустить действительной перестройки системы, ее соскальзывания в „демократический социализм”* (кстати, еще не опробованный в мировой социальной практике. И это скорее хорошо: в принципе, в далеком будущем, советские лидеры могли бы отказаться от идеи однопартийной гегемонии и взять более эффективный „демосоциализм” в качестве „оригинальной” советской стратегической идеи).

Власти, например, не планируют пока даже возврата к системе НЭПа, введенной В. И. Лениным в начале 20-х годов и допускающей частную собственность и эксплуатацию в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания и в некрупной промышленности.

В политической сфере следует ожидать, что КПСС и КГБ будут преследовать тех, кто попытается сформировать новые политические партии, даже если это будут коммунистические партии, или независимые от КПСС профсоюзы. Между тем ясно, что однопартийная система автоматически порождала, порождает и будет порождать все более и более изошренную в своей импотентности партийную бюрократию. В долговременном

плане успешная борьба против бюрократизации в однопартийной системе принципиально невозможна.

Военные круги, говоря теоретически, должны поддерживать изменения, которые (в их максимальном варианте) могли бы обеспечить и высокий технический уровень армии и такую инфраструктуру страны, на которую можно рассчитывать, как на резерв, в случае внезапного ядерного конфликта. Такого резерва фактически нет в настоящее время; технологические и даже пищевые ресурсы малы с точки зрения ядерной войны. Я думаю, что часть военного руководства понимает это и способна к поддержке таких экономических реформ, которые пошли бы дальше того, что предлагает Горбачев. Но почти невероятно, чтобы они могли поддержать действительную политическую демократизацию, которой не хочет и сам Горбачев. Такая позиция противоречива, но отказаться от глобальных стратегических целей, для осуществления которых диктатура партии подходит лучше, чем демократия, военные круги едва ли захотят. (Я не сомневаюсь, что военно-промышленный комплекс стоит за мировую гегемонию СССР.)

Интеллектуалы кровно заинтересованы в свободе творчества и дискуссий, это есть условие их существования. Они частично получили это, и если бы не опасение, что весь (сохраняющийся в неприкосновенности) аппарат КГБ в один прекрасный день обрушится на любителей дискуссий, они откинули бы сомнения и скептицизм, законно существующие в настоящее время.

Косная часть бюрократии реформы не поддерживает. Но она не имеет политической силы, ее оружие — импотентность, создание вязкости. Она опасна, конечно, для реформ, — но не для Горбачева лично, которого она всегда будет превозносить, как превозносила всех предыдущих диктаторов.

Рабочие, а также нерусские нации, не получили от перестройки ничего, и здесь содержится элемент действительной опасности для коммунистической системы, как ее мыслит Горбачев. Интересы и тех и других приносятся и будут приноситься в жертву стратегическим целям КПСС.

Между тем ясно, если говорить о нерусских нациях (о — „национальных меньшинствах”, среди которых, например,

сорокамиллионная Украина), что в современном мире централизованные многонациональные, политические империи экономически невыгодны.

Социальный смысл реформ

Реформы не имеют в виду улучшение жизни советского народа в качестве прямой цели. Народ не бунтует — этого достаточно для руководства страны, чтобы заниматься чисто стратегическими проблемами. Это было понятно с самого начала; эпизод с отстранением Ельцина, критиковавшего, в частности, этот аспект „перестройки”, был только дополнительным указанием на то, чего *не было* запланировано руководством КПСС в решении о „перестройке”.

Социальный смысл реформ Горбачева состоит в том, что (для остановки загнивания) получают некоторую ограниченную свободу деятельности непосредственные руководители материального производства, вместе с соответствующим культурным окружением. Сильно ускорился давно начавшийся в СССР переход от власти чисто партийной бюрократии к власти партийной и около-партийной *технократии*. В условиях однопартийной системы это скорее „бюротехнократия”.

Рабочие получили еще один тур более жестких требований без той компенсации, которую имеют (в результате вековой борьбы) рабочие Запада: без легальной возможности постоянной борьбы за улучшение своих условий.

С более теоретической точки зрения в СССР происходит переход от общества без частной собственности и без частной инициативы к обществу без частной собственности, но с частной инициативой („право хозяйствования без права собственности” по китайской терминологии). Мечта руководства — стимулирование частных инициатив при одновременном довольно жестком отказе от возврата к частной собственности. Только дальнейшие неудачи, смогут, может быть, изменить их подход.

Общая оценка реальной ситуации. Где возможна „демократизация под давлением”?

Проведенные ограниченные экономические реформы еще

не дали ожидаемого руководством результата и в их существующем виде такого результата дать не могут. Например, представляется очевидным, что проблема пищевых ресурсов в советских условиях не может быть решена без *полного* отказа от колхозной структуры. Сходная структура (общины) стала неэффективной в России и на Украине сто лет назад. Неэффективность советского сельского хозяйства по сравнению с западным вообще потрясает. Но КПСС не планирует перехода к современному фермерскому (в сущности, безкрестьянскому) способу производства. Тут не только идеологические и стратегические трудности. Реальная проблема состоит, например, в том, что переход к фермерской системе потребовал бы перестройки агротехнической промышленности. Но все-таки главное — потребовалось бы резко расширить сферу свободного рынка. Этому последнего КПСС боялась и боится.

Аналогичны трудности в индустрии. Половинчатые меры приводят к внутренней нелогичности структуры и некоторому беспорядку в управлении. Конкретный руководитель производства все еще не является хозяином процесса производства. В современной крупной индустрии, в исторически сложившихся советских условиях, квалифицированный руководитель в подавляющем большинстве вовсе не стремится быть частным собственником (не хотят этого и рабочие); он хочет только, чтобы у него были развязаны руки, как у хозяина производства. Однако, чтобы он стал полномочным хозяином производства, нужно не только почти полностью отказаться от партийного контроля в хозяйственной сфере, в частности, во внешнеэкономических связях, не только согласиться на почти рыночную экономику, но и, во избежание беспорядков, обезопасить рабочих от произвола менеджеров, т. е. дать свободу профсоюзам. Все это для КПСС—КГБ пока немыслимо. С точки зрения глобальных целей КПСС все теряет смысл, если она лишается контроля в ключевых областях и если она не обладает своей собственной, не заимствованной у Запада, идеей социальной структуры. Поэтому в ближайшем будущем не следует ожидать от Горбачева действительно революционных мер в этой сфере.

Тем не менее, продолжение неудач в соревновании с Западом может заставить советских лидеров „отступать с боями”;

переопределяя понятие социализма на каждом шаге отступления. Каждый раз будет возникать некая область, где советские независимые борцы за реальные, а не бумажные социальные и другие права могли бы подталкивать события.

Где сегодня лежит такая область?

Во-первых, положение трудящихся — правовое, экономическое, социальное. В СССР люди в целом живут значительно хуже, чем на Западе. Так называемые социалистические клубы — довольно массовые политико-дискуссионные группы, возникшие на волне „гласности”, очевидно, втянутся в эту проблему. К сожалению, Социалистический Интернационал реально не интересуется неофициальным социалистическим движением в Советском Союзе; но, возможно, в будущем ситуация изменится.

Во-вторых, борьба за мир — сегодня за мир в Афганистане, т. е. за безусловный вывод советских войск с несветской территории; за вывод советских войск из Восточной Европы, которой, помимо советских войск, никто там не угрожает; за свободное общение — не избранных властями людей, а миллионов граждан СССР и Запада друг с другом; за открытость в сфере военных акций правительства, в частности, за возможность информации о ядерных базах, ракетах, подводных лодках и т. п. (т. е. такой информации, какой, в основном, обладают люди на Западе). „Новое мышление” властей в этой сфере мало пока отличается от прежнего полицейского мышления. Прогресс, однако, не исключен. Например, переход к более открытым границам возможен уже потому, что изоляционизм противоречит идее мировой гегемонии. К сожалению, западные интеллектуалы — независимые борцы за мир и безопасность, число которых огромно, мало интересуются советскими независимыми борцами за мир и безопасность, фактически принимая советскую официальную позицию, которая гласит: на Западе за мир реально борется общественность, в СССР — люди, поставленные на эту работу властью.

Третья область борьбы — права человека в более узком смысле. Это, в частности, защита тех людей, которые так или иначе преследуются за борьбу в первых двух областях. Советские диссиденты имеют огромный опыт общественной

деятельности этого рода, причем, опыт в труднейших советских условиях. В частности, можно ожидать (переменного) успеха в борьбе за освобождение всех политических заключенных и за полную ликвидацию соответствующих политических статей уголовного кодекса. Пока существуют политические заключенные, нельзя говорить о сколько-нибудь устойчивой либерализации. Всеобщая политическая амнистия как политическая акция, а тем более реабилитация политзаключенных Горбачевым не проводились; политические концлагеря сохраняются; деятельность независимых от КПСС правозащитных (и пацифистских) организаций по-прежнему наталкивается на административное давление, угрозы, избиения, задерживания, увольнения с работы и т. д., т. е. требует особой самоотверженности.

Вообще, *все обратимо, пока существует КГБ. Горбачев будет, конечно, сохранять эту репрессивную антинародную организацию.* В этом смысле, к сожалению, нельзя говорить об устойчивости реформ.

Важный фактор, однако, вселяющий большие надежды на *глубинную* необратимость, — это общественная активность все большего числа граждан, постепенно втягивающихся в критику, в полу- или хотя бы в чуть-чуть независимые организации, их желание критиковать дальше разрешенных партией пределов. При любом способе оценок это есть новый этап в развитии общества. И при любом способе оценок нельзя забывать, что эта активность разбужена не только предыдущей борьбой и жертвами диссидентов, но и *гласностью* Горбачева, как ограничена ни была эта „гласность”.

Права человека в СССР и международная безопасность

Существует *прямая* связь между правами человека в СССР и международной безопасностью. Это обусловлено, конечно, тем, что СССР является сверхдержавой, ставящей перед собой радикальные геополитические цели. Если бы это была цивилизованная, гуманная, демократическая страна, то такие цели не были бы столь опасны; кроме того, гуманизация приводит в конце концов к пониманию идиотичности идеи мирового господства.

Советское руководство прилагает сейчас колоссальные усилия с целью создать образ „нового, гуманного” Советского Союза. Но нельзя забывать, что дезинформация и односторонняя пропаганда всегда являлись наиболее сильной стороной КПСС и КГБ. До реального гуманизма, к сожалению, очень далеко. Достаточно вспомнить:

Условия содержания заключенных, и уголовных и политических (причем подавляющее большинство советских политических заключенных не являются ни политическими, ни, конечно, уголовными, с точки зрения цивилизованного общества: это правозащитники или верующие активисты).

Смертные казни. Они отменены в большинстве западных стран, но — частое явление в СССР.

Многочисленные уголовные лагеря — школы жестокости для миллионов рабочих юношей.

Чудовищную жестокость войны в Афганистане.

Противоречащее основному праву человека — праву духовного общения со своими детьми — отношение режима к религиозному воспитанию детей в религиозных семьях.

Дискриминацию ряда нерусских наций.

Средневековое отношение к тем, кто не хотел бы жить в этой стране.

Но есть и другая сторона. СССР отнюдь не общество, не имеющее истории, культуры и гуманистических традиций. Нельзя забывать, что даже и русская революция, пошедшая обычными для революций кривыми кровавыми путями, была для многих интеллигентов (ошибочной, но) реализацией их сочувствия к народу.

Не только русский — многие народы проходили через ошибки и моральные провалы. В США освободили рабов не раньше, чем крепостных в России, а расовая дискриминация продолжалась значительно дольше. Континентальная Европа не в столь далеком прошлом проходила через фашизм, нацизм, чудовищный антисемитизм, сотрудничество с нацистами. Давно ли распались колониальные европейские империи? Не существует безукоризненных или безнадежных народов. Гуманизация советского общества может быть достигнута в обозримые сроки под влиянием непрерывной, поддерживаемой

международным давлением, внутренней и международной критики. Международное сообщество и сам русский народ нуждаются в этом.

Существуют и более прямые связи между правами человека в СССР и международной безопасностью.

Закрытые границы и продолжающийся контроль КГБ над общением рядовых советских граждан с гражданами других стран в сильнейшей степени мешают возникновению истинного, пронизанного миллионами личных контактов, доверия между народами. Борьба за открытые границы — это проблема взаимного доверия, и, значит, взаимной безопасности.

Громадная секретность в сфере принятия важнейших стратегических решений не позволяет гражданам СССР не только влиять на них, но даже и знать о них. Гласность, как я отмечал выше, практически не коснулась этой сферы. (В США в этой области положение далеко от идеала, но несравнимо лучше, чем в СССР.) Можно ли утверждать в такой ситуации, что, выйдя из кризиса, СССР не начнет, без всяких внутренних препятствий, новые агрессивные акции, какими были интервенция в Афганистан, размещение в Европе оружия, превосходящего все пределы необходимой обороны, и пр.? Мир кровно заинтересован в гласности в СССР, но не только в горбачевском, а в ее действительно современном смысле.

Наконец, только демократизация советской экономики (в западном смысле) позволила бы Советскому Союзу вращаться в такие тесные экономические связи с западными странами, которые возникли на Западе после второй мировой войны, и которые практически исключают сегодня возникновение войн между западными странами. Это значит, что не только советские люди, но весь мир заинтересован в более радикальных экономических реформах в СССР.

Проблема разоружения и демократизация

Разоружение и демократизация — это две, если можно так сказать, независимые переменные международной безопасности, тесно связанные между собой.

Необходимо трезвое понимание всей сложности того, что

происходит. Согласие СССР и США на частичное, но сбалансированное ядерное разоружение, чем бы оно ни было продиктовано, без всякого сомнения, делает мир более безопасным. При этом хорошо видно, что один из ключевых моментов — инспекция на местах — стал разрешим именно и только в результате перехода к более открытому обществу в СССР. Это наглядный пример прямой связи между безопасностью и демократизацией, даже в таком ее ограниченном виде.

Но нельзя забывать основного мотива СССР — без резкого сокращения военных расходов СССР не сможет быстро выйти из кризиса. Мир заинтересован, чтобы СССР вышел из этого кризиса *намного более либеральным*; в противном случае СССР будет опять готов к броску к намеченной цели, от которой КПСС отнюдь не отказалась.

Нужно развивать демократические движения в СССР. Нужно всеми силами помогать им.

30 января 1988

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Рой Медведев

ОБОСТРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Вот уже больше года и советская и западная печать говорят об обострении национальных проблем в Советском Союзе и о возможном влиянии национальных и националистических движений на судьбу демократических реформ и перестройки в нашей стране. Беспорядки в Казахстане в декабре 1986 года, демонстрации крымских татар в Москве, в Узбекистане, манифестации 1987—1988 гг. в Прибалтике, активизация русского „патриотического“ объединения „Память“ и резкая полемика в печати вокруг деятельности этого объединения, создание немало числа других националистических неформальных групп типа „Золотая Орда“ или „Новый ислам“, отдельные инциденты в Якутии и в республиках Средней Азии, продолжающаяся эмиграция из СССР евреев и немцев, — все это еще несколько месяцев назад привело политическое руководство СССР к решению о необходимости провести Пленум ЦК КПСС, посвященный специально национальным проблемам в Советском Союзе и создать в рамках Академии Наук научно-исследовательский центр по изучению и прогнозированию национальных процессов и проблем в СССР. Однако никогда еще в послевоенные годы национальные конфликты в нашей стране не обретали такой формы и остроты, как это произошло в феврале-марте 1988 года в Закавказье вокруг проблемы Нагорного Карабаха, небольшой по нашим масштабам автономной области, населенной по преимуществу армянами, но входящей в состав Азербайджанской ССР.

Очевидна связь перечисленных выше событий и начатой в нашей стране перестройки, хотя, конечно, различного рода национальные конфликты и движения возникали и в эпоху „застоя”, и в беспокойные годы хрущевских реорганизаций и перемен, а тем более во времена культа Сталина. Нельзя все же отрицать, что только гласность и демократизация позволяют лучше выразить и лучше понять многие из национальных проблем, которые накопились у нас в стране за последние десятилетия. Очевидная для всех либерализация режима и ослабление давившего общество мощного авторитарно-бюрократического пресса открывает и не всегда чистые источники накопившегося на местах недовольства, вызывая к жизни или обостряя разногласия и споры, которые существовали и раньше, но казались не особенно существенными при повсеместно царившей социальной несправедливости и коррумпированном руководстве. В одних случаях именно доверие к новому руководству вызывает активность многих национальных групп, которые справедливо или даже не всегда справедливо считают себя ущемленными с точки зрения национальных прав. С другой стороны, морально разложившиеся и мафиозные группы из руководства отдельных республик пытаются защитить свои привилегии и власть, выдавая именно потерю этого влияния и власти за национальное притеснение. Очевидно и то, что, призывая население страны к активности в борьбе за демократию и к ответственному участию в решении общественных и политических проблем, М. Горбачев невольно поощряет советских людей и к такой активности, которую в последние недели проявили сотни тысяч армян, проводя демонстрации и кратковременные забастовки в Ереване и требуя справедливого решения проблемы Нагорного Карабаха.

Проблема Нагорно-Карабахской автономной области — не главная из наших национальных проблем. Но это не простая проблема, истоки и история которой уходят вглубь веков. Земли Нагорного Карабаха стали заселяться армянами еще в I-ом веке новой эры, когда начало приходить в упадок одно из древнейших государств Восточного Закавказья — Кавказская Албания, и значительные территории этого государства от озера Севан до Каспийского моря были завоеваны Великой Арменией. За 300 лет армяне заселили весь район Карабаха, и их националь-

ное, культурное и религиозное влияние оставалось преобладающим, несмотря на то, что после IV века области Нагорного Карабаха много раз переходили из рук в руки, сначала опять к Албании, потом к Персии, потом к Арабскому халифату и Хазарскому каганату. Около тысячи лет Нагорный Карабах подвергался опустошительным набегам монголов, турков, туркменов и лишь к XVII веку был завоеван Персией. Однако Турция продолжала претендовать на земли этого небольшого персидского владения, и войны за Карабах между Персией и Турцией продолжались до конца XVIII века. Менялись ханы и беки, однако крестьянское население края по-прежнему состояло в основном из армян и относительно небольшого числа грузин и азербайджанцев. В религиозной жизни области господствовало григорианство, хотя попытки насадить здесь мусульманство были продолжительными, настойчивыми и не всегда безуспешными. От церкви исходило тогда и стремление установить связи с Россией, еще в 1701 году к Петру Первому из Нагорного Карабаха прибыла первая делегация во главе с епископом Минасом и просьбой о покровительстве. Однако окончательно Карабахское ханство было присоединено к России в 1813 г. по Гюлистанскому договору — после очередной Русско-персидской войны. В конце XIX века Нагорный Карабах был частью Елизаветпольской губернии в Закавказье (столица губернии — Елизаветполь, позднее Ганджа, ныне — Кировобад). Царское правительство не заботилось о национальном размежевании Закавказья, и территория Народного Карабаха входила до 1917 года в состав Шушенского и Зангезурского уездов. После падения в 1917 году царского, а затем и Временного правительства, а в 1918 году и знаменитой Бакинской коммуны на территории Закавказья происходили не только вспышки гражданской, но и жестоких национальных войн, в том числе и за овладение Нагорным Карабахом, который армянские националисты (дашнаки) считали неотъемлемой частью Армении, а азербайджанские националисты (муссаватисты) — неотъемлемой частью Азербайджана. Только победа советской власти в Закавказье положила конец этим кровавым междоусобицам, которые в некоторых горных районах унесли жизни до 30% населения. При этом особенно пострадало армянское население Закавказья.

Как отмечает Большая Советская Энциклопедия, „В Нахичеванском крае резня армян муссаватистами носила поголовный характер. Были вырезаны жители гг. Нахичевани, Акулиса, Норашена и других” (БСЭ, 1939 г., т. 41, стр. 335). Если до революции армяне составляли 42% населения Нахичеванского уезда Эриванской губернии, а азербайджанцы – 57%, то к началу 20-х годов численность армянского населения уменьшилась до 15%, а азербайджанского увеличилось соответственно до 80%. И хотя Нахичеванский уезд не имел общей границы с Азербайджаном, а географически входил в Армению, было решено при новом национальном размежевании образовать Нахичеванскую АССР не в составе Армении, а в составе Азербайджана. Нагорный Карабах, к счастью, пострадал меньше. В начале 20-х годов здесь продолжало жить, как и в Нахичеване, около 150 тысяч человек населения, из которых, однако, примерно 90% составляли армяне. Тем не менее, по мало понятным причинам, было решено организовать на этой территории не автономную республику в составе Армении по образцу Нахичевани, а автономную область в составе Азербайджана, что до сих пор расценивается всеми почти армянами и в Нагорном Карабахе и за его пределами как несправедливое и нерациональное решение, ставшее исходным пунктом длительных споров между Арменией и Азербайджаном, споров, крайне обострившихся именно в настоящее время.

К сожалению, факты дискриминации армянского меньшинства в Азербайджане в целом и в том числе факты дискриминации армянского большинства в Нагорном Карабахе были в последние десятилетия достаточно многочисленны. За годы советской власти численность населения Армении возросла в 4 раза, а численность Азербайджана – в 2,5 раза. Однако численность армян в азербайджанских городах и селах почти не увеличилась, а в относительных величинах уменьшилась до 7,5%. Особенно заметно уменьшилось число армян в Кировобаде и окружающих его селах, т. е. в районах, пограничных с Арменией. Численность армян в Нагорном Карабахе за 60 лет практически не изменилась, составляя ныне около 140 тысяч человек. Однако увеличилась значительно численность азербайджанцев, и потому удельный вес армянского населения упал с 91–94% до 76% в

1979 году. Не развивались экономические и культурные связи Нагорного Карабаха с Арменией. В городах и селах этой области можно было смотреть и слушать телепередачи из Баку и Москвы, но не из Еревана. Создавалось немало трудностей для верующих армян-христиан. В это же время религиозная активность азербайджанцев, считающих себя шиитами (а не суннитами, как большая часть населения Средней Азии, если не принимать, конечно, во внимание атеистов) возросла — не в последнюю очередь под влиянием событий в Иране и активной радиопропаганды, ведущейся с территории Ирана. В Степанокерте — столице Нагорного Карабаха — имелись случаи закрытия школ с преподаванием на армянском языке. В руководящих органах автономной области непропорционально росло количество азербайджанцев, этот процесс усилился с приходом к власти в Баку Гейдара Алиева.

Армяне Нагорного Карабаха не в первый раз обращали внимание на несправедливое к себе отношение. Но все эти обращения долгое время игнорировались как в Баку, так и в Москве, что вызвало законное недовольство не только в Карабахе, но и в Армении. Народ Армении первым в XX веке пережил то, что принято теперь называть геноцидом. Только в 1915—1916 гг. на территории Турецкой Армении было физически уничтожено 1,5 миллиона из 2,5 миллионов проживающих там армян, а большая часть других армян бежали со своих родных земель. Неудивительно, что армяне столь болезненно реагируют на все формы национальной несправедливости. Еще в прошлом году в Москву в ЦК КПСС специальная делегация привезла письмо, под которым стояли подписи 75 тысяч армян Нагорного Карабаха, т. е. практически всего взрослого армянского населения этой области. Ссылаясь на многочисленные факты национальной дискриминации, армяне Нагорного Карабаха просили передать их область в состав Армянской ССР. Это письмо было отвергнуто. Никто из членов Политбюро или Секретариата ЦК не пожелал тогда ознакомиться со сложившимся положением на месте.

После недавних событий в Нагорном Карабахе, как и после событий в Казахстане, в западной печати можно было встретить немало статей и утверждений о том, что дружба народов СССР

является не более чем „мифом советской пропаганды”. Эти утверждения глубоко ошибочны. Советский Союз накопил огромный опыт в решении национальных проблем, и с этой точки зрения наша страна встречает, вероятно, меньше трудностей, чем другие многонациональные государства. В СССР проживает сейчас более ста наций и народностей, принадлежащих к тому же к разным религиям и расам, но их мирная жизнь, их равенство, их сотрудничество в экономике и культуре, их уважение друг к другу не являются мифом. Реальностью является и образование в СССР той новой исторической, социальной и интернациональной общности людей, которую принято называть „советским народом”.

Все же немало мифов существует у нас и в области национальной жизни страны. Один из таких весьма вредных мифов — это утверждение о том, что в СССР уже нет почвы для серьезных национальных движений, национальных противоречий, проблем и конфликтов. Эти конфликты есть, и число их в последние 20—30 лет даже увеличилось.

Как известно, в идеологии ленинизма национальный вопрос всегда занимал крайне важное место. Обычно его ставили на третье место — после вопроса о диктатуре пролетариата и пролетарской революции, а также крестьянского вопроса. Это было естественно для такой страны, как Россия с ее многонациональным населением, страны, принадлежавшей и Европе и Азии. Все российские революционные партии охотно черпали своих сторонников и даже лидеров из числа „инородцев”. Но большевики со своей большой и хорошо продуманной национальной программой преуспели в этом отношении больше других. Без активной поддержки латышей, эстонцев, финнов, поляков, грузин, армян, евреев, украинцев, немцев Поволжья и Крыма, татар, чеченцев, ингушей, даже венгров и китайцев большевики не смогли бы победить в гражданской войне и создать Советский Союз. В 20-е годы едва ли не каждый съезд партии обсуждал также и доклад по национальному вопросу. Время от времени проводились совещания по национальным проблемам. Издавался журнал — „Жизнь национальностей”. Однако еще в первой половине 30-х годов Сталин объявил, что национальный вопрос решен в нашей стране „полностью и окончательно”, что у нас

навсегда утвердилась дружба народов и создана „национальная по форме и социалистическая по содержанию” советская культура. С тех пор у нас и в газетах и в журналах говорится почти исключительно о дружбе и сотрудничестве народностей и наций Советского Союза. В нашей многонациональной стране нет сейчас никаких механизмов для изучения или решения национальных конфликтов, не занимается национальными проблемами и Совет Национальностей Верховного Совета. С другой стороны, у нас сохранились достаточно мощные организации для борьбы с „буржуазным и мелкобуржуазным национализмом”. Все это явилось не единственной, но одной из причин наблюдаемого ныне обострения национальных отношений в СССР.

В последние недели советская печать и телевидение говорили о нормализации положения в Нагорном Карабахе и в Армении. Факты, однако, свидетельствуют об обратном: проблема не решена, она только временно отложена, а во многих отношениях даже обострилась, об этом говорят и трагические события в азербайджанском городе Сумгаите, где был устроен кровавый антиармянский погром. Крайне напряженное положение сложилось и в некоторых крупных азербайджанских городах — Кировобаде, Нахичевани, даже в Баку. Не только в Армении, но и в Москве появились первые беженцы из Азербайджана — отдельные армянские семьи прибывают „на время” к своим родным и друзьям, опасаясь погромов. Многие армяне, проживающие в Азербайджане, опасаются вечером выходить из своих домов. Все эти события болезненно переживаются в Ереване и по всей Армении. Разные источники называют и разные цифры жертв беспорядков и бесчинств — от 30 до 300 человек убитых и еще больше раненых.

К сожалению, среди жертв разразившегося в Закавказье национального конфликта оказалась и гласность — как это было в первые две недели после Чернобыльской катастрофы. По сообщениям советских средств массовой информации и по сообщениям ТАСС невозможно представить ни масштаб, ни даже характер происходящих событий. Было, например, краткое сообщение о „беспорядках в Нагорном Карабахе”, но непонятно было — что скрывается за этим словом „беспорядки”. В сообщении ТАСС упоминалось постановление ЦК КПСС в связи с событиями

в Нагорном Карабахе, но текст этого постановления не опубликован до сих пор. Ничего вообще не сообщалось в печати о крупнейших в нашей истории манифестациях и демонстрациях в Ереване, которые продолжались несколько дней, и о тех требованиях, которые были выдвинуты демонстрантами. Не была опубликована даже историческая справка о Нагорно-Карабахской автономной области. Мы читали в последние дни множество сообщений о демонстрациях в Бангладеш и в палестинских городах, но не о том, что происходит в Баку и Ереване. Мы не прочли даже обращения М. С. Горбачева к народам Армении и Азербайджана. Не было в печати сообщений о том, что четыре члена из высших органов власти в Москве — Демичев, Разумовский, Лукьянов и Долгих находились в эти дни, а возможно и продолжают находиться в Армении и Азербайджане. Мы не получили никакой информации о встрече между Горбачевым и Яковлевым, с одной стороны, и представителями армянской интеллигенции, с другой стороны. Только случайно мне удалось узнать, что среди группы армян была известная писательница Сильва Капутикян и популярный в Армении публицист Зорий Балаян. В „Правде” была опубликована краткая беседа с заместителем Генерального прокурора СССР А. Катусевым, который еще в конце февраля прибыл в Нагорный Карабах. Этот видный прокурор решительно протестует против распространения разного рода слухов и домыслов, „которым нередко поддаются легковеры”. Он опровергает слух об имевшемся якобы убийстве в Карабахе 60 армян. Одновременно он глухо говорит о „фактах правонарушений, наказуемых в уголовном порядке”. Но что это за правонарушения? Избиения, оскорбления, изнасилования? Обо всем этом — ни слова. Нет никакой ясности и о кровавых событиях в Сумгаите. В сообщении ТАСС говорится об убийстве 31 человека „разных национальностей”. Но сколько пострадавших? Очевидно для всех, что большинство убитых, а тем более стариков и женщин — это армяне. Но вполне возможно, что защищая свою семью и свой дом, мужчины-армяне убили и несколько человек из числа „хулиганствующих элементов”. События в Сумгаите произошли уже после демонстраций в Ереване и встречи Горбачева с представителями интеллигенции Армении. Эти события должны были резко изменить общую обста-

новку в Азербайджане и Армении, но мы ничего не знаем об этом. Нам неизвестна позиция армянской церкви и Католикоса.

На проведенных в Армении, Азербайджане и в Нагорном Карабахе совещаниях партийного актива были приняты еще в конце февраля решения о нецелесообразности перехода Нагорного Карабаха из состава Азербайджана в состав Армении, как якобы противоречащего интересам и трудящихся Армянской и Азербайджанской союзных республик. Однако никаких убедительных и разумных доводов на этот счет не приводится. Большинство армянского населения Карабаха или даже все армяне этой области выступают за присоединение к Армении, и Армения несомненно будет это только приветствовать. Разумеется, решение этого вопроса требует соблюдения ряда законных и предусмотренных Конституцией СССР процедур. Население Нагорного Карабаха фактически уже высказало свою волю или во всяком случае волю большинства. Этот референдум может быть повторен под наблюдением какой-либо специальной комиссии. Конституция СССР предусматривает право Верховного Совета СССР изменять границы между союзными республиками и образование новых автономных областей в составе тех или иных союзных республик. Конечно, проблема Нагорного Карабаха должна быть предварительно обсуждена на заседаниях Верховных Советов Армении и Азербайджана. В случае несогласия следует провести сессию Верховного Совета СССР или Совета Национальностей этого Совета для подробного изучения всей совокупности образовавшихся проблем. Как известно, сессия Верховного Совета СССР может и должна быть созвана, если этого требует одна из союзных республик.

Несправедливость положения, в котором находится ныне Нагорный Карабах, очевидна, и те кровавые события, которые происходили в Сумгаите, и могли (и еще могут) произойти в других районах Азербайджана, лишь подчеркивают естественность и разумность перехода Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР. Ссылки печати на трудности такого перехода с точки зрения снабжения или экономического развития области, сориентированного до сих пор на Азербайджан, неубедительны, так как сегодня в стране решаются и в сотни раз более трудные экономические проблемы. Более основательны опасения иного

рода, которые как раз и не высказываются публично — опасения прецедента. Известно, например, что многие из грузин считают район Саингало частью Грузии, незаконно включенной еще в 1922 году в состав Азербайджанской ССР. Но в этом районе в настоящее время грузины составляют явное меньшинство населения, и половина из них не христиане, а мусульмане. С исторической точки зрения Саингало является, несомненно, частью прежней территории Грузии, и здесь имеется множество памятников грузинской культуры, которые нужно охранять как общее достояние. Однако религиозный и национальный состав этого района изменился еще задолго до революции, и потому разрешение этого конфликта является гораздо более сложным, чем проблема Нагорного Карабаха, хотя, конечно, многие действия азербайджанских властей в этом районе являются явно ошибочными, если не сказать сильнее. Но можно вспомнить, что и у коренного населения Абхазии было немало аналогичных претензий — но уже на этот раз к руководству Грузинской ССР (и часть этих проблем были успешно разрешены). Но все эти национальные проблемы и противоречия не исчезнут сами собой. Их нужно решать.

Представляют ли события последнего времени в Закавказье или в других национальных районах угрозу для политики или репутации Горбачева? Конечно, эти события — серьезное испытание на прочность нынешней политики реформ. Если иметь в виду спор между армянами и азербайджанцами, то Москва выступает в данном случае в качестве арбитра в трудном споре, и это подвергает испытанию способность нынешнего руководства страны к справедливому и разумному решению проблемы, которая пришла из прошлого, но которую нужно решить сегодня. Разумное и справедливое решение этой проблемы будет означать прогресс в деле перестройки, а не ее поражение.

9 марта 1988 года

ВЫБОРЫ*

С сентября 1939 г. до июня 1941 г., то есть от начала второй мировой войны и до начала войны между Германией и Союзом, жители Виленского, Новогрудского, Белостокского, Волынского, Полесского, Львовского, Станиславского и Тернопольского воеводств четыре раза выбирали представителей в различные органы власти. За первые полгода существования там советской администрации выборы проводились дважды — в октябре 1939 г. и в марте 1940 г.¹ Несомненно, важнейшими и наиболее прочно забытыми оказались выборы в Национальные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии. Они были проведены в воскресенье 22 октября 1939 г.² 4 октября члены Военного совета Украинского фронта Хрущев (тогда — первый секретарь ЦК КП(б) Украины) и его заместитель Бурмистенко, а также командующий Украинским фронтом командарм первого ранга Семен Тимошенко подписали воззвание о проведении выборов; в нем сообщалось о создании организационного комитета по выборам в составе 17 человек. В Белоруссии такого

* Отрывок из книги "Revolution from Abroad. Sovietization of Western Ukraine and Western Bielorrussia". Книга вскоре будет опубликована издательством Принстонского университета. Польски этот отрывок вышел в журнале "Анекс" № 45.

рода документы датировались, как правило, днем позже. Поэтому, вероятно, 5 октября такого же типа воззвание выпустил Военный совет Белорусского фронта в составе командующего войсками Михаила Ковалева, первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймона Пономаренко (в 1955–1957 гг. бывшего советским послом в Польше) и его заместителя.

Поскольку оккупация Западной Украины и Белоруссии с помощью военной силы была связана с определенным риском, Сталин всячески старался затушевать военный аспект этой операции. Советскому правительству отнюдь не хотелось оказаться в состоянии войны с Англией и Францией, которые, будучи союзниками Польши, объявили войну Гитлеру уже 4 сентября; поэтому с первого же момента соблюдалась видимость того, что вторжение на территорию Польши – не агрессия, нарушающая суверенитет независимого государства, а скорее, как сказали бы сегодня, „национально-освободительное движение”. И следует признать, что советская дипломатия добилась успеха. Хотя нападение Красной армии на Польшу, осуществленное 17 сентября, было явным *казус белли*, польское правительство, к тому же дезориентированное в результате своего бегства в Румынию и интернирования там, не признало того факта, что оно находится в состоянии войны с СССР. В итоге и союзники Польши – Англия и Франция – не были обязаны объявить войну Советскому Союзу. А двумя неделями позднее, когда вновь созданное польское правительство оказалось в изгнании во Франции, союзники, очевидно, уже приняли решение не дразнить русского медведя. Хотя было ясно, что в то время Сталин уже находился в фактическом союзе с Гитлером, было понятным и другое, о чем писал в британское министерство иностранных дел английский посол в Москве Уильям Сидс:

„Трудно сказать, какую пользу принесло бы нам объявление войны Советскому Союзу, хотя мне лично было бы весьма приятно передать такую ноту Молотову”.³

Таким образом, выборы, организованные на только что занятых территориях Западной Белоруссии и Западной Украины, были как бы продолжением усилий советской дипломатии

по созданию фикции, что захват этих земель — отнюдь не вооруженная интервенция со стороны соседнего государства, а некий спонтанный акт самоопределения местного населения.

Поразительным может показаться срок проведения выборов — 22 октября 1939 г. Прошло лишь пять недель после вторжения, а советская администрация поставила перед собой задачу, необычайно сложную с точки зрения организации. Более того, огромное мероприятие было осуществлено в течение двух недель, так как предвыборная кампания началась лишь 6 октября, после публикации упомянутого воззвания в местной печати. Однако сложная международная обстановка в октябре 1939 г. и опыт последних месяцев требовали спешных действий. Через неделю после подписания советско-немецкого пакта вспыхнула война. Через десять дней после начала польско-немецкой войны положение на фронтах уже решительно повернулось в пользу немцев. Только с величайшими трудностями русским удалось привести Красную армию в состояние боевой готовности, чтобы она могла войти на территории, переданные Советскому Союзу в соответствии с договором о ненападении с немцами, и занять их раньше, чем туда подойдут отряды вермахта. Одновременно Гитлер пытался начать переговоры с Англией и Францией о заключении мира, и Сталин мог опасаться, что идея „Пакс Германика” вновь восторжествует и при этом на условиях, поставленных рейхсканцлером. Поэтому Сталин явно желал как можно скорее закрепить свои территориальные завоевания. Поскольку в межвоенный период вопросы государственного суверенитета на территориях со смешанным населением нередко решались посредством плебисцитов, важно было как можно скорее получить соответствующие результаты выборов на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Кроме того, приближалась годовщина Октябрьской революции, а также 60-летие самого Сталина. В обычае коммунистов отмечать годовщины революции очередными достижениями, и надо было спешить. Осень 1939 г. ознаменовалась блестящими успехами внешней политики Сталина: дав своим врагам объявить войну друг другу, он получил в награду половину Польши и свободу рук в отношении Литвы, Латвии и Эстонии.

Дата выборов была объявлена населению 6 октября, в

местной печати Западной Украины и Западной Белоруссии. Ни „Правда“, ни „Известия“ не упоминают о выборах ни единым словом до 11 октября, несмотря на то, что обе газеты ежедневно публиковали обширные сообщения о происходящем на только что занятых Красной армией территориях. Понятно, что пятидневное опоздание — не случайность и не недосмотр со стороны журналистов и редакторов двух важнейших советских газет. Между 6 и 11 октября подготовка к выборам и предвыборная кампания шли уже полным ходом, при больших усилиях новой администрации. Страницы местной периодической печати были переполнены материалами о выборах. Следовательно, в центральной печати об этом временно умалчивалось по важным политическим причинам. Думается, что от публикации сообщений о намеченных выборах воздерживались из-за проходивших в то время переговоров с Литвой и неуверенности в их результатах. 10 октября передовая статья на первой странице „Правды“ сообщила гражданам СССР об успешно закончившихся переговорах с литовским правительством и о том, что Советский Союз передает Литве Вильнюс.⁴ Поскольку время торопило, подготовка во Львове и Белостоке началась еще до того, как было найдено решение временному статусу Вильнюса. Во всяком случае, когда советским читателям было сообщено, наконец, что на Западной Украине и в Западной Белоруссии должны состояться выборы в Национальные собрания, организационные комитеты по проведению выборов во Львове и Белостоке были уже давно созданы и были опубликованы 8 параграфов и 47 статей положения о выборах.

Как было сказано, формально с идеей выборов выступили Военные советы Украинского и Белорусского фронтов. Как бы в ответ на эту инициативу временные городские управы Львова и Белостока обратились с призывом о подготовке к выборам к местным органам временной администрации, созданной (во всяком случае, формально) на занятых землях 3 октября. Из Львова обращение было направлено временным управам городов и повятов на Западной Украине, а из Белостока была мобилизована сеть местной администрации Западной Белоруссии. Одновременно львовский и белостокский оргкомитеты обратились за помощью к президиумам верховных советов Украины

и Белоруссии, и оба президиума немедленно выделили из своего состава по два человека (в том числе — председателей президиумов) в помощь оргкомитетам по проведению выборов во Львове и Белостоке. Так, из Киева во Львов прибыли Гречуха и Корнейчук (будущий муж Ванды Василевской), а из Минска в Белосток — Наталевич и Грекова.

Запутанные предварительные формальности (вся эта сложная процедура описана в местной печати так, что последовательность событий установить весьма трудно) не имели большого влияния на конкретную пропагандистскую работу, которая рванула, что называется, с места в карьер. Понятно, что организаторы выборов знали с самого начала, каков будет конечный результат их усилий, и своего знания отнюдь не скрывали. В тот самый день, когда были опубликованы упомянутые воззвания и созданы оргкомитеты, командующий Украинским фронтом Семен Тимошенко заявил на митинге во львовском кино-театре „Атлантик“:

„Один из ораторов сказал здесь, что понятия Западной Украины и Восточной Украины надо соединить в одно — Советская Украина. А раз этого хотят сами рабочие, сами трудящиеся, не нужно тут заниматься дипломатией — так будет наверняка”.⁵

И по намерениям организаторов и, несомненно, согласно наметкам сторонников нового строя, октябрьские выборы должны были дать возможность конструктивной активности местного населения. Октябрьские выборы должны были стать завершением старой и началом новой эпохи. Сентябрь был месяцем войны, закончившейся катастрофой, страданиями и перемещениями гражданского населения, наконец, хаосом и шокотом от перемены власти в результате вторжения Красной армии. Все это в целом обозначило конец прежней эпохи и порождало неуверенность в завтрашнем дне. Октябрь должен был создать перемену в настроениях, направить внимание и энергию людей к новому, в будущее. Людям как бы подсказывали: не горюйте о необратимых потерях, включитесь в творческий труд на общее благо. На Западной Украине и Белоруссии было много людей,

не имевших глубокой эмоциональной привязанности к межвоенной Польше (это прежде всего относится к радикальной молодежи так называемых национальных меньшинств, которые составляли явное большинство на территориях, оккупированных Красной армией).

Возможность „соучастия” в связи с предвыборной кампанией вызвала в этой среде интерес. Об этом следует напомнить. Уже ход предвыборной кампании показал, что выборы ведут к новой, но не менее кошмарной действительности, лишаящей людей независимости и индивидуальности. Но увидеть это многим мешала мировоззренческая доктрина, из сетей которой невозможно было выпутаться за немногие недели знакомства с административным воплощением научного социализма. К энтузиастам и даже просто к оптимистам этот опыт пришел с запозданием, и трудно пенять, в особенности молодым людям, что они осознали его с задержкой на несколько недель и даже месяцев.

Настроения мобилизованности и коллективных усилий создавались прежде всего подчеркиванием различий между тем, что было, и тем, что должно наступить. Ведь нетрудно понять, что на основе лучших принципов жизнь станет лучше, если люди наполнят новые институты жизни своей энергией и коллективным трудом. Так, с самого начала предвыборной кампании печать широко информировала о праве на голосование и о структуре предстоящих выборов — всеобщих, равных, прямых и тайных. Эти в общем абстрактные и бесцветные определения приобретали значимость в сравнении с описаниями довоенной действительности, как ее подавали пропагандисты на митингах и предвыборных собраниях. Известная писательница Беата Обертыньская вспоминает молодого еврея из Львова, который

„утверждал, что в Польше каждый граф, офицер и помещик имел право на выборах подавать от 6 до 10 голосов, тогда как крестьянин и рабочий не имели ни одного”.⁶

При советском строе все виды неравенства будут отменены, и власти будут обходиться с гражданами не только справедливо, но и заботливо. Читатели местных газет могли также прочесть,

что во время октябрьских выборов на всех избирательных участках будут выделены специальные комнаты, в которых каждый наедине с самим собой выполнит свой гражданский долг. Членам комиссий нельзя будет входить в эти помещения. Однако

„неграмотные или инвалиды, нуждающиеся в помощи, смогут пригласить в это помещение какого-либо другого избирателя для заполнения бюллетеня”.⁷

В статье „О прогнившей и подлинной демократии” — тут уже в самом заголовке старое ясно противопоставляется новому — автор просто и убедительно излагает теорию представительной демократии, на которой основывается практика советских выборов.

„Идеал демократии состоит в том, чтобы народное представительство было как можно более многочисленным, чтобы число представителей народа было как можно большим”.⁸

А поскольку на выборах в Национальные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии принят принцип, что каждые 5 тысяч жителей должны иметь своего депутата, то оба представительных учреждения должны быть многочисленнее, чем весь довоенный сейм Речи Посполитой, а следовательно, и лучше, — ибо они будут ближе к идеалам демократии. Что же касается процента участвующих в выборах, то хотя само по себе положение о выборах не навязывало прямо обязанности голосовать, но указывалось, что гордостью советского законодательства является положение, согласно которому

„только пациенты больниц, страдающие тифом, скарлатиной и проказой не участвуют в выборах”⁹ (Обр. перевод с англ. — Ред.)

Все граждане, начиная с 18 лет, обладали активным и пассивным избирательным правом. Избирательные округа, как правило, делились на три или четыре участка, и на одну комиссию

приходилось около 1500 лиц, имевших право голоса; согласно действовавшему положению, право выдвижения кандидатов на депутатские места (кстати, термин „депутат” или по-польски „посол” не фигурирует в публицистике того времени, а употреблялся термин „делегат”) имеют

„крестьянские комитеты, временные управы, собрания рабочих на предприятиях, собрания рабочей гвардии, собрания интеллигенции”.¹⁰

Для официальной регистрации кандидаты должны передать в окружную избирательную комиссию протокол заседания или собрания, выдвинувшего их кандидатуру, и свое заявление о согласии принять выдвижение. Хотя в принципе любая группа граждан могла собраться и осуществить свое право на выдвижение чьей-либо кандидатуры, новая администрация (представители которой заседали в окружных избирательных комиссиях) могла наложить вето на эти решения, а лица, которых уговаривали согласиться на выдвижение кандидатами, могли от этого отказаться.

Как мы вскоре убедимся, различия между теорией и практикой выборов были огромными, но поскольку процесс советизации не является лишь актом порабощения людей извне и требует, чтобы население само в нем участвовало, невозможно полностью игнорировать формальные гарантии и вопросы о подлинном участии. Поэтому, хотя кандидатов, как выразились бы сегодня, привозили в обозе,¹¹ все же положение об обязательности согласия на официальную регистрацию имело существенное значение и дало возможность многим, кого уговаривали стать делегатами национальных собраний, отказаться от этой чести.

* *
*

Как уже сказано, предвыборная кампания началась 4 октября, и сразу же получила широкий размах. В печати можно прочитать сообщения о митингах в общественных местах: кино-

театрах, театрах, оперных залах, на предприятиях и в школах. Хотя голосовать можно было лишь с 18 лет, молодежь также была охвачена предвыборной пропагандой и нередко принимала в ней активное участие, например, организовывались марши, и школьная детвора проходила под окнами учителей.¹²

Судя по сообщениям в газетах, а также по опубликованным фотоснимкам, в собраниях принимали участие толпы людей. Во Львове 13 октября „свыше тысячи инженеров” встретились на митинге в „Коллегиум максимум”; на собрании интеллигенции Белостока 12 октября в кинотеатре „Аполлон” тоже было „около тысячи человек”.¹³ С первых дней оккупации новые власти старались привлечь на свою сторону не только пролетариат и национальные меньшинства, но и интеллектуальную элиту — писателей, профессуру, технических специалистов. На занятые территории из Киева и Минска приезжали представительные группы видных интеллигентов — кинорежиссер Александр Довженко, историк литературы Виктор Шкловский, писатели Купала и Корнейчук, и именно они, вместе с Хрущевым, Пономаренко и другими советскими вельможами рангом ниже выступали на собраниях и старались завязать личные контакты.

„Мы передаем вам сердечные поздравления от писателей Советского Союза, мы хотим познакомиться с вашими взглядами и мыслями, — говорил Корнейчук на встрече с писателями в зале Общества имени Шевченко во Львове (в кругу несколько более интимном, так как присутствовало „свыше ста человек”). — После выборов в Украинское национальное собрание, — продолжал он, — после осуществления национализации земли и банков, после присоединения Западной Украины к СССР мы сможем приступить к созданию союза писателей”.¹⁴

Из этой речи следует, что член организационного комитета уже за десять дней до выборов знал в точности, каков будет их результат (собрание происходило 13 октября). Иметь точную информацию, опережающую ход событий, было нетрудно: подобно Тимошенко за девять дней до него, Корнейчук выявлял

своими словами лишь волю народа, которая настойчиво давала о себе знать в резолюциях, принимавшихся на десятках собраний жителей Западной Украины и Белоруссии.¹⁵ В статье, опубликованной на первой странице „Правды” 11 октября, среди выдвинутых задач газета выделяет те же четыре принципа: установить на занятых землях советскую власть; присоединить Западную Украину к Украинской ССР (статья о Белоруссии была опубликована днем позже); конфисковать земельные владения и отдать землю крестьянам; национализировать банки и крупные промышленные предприятия. Задания эти были по существу выполнены, ибо когда двумя неделями позднее состоялись заседания национальных собраний во Львове и Белостоке, в порядке дня их работ были те же четыре пункта.

Однако крупные собрания с участием профессиональных групп населения — это лишь редкие украшения предвыборной кампании. Повседневная будничная пропагандистская работа была организована по-другому — в малых группах, прежде всего по месту жительства или на работе.

*„Где ты ни есть — все равно,
убеди, докажи, покажи,
фактом и цифрой
бей в суть
жестом и словом пророка.
Агитируй своим примером — вдохновенной фантазией.
Словом и кулаком — вместе
говори толпе,
даже десятерым.
Бьются в нас сердца масс.
С трибун и улиц и площадей просторных
Оглашай народу его права,
и пусть искры летят у тебя из-под ног,
когда ты кричишь: круши и строй.
В лавке собраний горячим шепотом
в лицо равнодушно-спокойное
бросай прекрасное видение!
Пока не увидят, не поверят,
не начнут понимать,*

пока не поймут.

*Скажи, что надо, что можно, что должно
сдвинуть глыбы мифов.*

*Будь самой правдой, в которую веришь!
Агитируй, агитируй, агитируй!*¹⁶

Пожалуй, самая важная информация о том, что в действительности происходило во время предвыборной кампании, содержащаяся в умелом стишке Леона Пастернака „Агитатору”, состоит в двух словах — „даже десятерым”.

Чуть ли не для каждого жителя территорий, захваченных в сентябре Красной армией, кампания по выборам складывалась из серии встреч в основном в малых группах с так называемым агитатором, которого иногда называли также „десятским”. Определение „десятский” возникло потому, что население Западной Украины и Западной Белоруссии было поделено на группы, охватывавшие примерно по десять семей — десять хат в деревне, десять квартир в крупном доме со снимаемыми квартирами, одна сторона небольшой улицы или небольшой дом с несколькими квартирами, — в таких группах и проводилась предвыборная пропаганда.¹⁷ Поскольку пропагандистские собрания проводились ежедневно или через день, это требовало умелой организации и привлечения множества людей. По свидетельству советского историка, на мартовских выборах 1940 г. (организованных по точно такой же схеме) в Западной Украине работало 100 тыс. пропагандистов.¹⁸ Эту информацию не следует принимать дословно (как видно из приведенных выше цифр, достижения научного социализма можно выразить лишь в круглых цифрах, содержащих единицу и нули), но все-таки величина эта значительна и правдоподобна. Действительно, в памяти людей, переживших октябрьские выборы, впечатление было таким:

„Наш повят залила волна новых людей... Как выяснилось, то были политруки и политработники из Минска. Их было полно везде”.¹⁹

В городе и в деревне завихрило. Множество агитаторов, в

основном — лейтенантов армии или НКВД. Все в кожаных пальто или куртках”.²⁰ Как будет показано ниже, агитацией занимались не только советские граждане, но они особенно бросались в глаза.

По сообщениям свидетелей, наиболее поражающим в предвыборной кампании была ее интенсивность: убежать от нее было невозможно, и направлена она была на все чувства сразу.

„Предвыборная агитация велась посредством афиш, митингов, пропагандистских фильмов, шествий и манифестаций;²¹ с помощью репродукторов, установленных на улицах городов, транслировались митинги и пропагандистские передачи”.²²

„Агитация была такой разветвленной, что нельзя было шагу ступить, не натолкнувшись на нее”.²³ В ходе предвыборной кампании повсюду проводили киносеансы, даже в глухой провинции, а эстрадные выступления и инсценировки²⁴ чаще всего устраивали на предприятиях, где всегда найдется помещение и публика тут же на месте. „На фабриках после работы закрывали ворота, никого не пускали домой и устраивали митинги”, — вспоминал впоследствии жестянщик из Дрогобыча.²⁵ На фабрике Шапиро в Будах около Баранович показывали живые картины: „На сцене повесили изувеченного орла с опущенными крыльями и рисунок: генерал Сикорский карабкается по лестнице и взывает о помощи к „проститутке” Франции. На другом рисунке — сломанная лестница и падающий генерал Сикорский, не получивший помощи. Рисунки дополняли и объясняли подбор злобных и издевательских слов. Затем на сцену выходил коммунистический деятель Шейко Стефан и большой метлой выметал орла, вывешенные на сцене портреты и польский флаг, и вместо этого вносили советский флаг, портреты Сталина, Ленина и других. Такие или похожие митинги, — сообщает рабочий Юзеф Сычко, — устраиваемые коммунистическими деятелями под руководством НКВД, довольно часто проводились в промышленных центрах”.²⁶

Итак, скрыться от предвыборной пропаганды не было никакой возможности. На предприятиях во время обеденного

перерыва или после окончания рабочего дня людей принуждали идти на собрание: на улицах их догонял голос агитатора из уличного громкоговорителя; со стен и заборов смотрели на них яркие плакаты и воззвания о прежней неволе и с обещаниями лучшего будущего; стоявших в очередях в магазины не раз окружала милиция и гнала на площадь — послушать оратора; усталых пассажиров в набитом вагоне мог пробудить от дремы агитатор, идущий из вагона в вагон и в каждом повторяющий свою речь.²⁷

Иногда людей привлекали на собрания хитростью. В Янковой Долине было объявлено, что в таком-то часу в магазине начнут продавать обувь и продовольствие, которых уже не было какое-то время. В Зеневичах, Бобровичах, Новосядах и Борунах крестьян собирали под предлогом распределения земли или скота.²⁸ „Агитацию проводили на собраниях, не имевших ничего общего с выборами”.²⁹ Иногда, как вспоминает школьник из Дубно, „митинги и собрания проводили не только принудительно, но и с поощрением за хорошо организованный митинг: открывали кооператив, где можно было купить спички, одеколон, шнурки и детские игрушки”.³⁰ Во многих других местностях так называемые кооперативы и фабричные лавочки открывали лишь после хорошо прошедшего собрания.³¹ Использование „материальных стимулов” чаще было обманом, чем подкупом — полученное при таких okazиях населением „добро” впоследствии отбирали.³² Так, по истечении некоторого времени стали отбирать выданные в предвыборную кампанию земельные наделы и скот.

Назойливость предвыборной кампании, вторгшейся в жизнь населения Западной Украины и Западной Белоруссии всеми способами — хитростью и силой, посредством звуков, слов и образов, вероятно, наиболее полно олицетворяет деревенский глашатай, с барабаном идущий по селу и под его ритм призывающий прибыть в назначенное время в назначенное место. В Ласковицах „каждый день ходил по деревне мужчина или женщина с барабаном, барабанил и говорил, что в такой-то час каждый должен придти”; в Лыско „полицейский с большим барабаном проходил через город, задерживаясь на каждой улице. Ударяя в барабан, он обращал на себя внимание жителей, а затем объявлял,

что сегодня вечером в такой-то и такой-то час будет митинг, на который все обязаны прийти.³³ Ничто — никакие стены, никакие двери — не могли спасти жителей от этого голоса новых времен.

Быстро выяснилось, что бежать некуда. Везде наступал гражданский долг, все жизненное пространство открыто перед коллективом и достижимо им. В ходе предвыборной кампании в октябре 1939 г. впервые в сознании местного населения была сокрушена частная жизнь. Жизнь в группе, общественные цели, навязанные государством, установили свой абсолютный приоритет над интимностью частной жизни. Оказалось, что организаторы выборов могут созывать собрания в частных квартирах и что каждый может быть призван на роль агитатора.

„Повсюду действовали так, — рассказывает студент Львовского университета. — В дом приходил сотрудник НКВД и сообщал, что в квартире пана такого-то должно состояться предвыборное собрание жителей дома”,³⁴

а служащий из Млынова простыми словами описывает другой новаторский аспект октябрьской кампании:

„Местные власти требовали, чтобы один человек на три дома занимался предвыборной агитацией”.³⁵

Людям тщательно отрезали пути бегства от новой действительности. Ее нельзя было игнорировать, ибо она наступала везде, и в частных жилищах, и даже если эта действительность не согласовывалась с их собственными взглядами, в любом случае приходилось высказываться именно в ее духе.

„Предвыборная агитация проводилась таким образом: в квартире одного из жильцов, обычно управдома, вечером проходило собрание. Агитатор, обычно русский, точно по тексту делал доклад о „благах” коммунистического строя, знакомил собравшихся с порядком выборов и соответствующими статьями сталинской конституции. Как правило, в его распоряжении была масса агитационных брошюр, графиков,

картинок, которые он раздавал присутствующим, рекомендуя подготовить выступление на следующем заранее назначенном собрании”.³⁶

Таким образом, при повторных встречах пропагандистские речи должны произносить уже сами жильцы.

Теоретически можно было попробовать отвертеться — сказав, что потерял брошюрку или заболел, не прийти на очередное собрание. Но санкции за отсутствие на предвыборном собрании были крайне суровыми. Попавшему в агитаторы не присутствовать на собраниях значило подвергнуть себя большому риску. Нередко не было даже времени на размышление: на митинге на предприятии могли ни с того ни с сего пригласить в президиум, где давали в руки листок с уже заготовленной речью и в какой-то момент вызывали на трибуну.³⁷ Или же попросту

„на таких собраниях велели кому-нибудь из поляков выступить и рассказать, как он жил и какие у него были условия работы. Если из речи явствовало, что жилось ему неплохо, то через пару дней его арестовывали”.³⁸

Такие импровизации были несколько рискованными для организаторов, но, как правило, люди старались выступать так, чтобы избежать неприятностей. Впрочем, горести и надменное отношение польской довоенной администрации к украинскому и белорусскому населению были настолько явственными и болезненными, что автобиографические выступления нередко отлично вписывались в сценарий предвыборной кампании.

Стремясь воздействовать на сгоняемых на предвыборные митинги как можно эффективнее, агитацию не решались пустить, так сказать, на самотек. Старались подобрать для выступлений влиятельных, авторитетных людей. Например, учителей назначали „профессиональными” агитаторами.³⁹ Нетрудно догадаться, что весьма многие, вовлеченные таким образом в строительство нового общества, отнюдь не были его сторонниками.⁴⁰ В самом деле, многие члены избирательных комиссий вскоре оказались в ссылке, а затем — среди эвакуированных с армией Андерса в Иран. Их воспоминания дают возможность воспроизвести

технику проведения выборов прямо изнутри; выяснить характер работы комиссий и точность подсчета голосов.

Из приведенных сообщений следует, что должность в советской администрации или в пропагандистском аппарате не была наградой, которую нужно было выпрашивать, отличием за особые заслуги или доказательством доверия, а скорее предполагаемой (организаторами советской власти) обязанностью каждого человека. С одной стороны, предполагалось, что недавно завоеванное население еще предстоит переделать, воспитать по образцу „*гомо советикус*”; с другой — к этому обществу относились так, как будто оно состояло из советских людей. В итоге общество вовлекли в процесс советизации и в какой-то мере оно, можно сказать, само учиняло насилие над собой. В газете „Червоны штандар” от 15 октября имеется статья какого-то Штейна под многозначительным названием „Обязанность каждого”. В ней говорится в частности:

„Не вышколенные агитаторы, а все, кто в силах, пусть идут к рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции и говорят о конституции СССР... Все, кто умеет говорить, пусть говорят о кривде, о прежних несправедливых выборах, обо всех прежних жульничествах и махинациях”.

Так уже перед октябрьскими выборами выявился псевдоидеологический характер советского строя. Оказалось, что не нужно иметь никакой квалификации и мировоззрения (даже не нужно притворяться, что имеешь), чтобы стать апологетом нового режима. Чтобы стать „активистом” — в деле пропаганды особенно — достаточно было оставаться пассивным, послушным, и, что называется, плыть по течению. Наоборот, чтобы сохранить дистанцию и нейтралитет (не говоря уже о выступлении против навязываемых порядков), надо было проявить активность, выступить публично. Активистом можно было числиться, не выходя из строя, а нейтральная позиция требовала добровольцев, готовых сделать шаг вперед перед строем.

Так, на следующем этапе кампании — регистрации кандидатов в делегаты Национальных собраний — после представления кандидата собравшимся (которые еще должны были его выбрать,

чтобы он мог официально получить статус кандидата) председательствующий задавал лишь один вопрос: „кто против?“⁴¹ По такой простой форме молчание и неподвижность становились свидетельством поддержки нового режима, а опыт и здравый смысл коллективного поведения обращались в собственную противоположность. Такие приемы нельзя рассматривать лишь как принятые у советских организаторов и не заслуживающие ничего, кроме пожатия плеч, — при этом упускается из виду трагическое положение молчаливого большинства. Перед магическими заклинаниями пропагандистов молчание перестало быть признаком нейтральности, а, наоборот, стало способом соучастия; оно больше не было признаком сдержанности, а скорее поощряло атакующих. Не говоря ничего, человек выступал в роли сторонника нового режима и оказывал ему поддержку; не выделяясь ничем, теряясь в толпе, человек фактически выступал „за“. Напротив, чтобы сообщить окружающим о нежелании иметь что-либо общее с новыми порядками, надо было выделиться, отказаться от предложенного, сделать самодонос. Чтобы полностью понять специфику предвыборных инсценировок, в которых зрители и актеры как бы поменялись местами (ибо не публика приглядывалась к организаторам митингов, а наоборот), надо помнить, что людей принуждали участвовать в предвыборных собраниях, что их гнали на митинги, нередко под стражей, а за отсутствие на собраниях грозили суровыми наказаниями.

Так как собрания проводились в малых группах, в основном, по месту жительства или работы, на основе списков жильцов или работников, или же на основе сведений соседей, то весьма легко было установить, кто должен присутствовать на собрании. Обычно распорядитель-привратник дома или жилец квартиры, где проводилось собрание, должен был составить список обязанных присутствовать и проверить его.⁴² В конторе, на фабрике, в учреждении руководитель отвечал за явку работников, и должен был объяснить каждый случай отсутствия. Иногда среди собравшихся пускали список, и следовало поставить подпись против своей фамилии, или вводилось правило, что только справка от врача может служить оправданием отсутствия.⁴³ Кроме всего прочего, применялось прямое принуждение: после

рабочего дня закрывали ворота предприятий, чтобы задержать рабочих на митинги; людей арестовывали за неявку на собрания,⁴⁴ увольняли с работы,⁴⁵ штрафовали и били.⁴⁶ Было изобретено также немало изощренных, нестандартных издевательств.

„У тех, кто не приходил на предвыборные собрания или, присутствуя на них, не выражал энтузиазма по поводу проводимой акции, выбивали, как правило, стекла в окнах”.⁴⁷ Я видел своими глазами, как у моего соседа Скочилияса забрали корову за то, что он не ходил на „митинги”. Таких случаев было немало.⁴⁸ „На одного из украинцев за неявку на собрание был наложен штраф в 1 рубль, который он должен был выплачивать по две копейки в день. До места уплаты (центра повята) было 7 км дороги”.⁴⁹

Людям запрещали выходить из дому (домашний арест), закрывали их лавки, отбирали продовольственные карточки, отказывали им в обслуживании в местном „кооперативе” или ни с того ни с сего, к ним ежедневно приходила с обыском милиция, оставляя весь дом перевернутым, — и все это за неявку на предвыборные собрания.⁵⁰ Понятно, что формы репрессий были совершенно произвольными, а масштабы их ничем не ограничивались. Местечко Шерешков Пружанского повята за неблагоприятное отношение к агитации и неявки на собрания и митинги было подожжено”.⁵¹

Но целью было не наказание отсутствующих на митингах; людей нужно было собрать вместе и заставить участвовать в психологическом спектакле выборов; поэтому, кроме репрессий, применялись и предупредительные меры. Так, в районе Барановичей, в повяте Косув Полесский, проверка по списку проводилась в самом начале собрания и в „случае неявки на митинг агитатор приходил несколько раз на дом с личным письменным приказом председателя. Вызываемый должен был на этом листе расписаться и подтвердить, что он был извещен”.⁵² В общине Почаев Новогрудского повята „в случае неявки милиция сразу садилась на лошадей, приезжала к нам, выгоняла из дому и гнала перед собой, нередко избивая и издеваясь”.⁵³ Крестьянин с

хутора Кшивчаки Кременецкого повята сохранил такое воспоминание об октябрьской кампании:

„В день предвыборного собрания, НКВД послал в село нескольких доверенных ловцов. Каждый ловец должен был привести на собрание минимум десять человек. Облаву на избирателей проводили в обеденные часы, чтобы как можно больше людей поймать за столом, что обычно им удавалось”.⁵⁴

Будущих избирателей приводили на собрания группами, под охраной, или же обязывали хозяев домов и десятских под угрозой личной ответственности доставлять вверенных их попечению жителей в назначенное место, лучше всего — организованной группой.⁵⁵ Кроме того, людям постоянно угрожали, пугая выселением, арестом, увольнением с работы и записью в „черный список”. Угрозы не были пустыми, в этом было нетрудно убедиться, наблюдая за случившимся с непокорными соседями. Так как предвыборную агитацию проводили в малых группах, то, кроме угроз всем собравшимся, было достаточно времени и возможностей для индивидуальных бесед, после которых неподчинение указаниям организаторов было бы уже явной демонстрацией сопротивления.⁵⁶ Неудивительна при обстоятельствах проведения предвыборных собраний и их частоте неприязнь к ним местного населения. Об этом пишет крестьянин из Бавелувки:

„Эти митинги так обрыдли, что люди говорили между собой: на завтрак хлеб и вода, на обед — свобода, на ужин — митинг”.⁵⁷

Что же происходило во время предвыборной кампании и о чем говорилось на собраниях? Прежде всего, для подготовки выборов составлялись списки избирателей. По существу с первых дней оккупации новые власти занялись собиранием сведений, каждые несколько дней объявляя разного рода „регистрации” жителей. В этом смысле избирательные списки не были новшеством. Но на этот раз регистрация охватывала не какую-либо особую группу лиц (например, офицеров или врачей), а всех. Более того, информация, собираемая по этому случаю, несомненно,

выходила за рамки интересов избирательных комиссий, которые теоретически могли интересоваться (кроме места жительства будущего избирателя) лишь тем, достиг ли он возраста, установленного положением о выборах. Между тем, как это видно из сообщений учителей, которых принуждали в массовом порядке участвовать в составлении списков, им поручали ходить из дома в дом, „переписывая все и вся”.⁵⁸ Иногда это больше походило на допрос, чем на подготовку списков избирателей. Поскольку вся информация шла властям, которые могли использовать ее как угодно, не было особой разницы в сути бесед, проводимых под разными предложениями.

„Когда человек шел на перепись, он прощался с семьей, потому что не всегда ему удавалось вернуться домой”.⁵⁹

Списки составлялись на основе документации польских местных властей, главным образом, по книгам прописки и податным регистрам. Даже учитывая большую, чем обычно, неразбериху в записях, источники эти не были совершенными, ибо события двух предшествовавших месяцев привели к перемещениям населения. В списках оказалось немало умерших или просто отсутствующих.⁶⁰ Но власти подозревали, что люди будут уклоняться от голосования, и если чье-то имя оказывалось в списке, исключить его не было возможности. В результате в ходе октябрьских выборов „должны были голосовать даже те, кто умер за год до того”.⁶¹

При избытке фамилий в довоенных списках, в них отсутствовали имена вновь прибывших беженцев из Западной и Центральной Польши. Следовательно, чтобы хотя бы приблизительно отразить действительную численность населения, надо было переходить из дома в дом с карандашом в руках и пересчитать всех. Поскольку переписывания не сулили, как правило, местному населению ничего хорошего, а были прологом каких-то будущих ограничений (например, арестов и конфискации имущества), то на переписи смотрели недоброжелательно и работы по ним ни в какой мере облегчить не стремились.

Организаторы выборов на местах иногда хитрили, объявляя, например, что беженцам будут выдавать разрешения на воз-

вращение, или же что надо записаться на получение дров.⁶² Так удавалось добывать фамилии и адреса, которые иначе, возможно, добыть не удалось бы. Что касается учителей, которых, как упомянуто выше, посылали на составление предвыборных списков как на сверхурочную работу, то они, как правило, чувствовали себя весьма неудобно, понимая, что они наносят существенный вред местным жителям.

„Ко мне, — вспоминает портной Иероним Вежбицкий, — пришла проводить перепись учительница Бондарович из семилетней школы в Креше; она плакала от того, что ее заставляют делать эту перепись”.⁶³

Во всяком случае, следует помнить, что в списки избирателей вносили фамилии беженцев, которые находились на этих территориях временно, а также советских граждан, которые только что сюда прибыли.⁶⁴

На предвыборных собраниях обсуждали, во-первых, условия жизни в довоенной Польше с упором на их невыносимость и, во-вторых, описывали советский строй и судьбы людей в стране Советов, утверждая, что всем там живется прекрасно. Так создавался контрастный образ того, что было, с тем, что только должно наступить. Следует напомнить, что эти мрачные картины предвоенной Польши зачастую совпадали с собственным опытом людей, сгоняемых на митинги, но никто не знал, какая жизнь при советском строе. Слова агитатора сопоставлялись с воспоминаниями слушателей о недавно пережитом и очень редко со стершимися воспоминаниями о произошедшем двадцать лет назад, и о том, что принесло простому человеку торжество большевистской революции. Среди пропагандистов преобладали невежды, которые ничего не знали о предвоенной Польше и о действительных унижениях и преследованиях украинского, белорусского и еврейского населения, но все-таки были среди них люди интеллигентные и информированные из местного населения, например, бывшие коммунисты. Добавив к ним польских комсомольцев и членов социал-демократической группы „Жиче”, удалось бы, вероятно, набрать пару тысяч людей действительно воодушевленных и счастливых, которые

могли убежденно и убедительно говорить о несправедливостях капиталистического строя и о преследованиях национальных меньшинств в Польше в межвоенный период. В общественную жизнь включилась часть еврейской и украинской молодежи (молодых украинцев, впрочем, больше привлекали в милицию, чем к пропагандистской работе), не всегда из левых кругов (украинцы, работавшие в формировавшейся советской администрации, чаще всего делали это по указанию ОУН — Организации Украинских Националистов); они активно выступали на митингах и на собраниях в домах.⁶⁵ Но выступления эти не были убедительными и не имели отклика у местного населения. В результате предвыборной кампании у людей в головах все изрядно перемешалось, они по существу не знали, о чем собственно идет речь, кого они выбирают и зачем. Но все-таки бывало, что между ораторами и слушателями протягивались нити симпатии. Так, Ванда Василевская позднее рассказывала одному своему знакомому с тех времен, когда она жила в Кракове и была членом ППС (Польской Социалистической Партии. — Ред.), как после митинга ее окружили плотным кольцом довольные слушательницы и одна из них, явно выражая общее мнение, сказала: „Панюся нам очень понравилась, и мы все будем за вас голосовать. Об одном мы только панюсю умоляем: защитите нас от этих большевиков”.⁶⁶

Выводы участников собраний не обязательно совпадали с намерениями ораторов, но это не исключало взаимопонимания. Так, на митинге, где большинство собравшихся составляли евреи, „политрук” заявил, что „если они не будут голосовать за Сталина, то Украина вновь станет петлюровской и снова пойдут погромы”. Это был „грюк”, как правильно отметил сообщивший об этом Моисей Ткач, конторщик из Ровно, но в тогдашней обстановке этот довод сработал.⁶⁷ Для национальных меньшинств на этих территориях вступление Красной армии в сентябре 1939 г. было связано с их надеждами на равноправие. Термин „национальные меньшинства” можно употреблять лишь условно, ибо эти „меньшинства” составляли на Западной Украине и в Западной Белоруссии большинство. Это создавало особую атмосферу для советской оккупации. Национальные меньшинства воспринимали распад польской администрации как безусловное

освобождение. Украинцы, евреи и белорусы сразу же перестали быть гражданами второго сорта, и это впечатление, особенно для молодежи было ошеломляющим. Лишь постепенно, в течение пары месяцев они открыли, что перестали быть гражданами вообще, и что всеобщее уравнивание одновременно снизило общий статус. За это время советская администрация окрепла и это чувствовалось все заметней. В начале октября еще господствовала эйфория. Пожалуй, предвыборная кампания и выборы были первым осознанием людьми советской действительности. До октября переживали скорее исчезновение Польши (что многих, по понятным причинам, весьма радовало), нежели приход Советов.

Реакцией публики на пропагандистские выступления были прежде всего усталость, тоска и скука. Большинство людей было выбито из колеи. Одни скрывались, другие искали потерянных членов семьи, многие не имели ни жилища, ни средств к существованию. Они пытались понять, что и кому можно, и чего нельзя. И вдруг к этим важным, мучительным и всепоглощающим занятиям добавилось еще одно, совершенно бессмысленное — ежедневная, неукоснительно соблюдаемая обязанность ходить на собрания, нередко продолжавшиеся по многу часов.

„Во время этих собраний, — рассказывал впоследствии свидетель, — 60% слушателей-крестьян спали, измученные целодневной работой и скучной речью, которой они не понимали”.⁶⁸

Агитаторы тоже нередко попросту отбывали повинность:

„Предвыборную агитацию, — вспоминает чиновник городской управы г. Львов, — начали с изучения конституции, которое проводили следующим образом: после служебных занятий всех работников собирали в одной комнате, приходил какой-нибудь советский солдат и читал вслух отдельные параграфы конституции по-украински, время от времени спрашивая „поняли?“, и присутствующие кивали головами”.⁶⁹

Нередки были речи, а еще чаще — зачитывание пропагандистских брошюр (часто читали также конституцию и историю

ВКП/б/) на языке, непонятном для собравшихся.⁷⁰ Иногда лектор, не владеющий польским языком, приводил с собой переводчика, и тогда собрание затягивалось до бесконечности.

Работники почты № 1 в Станиславе должны с благодарностью вспоминать своего начальника, который просто раздал им брошюрки с текстом конституции, велел выучить их на память и обещал повышение всем, кто позднее сдаст у него экзамен на „хорошо”.⁷¹

Когда ораторы, выступавшие на собраниях, сравнивали советский строй со скандальными порядками в довоенной Польше, пелена скуки ненадолго рассеивалась, и публика или впадала в изумление или взрывалась смехом. Так, лектор, выступавший в Белгоспроекте (до этого — Бюро регионального планирования в Белостоке) с разъяснением сталинской конституции и советского избирательного права, сказал, что теперь каждый голос будет считаться одинаково, тогда как в Польше до недавнего времени тот, у кого было больше долларов, мог подать больше голосов, чем тот, у кого долларов не было.⁷² Такие вздорные высказывания уничтожали весь эффект пропагандистской работы. Это немедленно отметил один из участников собрания в Белгоспроекте (кстати, симпатизировавший новому строю). Этот инженер возмущался тем, что подобных неучей посылают в учреждение, где каждый работник имеет по меньшей мере среднее образование!

Следует отметить, что работа пропагандиста среди людей, которым еще только предстояло понять роль общества и общественного мнения при советском строе, была тяжелой и не лишеной горьких переживаний. Так, в Старый Двор из НКВД „прислали на десять дней двух агитаторов, потому что их предшественников высмеяли”.⁷³ В деревне Богуше женщины высмеяли некоего Грибоедова, приехавшего из Минска в качестве агитатора.⁷⁴ Мельник Владислав Бучковский вспоминает о характерном случае на митинге в Злотковицах. Когда местный оратор начал расхваливать СССР, его жена, присутствовавшая на митинге, вырвала из ближайшего тына кол и побила его.⁷⁵ Позднее эту горячую женщину, как и многих других, кто на первом этапе предвыборной кампании принимал выступления ораторов слишком всерьез, арестовали. Вначале на митингах еще

задавали вопросы, и начальство сурово обходилось с неумелыми агитаторами. Если на предвыборных собраниях случались скандалы, их следствием были аресты.⁷⁶

Понимая, что за „20 лет буржуазной пропаганды могли укорениться предрассудки“, агитаторы вначале пытались успокаивать слушателей: „говорили, что нынешние большевики отличаются от большевиков времен русской революции, что нынче у них нет самоуправства, на все есть законы, работа идет по плану“⁷⁷; „говорили..., что будет так же, как было, несмотря на смену власти“.⁷⁸ Кое-где ссылались на историческую необходимость и призывали примириться с произошедшим, так как все равно ничего нельзя изменить. Утверждали, что Польша никогда не воскреснет, и на ничью помощь рассчитывать нечего, что советская власть скоро утвердится и в Англии, и в Америке и даже в Германии и вообще на всем свете“.⁷⁹

„Сначала комиссар сообщил, что в этот памятный исторический день мы стали гражданами СССР, и добавил: учтите, там, куда вступили большевики, там они и останутся. Он обратился к собравшимся с предложением выступить. Вышел Дымон, житель ближнего села, который вручил комиссару список. Когда комиссар спросил, что это, тот ответил, что это список вредных людей, которых следует устранить как польских патриотов. Комиссар взял список, но после долгого раздумья сказал, что раз было государство, должны были быть и патриоты“.⁸⁰

Как же было не поверить такому справедливому человеку? К тому же новая историческая эпоха, судя по тому, что о ней говорили, не лишена была хороших сторон. Например, в СССР не платят налогов.⁸¹

„Советский Союз — самая богатая страна в мире, здесь есть миллионы фабрик, автомобилей, пушек, танков, тракторов и 665 тысяч комбайнов. — Он говорил, что советские рабочие, как господа, каждый год ездят в отпуск на курорты... Он утверждал, что 65-летние рабочие получают пенсии и что неправда, будто их используют на мыло, как утверждают

злобные контрреволюционеры. Старики у них окружены заботой. Безработицы и нищих у них вообще нет. У колхозников есть мебель, коровы, даже швейные машины и патефоны".⁸² Говорили, что кино у них бесплатное и все есть, даже шахты для добычи сахара („он думал, что поляки темный народ, и никто не знает, что сахар делают на заводе"⁸³). „При этом обещали, что привезут сахар, соль, конфеты, керосин, кожу, водку и одежду. Когда спрашивали, почему до сих пор не привезли, отвечали, что надо расширить железнодорожную колею".⁸⁴

Иногда преподавали практический курс советского парламентаризма: „Население учили на митингах, как надо голосовать; например, агитатор называл фамилию кандидата и спрашивал толпу, кто за, а кто против; при этом он поднимал руку и объявлял соответственно „все" или „никто". Толпа, развезенная таким митингом, кричала вместе с ним — „все!" или „никто".⁸⁵ Однако на вопросы принципиального свойства ответы давались серьезные:

„Когда спрашивали, зачем это голосование, отвечали: у вас нет правительства, вы должны присоединиться к Советскому Союзу и выбрать депутатов в Верховный совет. На вопрос, выберем ли мы своих кандидатов, отвечали: вас это не касается, мы их назначим, а вы будете за них голосовать. Тогда мы говорили, что так голосовать не будем, а нам на это ответили: для тех, кто не будет голосовать, у нас есть надлежащее место".⁸⁶

С приближением выборов атмосфера сгущалась, и людям все больше становилось не до смеха. Все реже смеялись они над ораторами, угрозы и репрессии все чаще достигали результата: люди начинали бояться. В Анджееве „за две недели перед выборами нельзя было вечером зайти к соседу. Если кого-либо ловили вечером не у себя дома, сразу же арестовывали и обвиняли в агитации против выборов".⁸⁷

Обширные отрывки из выступлений ораторов полувековой давности цитируются здесь ни в коей мере не для того, что-

бы позабавить читателя (хотя свидетели событий, наверняка, не раз падали со смеху), а для того, чтобы показать ужас того времени. Жители Западной Украины и Белоруссии по мере разворачивания предвыборной кампании начинали осознавать, что они оказались в тисках абсолютной власти. Полный произвол в мерах наказаний, вынуждавших присутствовать на собраниях, полная бессмыслица текстов, с которыми обращались к ним в рамках предвыборной кампании, — все это характеризовало их новое положение: против произвола и капризов новой власти не у кого было искать помощи и бессмысленно было взывать даже к здравому смыслу.

Интересный аспект октябрьских выборов кратко описал крестьянин из Глубокого, сказавший о выборах, что „никто не знал, почему и для чего”.⁸⁸ Так именно и было. В сообщениях со всех оккупированных территорий многократно повторяется, что жителям Западной Украины и Западной Белоруссии цель выборов была неизвестна.⁸⁹ Более или менее было ясно, что речь идет о выборе делегата в какое-то национальное собрание, но чем это собрание должно заниматься, уже было понятно гораздо меньше.

„Голосовали за какие-то фамилии, — рассудительно сказал один крестьянин из Каписк-Новых, — а не за принадлежность”.⁹⁰

Некоторые думали, что это какие-то „временные” выборы, только на время войны, вероятно потому, что сеть администрации, установленной Советами, имела в названии слово „временная”.⁹¹ Лишь немногим представлялось, что из всего этого может возникнуть „свободная” Белоруссия или Украина.⁹²

В городах знали лучше, чем в деревне, какова формальная цель выборов. Неясность усиливалась тем, что в ходе предвыборной кампании чаще всего оперировали общими рассуждениями (читали конституцию СССР и историю ВКП/б/, рассказывали о жизни в колхозах и т. п.). К тому же о Польше говорили только в прошедшем времени. Признавалось уже совершившимся фактом, что Советы пришли, чтобы остаться.

„Присоединение северо-восточных территорий Польши к

СССР было совершившимся фактом, и никто из официальных представителей СССР никогда не говорил, что выборы — это плебисцит”.⁹³

Стиль и содержание пропагандистских бесед о присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР не оставляли сомнений, что дело это решенное. Так, „Червоны штандар” в канун выборов поместил на первой странице статью под заголовком, отпечатанным жирным шрифтом: „Присоединение к Советскому Союзу — это воля народов Западной Украины”. Читатели газеты, которых интересовали не только заголовки на первой странице, давно уже знали, что должно произойти. Цитированные выше Тимошенко и Корнейчук не допускали сослагательного наклонения, а только утвердительное, описывая будущее Западной Украины в общей советской отчизне. Так, статья в номере от 15 октября 1939 г. (написанная, по сообщению ее автора, для успокоения дезориентированного общественного мнения) недвусмысленно представляет официальное мнение советских властей:

„В последние дни враги трудящихся упорно распространяют лживые и явно провокационные слухи о том, что подразделения Красной армии якобы намерены оставить занятые территории Западной Украины. В качестве примера враги приводят факт передачи Советским Союзом Вильнюса и Виленской области Литве. Пропагандисты и агитаторы должны разъяснить местному населению, что эти и им подобные провокационные и клеветнические слухи не имеют ничего общего с действительностью... Границы СССР, установленные на Западе на основе договора с Германией, прочны и нерушимы”.

Сомнительно, чтобы это циничное сообщение успокоило общественное мнение, но оно наверняка утвердило читателей в убеждении, что предстоящие через неделю выборы — это фикция, а что будет после этих выборов неясно, ибо о том, какие земли куда присоединить — Вильно к Литве, Львов к Киеву или Белосток к Минску — об этом советские власти прекрасно

сумеют распорядиться сами. А поскольку кроме того ходили слухи о радиопередачах из Лондона, в которых якобы говорилось, чтобы „все действовали по своей воле и голосовали так, как хотят большевики, потому что это голосование никакого значения не имеет”,⁹⁴ то уже все потеряли всякое понимание происходящего; пробуждались лишь сомнения и неясное чувство, что раз уж настолько неизвестно, как обстоят дела, и все настолько бессмысленно, то должны быть во всем этом какие-то скрытые планы и цели. Только какие?

ПРИМЕЧАНИЯ

Цитируемые архивные материалы складываются в основном из ответов на анкету, распространенную Особым историческим отделом Польской армии на Востоке (так называемой армии Андерса) среди солдат и семей военнослужащих, эвакуированных из СССР в Иран в 1942 г. Анкета, состоявшая из семи вопросов, касалась выборов октября 1939 г. и начального периода советской оккупации. Респонденты указывали свои фамилии, возраст, место жительства перед войной и профессию. Как правило, анкеты нумеровались. В настоящее время эти документы находятся в Гуверовском институте (ГИ) в Калифорнии. В сносках приводятся названия собраний: 1) Polish Government Collection (PGC); 2) Anders Collection (AC) или Poland; 3) Ambassada USSR Collection; кроме того указываются номер ящика (для PGC, где анкеты не расположены по номерам) и номер цитируемой анкеты (например, AC 1515, или PGC, ящ. 53, 2455). Если анкета не обозначена номером, приводится фамилия респондента – например, Poland, Ambassada USSR Collection, Ядвига Маевская. В 1944 г. в исследовательском центре, которым руководил профессор Виктор Сукенницкий, из этих анкет были сделаны выписки. В обработанных таким образом машинописных материалах ответы сгруппированы по повятам. В Гуверовском институте они хранятся в Polish Government Collection. При цитировании этих выдержек приводятся названия повятов (которыми озаглавлены также и сами выписки) и номера страниц. Часть материалов была сгруппирована по повятам; и позднее они были описаны в отдельных разработках. Поэтому можно найти, скажем, две машинописи, содержащие сообщения из Кременецкого повята. В случаях, когда цитируются разработки, в которых сгруппированы анкеты по нескольким повятам, ссылка обозначается звездочкой.

СНОСКИ

- 1 Ход выборов на Виленщине, присоединенной к Литве, был несколько иным; он шел в соответствии с ритмом поглощения Советским Союзом прибалтийских государств – Литвы, Латвии и Эстонии.
- 2 „Червоны штандар”, львовская газета, выходившая с первых дней оккупации (сначала как орган политуправления Украинского фронта, а позднее – как официальный орган обкома партии), определяет возникшее тогда же образование как Украинское национальное собрание Западной Украины. Время от времени встречается название „Временное национальное собрание Западной Украины и Западной Белоруссии”. В практике новой администрации вопрос о названии устоялся не сразу, хотя терминологические вопросы были важным элементом идеологии и подвергались внимательному анализу.
- 3 Public Record Office, FO 371/23103.
- 4 Согласно подробным сообщениям тогдашнего директора политического департамента литовского МИД, литовская делегация выехала на переговоры в Москву 3 октября. В обмен на отказ от Вильно и окрестностей Советы требовали согласия на размещение гарнизонов Красной армии по всей стране. Вначале литовцы не хотели соглашаться на такую сделку, и литовская делегация дважды курсировала между Москвой и Ковно (Каунасом), пока, наконец, 9 октября не был подписан договор с Советским Союзом. Отсюда, можно полагать, и происходила неуверенность в том, придется ли и в Вильно проводить выборы в октябре, или же город и округ будут „обработаны” в соответствии с планом позднейшего „освобождения” Литвы. См. Eduard Jurauskas, “Communist Diplomacy Exposed”, Bulletin No. 2, Lithuanian Information Service, N. Y. Feb. 1941.
- 5 „Червоны штандар”, 6 октября 1939 г.
- 6 ГИ СА, 7624.

- 7 „Червоны штандар”, 14 октября 1939 г.
- 8 „Червоны штандар”, 8 октября 1939 г.
- 9 A. Wyszynski, *The Law of Soviet State*, Macmillan, N. Y., p. 695. Перевод с русского издания 1938 г.
- 10 „Червоны штандар”, 8 октября 1939 г.
- 11 Возьмем, например, кандидатуру Адама Полевки, краковского писателя, происходившего из пролетарской семьи. В начале октября, — рассказывал он впоследствии Михаилу Борвичу, — пришли ко мне во Львове три энкаведешника. Полевка был убежден, что неожиданные гости пришли его арестовывать, ибо у них были серьезные мины и они, не теряя времени, начали выпрашивать его биографические данные, сверяя ответы с записями в картотеке, принесенной ими с собой. Вдруг в конце этого изматывающего разговора один из советских встал, пожал Полевке руку и сообщил: „Да, вы будете депутатом Верховного совета”. И действительно, вскоре Полевку „выбрали”, и лишь через пару месяцев ему удалось убежать в оккупированную немцами часть Польши (M. Borwicz, *Jnzenerowie dusz, “Zeszyty Historyczne”*, 1963, str. 141); ср. также ГИ СПП, сообщения 2965, 3036).
- 12 Минск, 33, Яворов, 19, Калуш, 30, Лунинец, 25, Ровно, 58; ГИ Ambassada USSR, Аделя Яворская.
- 13 „Червоны штандар”, 15 октября 1939 г., „Правда”, 14 октября 1939 г.
- 14 „Червоны штандар”, 15 октября 1939 г.
- 15 „Газета львовска” уже 6 октября сообщает о многочисленных собраниях в местечках и селах Западной Украины. „Мы уверены, — так звучит резолюция, принятая, например, на митинге жителей села Зашковице, — что наши мысли и стремления согласуются со стремлениями всего народа Западной Украины, и мы просим о принятии нас в великую семью народов Союза Советских Социалистических Республик”.

- 16 „Червоны штандар”, 14 октября 1939 г.
- 17 Ломжа 41а, Вилейка 24, Несвиж 38, Молодечно III. 4, Дрогобыч 25–26, Здолбунов 56, Белостоцкий повят 21, Шучин 17, Несвиж 39, Самбор 24, Рудки 13, Новогрудски повят 29, Пинск 33, Пружаны 17, Лида 17.
- 18 И. Я. Кошарний, У сузір'ї соціалістичної культури, Льв. 1975, вид. ЛДУ, стор. 39.
- 19 НІ, Poland, Ambassada USSR, ящ. 48, Мария Сайя.
- 20 Несвиж 39.
- 21 Ровно 22.
- 22 Вилейка 23, Ходоров 7, Бобрка 16, Яворов 19, Ковель 33, Скалат 23.
- 23 НІ, PGC, ящ. 95, 9738.
- 24 В „Правде” от 16 октября 1939 г. сообщается об агитпоезде, вышедшем из Кисва 15 октября по маршруту Сарны–Здолбунов–Львов. В составе поезда было 10 вагонов: вагон-музей имени Шевченко, вагон-клуб с киноаппаратурой, вагон-редакция, артисты железнодорожного ансамбля музыки и пляски и агитаторы. См. также Ломжа 41а; Остроленка 7; Вилейка 24; Добромил 13; Дрогобыч 25; Пинск 33; Рудки 13; Пружаны 17; Мосьциска 18.
- 25 Дрогобыч 24. См. также НІ PGC, ящ. 234, 7401, Дзисна 22, Пинск 33, Кременец 56, Белостоцкий повят 34.
- 26 НІ, PGC, ящ. 102, 2960.
- 27 Сокольский повят 28, НІ, PGC, ящ. 99, 6589.
- 28 Лида 20, Костополь* 13, Ошмяны 65, Косов Полесский 20, Любомиль* 8, Вилейка 25, Ломжа 39.

- 29 Браславский повят 15.
- 30 Дубно*19.
- 31 Белосток 35, Мосьциска 18, Белостоцкое воеводство 21, Коломыя 39, Владимир-Волынский 20.
- 32 Юзеф Подбельский, лесник из Сосновик, писал, что хотя „в предвыборный период было разрешено из государственных лесов брать без всяких ограничений и бесплатно строительные материалы и топливо, ... но сразу после выборов было приказано под угрозой судебной ответственности взятое дерево отвезти на лесопилку” (НІ, РГС, ящ. 101, 2982).
- 33 НІ, РГС, ящ. 97, 7227, ящ. 98, 2246.
- 34 НІ, РГС, ящ. 10, 1698.
- 35 Дубно 58.
- 36 Самбор 23.
- 37 Перемышль 39, Луцк 41, Молодечно III.3, интервью со Львом Васылем, Нью-Йорк, весна 1981 г.
- 38 НІ, РГС, ящ. 95, 6130.
- 39 НІ, РГС, ящ. 105, 7997, Ср. также Пинск 34, РГС, ящ. 95, 8449, ГИ Ambassada USSR, ящ. 46, Стефан Огородник.
- 40 „В первых числах октября, – вспоминает Францишек Сыздаль, учитель из Гиревич, – приехал лейтенант с каким-то гражданским, как оказалось, инженером из Москвы, мобилизованным на политрабату. Они сообщили мне, что собираются провести митинг, и поскольку я имею влияние на местное население, я должен выступить на митинге и при этом – по-русски. На вопрос, почему по-русски, а не по-польски, они сообщили, что не все меня поймут: речь шла именно о них, как о контролирующей стороне. Я пытался отговориться незнанием русского языка,

но к этому они были подготовлены: речь уже была готова и написана, оставалось только зачитать ее. В тот момент я еще не отдавал себе отчета, к каким последствиям приведет отказ, и все же отказался.. Ничего я от этого не потерял, так как впоследствии оказалось, что арестовывали и тех, кто в первую минуту по слабости характера отреклись от своих принципов” (НІ, РГС, ящ. 96, 7579).

- 41 Ломжа 41, Лида 23, Кобрин 30, Пружаны 23, Луцк 49, Горохов 27, Кременец*237, Ровно*26.
- 42 Вилейка 25, Молодечно III.5, Новогрудски повят 29, Щучин 17, Пинск 33, Дрогобыч 25, Грудек Ягеллонский 15.
- 43 Мосьциска 18, Кобрин 25, Ровно*24, Ошмяны 65.
- 44 Самбор 23, Бобрка 16, Луцк 43, Горохов 21, Надворна 31.
- 45 Дрогобыч 24, Костополь 56, Кременец*20, Ровно 56, Здолбунов 18, НІ, РГС, ящ. 100, 3294.
- 46 Самбор 23, Грудек Ягеллонский 16, Здолбунов 56, НІ, РГС, ящ. 101, 6844.
- 47 НІ, РГС, ящ. 97, 7325.
- 48 НІ, РГС, ящ. 95, 1025.
- 49 Скалат 24.
- 50 Горохов 19, Молодечно III.6, Долина 37.
- 51 Пружаны 17.
- 52 Косув Полесский 20.
- 53 Новогрудский повят 29.
- 54 Кременец* 19.

- 55 Кобрин 25, Перемышль 33, Ковель 35, Снятын 28, Блостоцкий повят 22.
- 56 „Если кто из более смелых не шел на митинг, то его отмечали, на следующий день к нему в дом приходил сам коммунист с вопроса-ми: ты, почему, товарищ, не был на митинге? Что, тебе не нравится советская власть? Помни, кто не с нами, тот против нас. Мы таких врагов Советского Союза уничтожаем. После таких угроз, кто хотел и кто не хотел, на митинг должен был идти” (Ошмянский повят, без номера страницы).
- 57 Скалат, 23–24.
- 58 Долина 39, См. также Н1, РГС, ящ. 104, 2318, ящ. 102, 6581, ящ. 98, 4887.
- 59 Этот лесничий из Травы Сольней, Санокского повята, ходил на регистрацию „ночью в 11 часов, две мили, при регистрации записали всю мою биографию. Каждый человек должен был под принуждением идти на регистрацию, и при том в основном – на назначенный час” (Санок 16).
- 60 Жидачев 17, Пружаны 30, Перемышль 43, Здолбунов 64, Ровно 64, Самбор 26, Дрогобыч 28.
- 61 Яворов 22.
- 62 Перемышль 61, Горохов 27, Белосток 39, Н1, РГС, ящ. 10, 7047.
- 63 Н1, РГС, ящ. 104, 2318.
- 64 Любачев 21, Дрогобыч 30, Перемышль 43, Здолбунов 64, Грудек Ягеллонский 18, Вилейка 29, Лида 22, Самбор 27, Браславский повят 17.
- 65 Ср., например, Anna Jedrychowska, *Zygzakiem i po prostu, Warszawa. Czytelnik, 1965, str. 291* и далее: Marian Naszkowski, *Lata proby. Warszawa, Ksiazka i Wiedza, 1965, str. 115, 116, 121*; Maria Turlejska,

Prawdy i fikcje, Warszawa, Książka i Wiedza, 1968, str. 275; Беседа с Владзимежем Брусом, Оксфорд, лето 1980 г.

- 66 M. Borwicz, Jnzenierowie Dusz, "Zeszyty Historyczne", P., 1963, str. 141.
- 67 НІ, РГС, ящ. 100, 2212.
- 68 НІ, РГС, ящ. 95, 6590.
- 69 НІ, РГС, ящ. 234, 2594.
- 70 Дрогобыч 24, Ломжа 41, Белосток 32, Весвиж 39, НІ, РГС, ящ. 10, 5146, 4450.
- 71 НІ, РГС, ящ. 98, 7743.
- 72 НІ, РГС, 4796.
- 73 НІ, РГС, ящ. 96, 11074.
- 74 Сокольский повят 29.
- 75 НІ, РГС, ящ. 99, 2224.
- 76 Белостоцкое воеводство 21, Несвиж 38, НІ РГС, ящ. 101, 2181, ящ. 10, 3458, ящ. 103, 2193.
- 77 НІ, РГС, ящ. 102, 898.
- 78 НІ, РГС, ящ. 97, 6026.
- 79 Ломжа 39, Вилейка 23–24, Пинск 30, Кобрин 25, Лида 19, Лунинец 26, НІ, РГС, ящ. 97, 10268, ящ. 98, 2828.
- 80 Постаўский повят 20.
- 81 НІ, РГС, ящ. 100, 10097.

- 82 Несвиж 39.
- 83 НІ, РГС, ящ. 101, 8107.
- 84 Лида 20.
- 85 НІ, РГС, ящ. 97, 3098.
- 86 НІ, РГС, ящ. 96, 993.
- 87 Острів 12.
- 88 Щучин 30.
- 89 Ломжа 56, 71, Белосток 55, 56, Острів 13, Сокольский повят 41, Поставский повят 32, Вилейка 40, Дзисна 36, 37, Браслав 13, 14, Новогрудский повят 39, 40, Лида 16, 17, Несвиж 53, Самбор 36, 37, Пинск 29, 30, Лунинец 39, Добромилъ 22, Бобрка 17, Скалат 31, Перемышль 62, 63.
- 90 Ломжа 71.
- 91 Несвиж 53, Бобрка 17, Луцк 59, Владимир-Волынский 31.
- 92 Косув Полесский 17, Дубно 52, Ровно* 22.
- 93 Браславский повят 14.
- 94 НІ, РГС, ящ. 96, 859. См. также ящ. 97, 3944, ящ. 100 5877.

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Генри Киссинджер

ОДЕРЖИМОСТЬ РАЗОРУЖЕНИЕМ*

В начале 1987 года небольшая делегация, в составе которой был и я, встретила в Москве с Горбачевым. Он спросил меня, почему я выступал против рейкьявикской формулы, основные элементы которой стали составной частью американо-советского договора о ликвидации ядерных ракет средней и меньшей дальности, ратификация которого зависит от одобрения сената. Я ответил, что некоторые американцы стремятся к заключению договоров независимо от их содержания; другие выступают против любых договоров, независимо от их содержания. Я же отношусь к третьей группе американцев — заинтересованных в заключении только таких договоров, которые действительно приведут к существенным изменениям. Горбачев спросил было, что, по моему мнению, может привести к таким изменениям, однако, видимо, счел нецелесообразным обсуждать при свидетелях альтернативу благоприятной для СССР рейкьявикской формуле и перешел к другим вопросам.

Эта статья — как бы продолжение прерванной тогда в Москве дискуссии относительно возможностей подлинных изменений в американо-советских отношениях.

* Статья была написана для газеты „Лос Анджелес Таймс” в январе 1988 г.

Ядерные сверхдержавы, концентрирующие внимание на взаимном сокращении ядерных арсеналов, не замечают, что возникают новые центры влияния, которые к началу будущего века наверняка ограничат ныне решающее влияние сверхдержав. Опыт истории учит, что при этом возникает политическая напряженность, продолжающаяся годы, а иногда и десятилетия. Этот опыт свидетельствует и о том, что

1) почти все войны были вызваны не гонкой вооружений, а неспособностью решить основные политические проблемы;

2) сдерживание посредством обычных вооружений почти никогда не срабатывало.

К сожалению, рейкьявикская формула, которая привела к заключению договора о ликвидации ядерных ракет средней дальности и выдвинула нереальную цель ликвидации всех ядерных вооружений, начав с демонтажа стратегических ядерных вооружений, девальвировала идею ядерного сдерживания.

В результате становится еще более насущным политическое решение существующих конфликтов, поскольку их эскалации обычные вооружения не в состоянии будут воспрепятствовать. О необходимости политического диалога говорят довольно много, однако на высшем уровне все еще не уделяют первоочередного внимания идее переговоров.

Уже сейчас намечаются политические контуры мира к 2000 г.:

Япония станет значимой военной державой, когда ее расходы на оборону достигнут 2% валового национального продукта, а с учетом расходов на проекты, связанные с обороной, такие как космические исследования, превысят 2%.

Китай в результате экономических реформ усилит как свою военную мощь, так и влияние на международные отношения.

Индия, самая могущественная страна Южной Азии, в будущем еще более укрепит свое положение. Эта страна уже сейчас демонстрирует готовность прибегнуть к силе для достижения своих внешнеполитических целей.

Усилятся сплоченность стран Западной Европы в политической, экономической и военной сферах, отчасти это будет реакцией на то, что они оказывались в стороне, когда решения об их безопасности принимали сверхдержавы.

Безусловно, усилится нажим развивающихся стран, которые будут требовать более значимой роли в международных делах, большей доли всемирного богатства.

Ни разу в истории столь широкие перемены, причем в самых различных частях мира, не проходили одновременно. В прошлом возникновение даже одного нового силового центра сопровождалось десятилетиями волнений и конфликтов, пока не устанавливался — обычно в результате войны — отражающий новую реальность баланс сил. Если Советский Союз и в дальнейшем будет нагнетать напряженность во всех региональных конфликтах — от Персидского залива до Анголы, от юго-восточной Азии до Никарагуа — поставками оружия, разведывательных данных и политической поддержкой дружественных политиков, то некоторые из этих конфликтов наверняка выйдут из-под контроля и приведут к катастрофическим последствиям. Военное столкновение между Соединенными Штатами и СССР неизбежно ускорит снижение роли обеих сверхдержав и перемещение центра тяжести в другие районы мира.

Не знаю, как прореагировал бы Горбачев на эти мои соображения, но я убежден, что аргументы, базирующиеся на идее равновесия сил, более значимы для лидера, который продвигался по служебной лестнице в партии, подчеркивающей решающую роль „объективных факторов”, нежели сентиментальные надежды на личную симпатию и приглашения познакомиться с американской жизнью и увидеть бассейны в садах особняков.

Наш диалог с Горбачевым, однако, не состоялся. Наиболее консервативная из всех послевоенных американских администраций просто одержима вопросами контроля над вооружениями и улучшением личных контактов с советским руководством. Договор называют историческим, поскольку в соответствии с ним уничтожаются два класса ядерных вооружений, и при этом шизофренически утверждают, что этот договор не создает угрозу безопасности, поскольку необходимые военные акции могут быть осуществлены оставшимся ядерным арсеналом. Тем самым договор стал своей собственной наградой.

Эйфория во время визита Горбачева в США в ретроспективе выглядит как эскапизм, который, в свою очередь, является реакцией на симптомы, а не на причину болезни. В действитель-

ности латентный политический кризис может быть ускорен вследствие постепенного падения роли Соединенных Штатов как лидера и опасности, которая может возникнуть, если Советский Союз, учитывая стремление Запада к спокойному существованию — даже временному — поддастся соблазну изменить соотношение сил в свою пользу.

Развитие технологии со временем неизбежно ограничит ядерное превосходство Соединенных Штатов. Тем не менее, решения американского правительства ускорят этот процесс, не принимая мер по модификации этого положения. Сочетание неблагоприятного положения в области обычных вооружений и — в лучшем случае — паритета в области ядерного оружия уничтожения плюс — де-факто — отказ от стратегической оборонной инициативы раньше или позже деморализует союзников Соединенных Штатов, полагавшихся на защиту Соединенных Штатов. В случае, если не будет достигнуто равновесие в области обычных вооружений — либо путем производства дополнительных вооружений, либо путем переговоров о достижении такого равновесия, возникнет возможность советского шантажа США. Политика в области вооружений и контроля над вооружениями будет в таких условиях определяться кратковременными внутривнутриполитическими целями. Как только Советский Союз осознает, что соображения экономического характера, по всей вероятности, воспрепятствуют росту обычных вооружений, это ослабит позицию Запада в переговорах по достижению равновесия в этой области.

Не исключено, что Горбачев совершенно искренне стремится к передышке: внутреннее положение СССР оставляет ему мало возможностей. Но мы потребуем от него невозможного, если будем ждать уступок, о которых мы не просили, и отказа от шансов, преподнесенных ему на тарелке. Осторожные стратеги в Кремле наверняка понимают описанный мной выше процесс исторических перемен и не могут не видеть, что почти все потенциальные силовые центры формируются на границах СССР. Если этот процесс будет успешным, советский экспансионизм будет сдерживаться не силами США, а в результате усиления пограничных с СССР государств и укрепления сотрудничества между ними. Географическое положение этих новых силовых центров

делает их более уязвимыми при советском преимуществе в обычных вооружениях. Не исключено, что нынешняя политика Запада стимулирует политику СССР нейтрализовать эти пробуждающиеся державы до того, как они существенно усилятся.

Предложения, сделанные в Рейкьявике, имеют важнейшее значение. Однако вместо укрепления стабильности, они с течением времени могут разрушить то здание, которое при сотрудничестве обеих американских партий США строили 40 лет. Чем бы советские руководители ни обосновывали эти предложения, их последствия могут оказаться благоприятными только для СССР: в Европе усилятся ощущение бессилия, которое может привести к сепаратным соглашениям между государствами Западной Европы, в частности, ФРГ и Москвой. Кроме того, советское руководство будет пытаться добиться уступок со стороны Китая еще до того, как экономическое развитие этой страны сделает ее более стойкой (предложение Горбачева о проведении советско-китайской встречи в верхах является, возможно, первым шагом в этом направлении). Такого рода результаты, в свою очередь, заставят Японию приспособиться к новым реалиям и положиться в деле обеспечения независимости государства только на свои уникальные общественные и политические институты.

При этом Америка-цитадель — мечта столь многих изоляционистов — превратится в осажденную Америку.

Короче, нынешняя политика Запада, ограничивая возможности противостояния угрозе, рискует, в перспективе, подвергнуть Запад опасности, хотя вначале такой риск будет не очень заметным. Слишком многие политические и общественные деятели демократических государств оправдывают нынешний курс, приравнивая Восток к Западу в нравственном отношении. Это притупляет чувство опасности и чувство перспективы. Особенно у более молодых. Наиболее парадоксально, что уступки Запада рассматриваются как достижения Горбачева без учета той роли, которую в этом процессе сыграл Рейган.

Очень важно, необходимо вести переговоры с Советским Союзом. Современная технология давит на сверхдержавы, вынуждая их к сосуществованию. Личность Горбачева в сочетании с трудностями, которые в настоящее время переживает Советский

Союз, могут предоставить новые возможности для достижения этой цели. Однако такой процесс не автоматичен, его нельзя базировать на личных отношениях между руководителями государств. Напротив, переговоры с СССР должны основываться на серьезном анализе долговременных интересов и учитывать следующие факторы:

1. „Гласность” и „перестройка” представляют собой попытку модернизации советского государства. Это внутреннее дело СССР касается демократических государств Запада лишь постольку, поскольку оно сопровождается изменениями во внешней политике Советского Союза.

2. Любая перемена во внешней политике должна отразиться в конкретных переговорах по политическим вопросам. Эти переговоры должны касаться очагов напряженности: где и какие меры допустимы, при каких условиях и куда разрешается посылать оружие, где осуществлять разведывательную деятельность? На переговорах должны рассматриваться и комплексные вопросы, например, меры по предотвращению конфликта еще до его возникновения. В этом аспекте возможный вывод советских войск из Афганистана важнее переговоров по каким-либо другим вопросам.

3. Проходящие в настоящее время американско-советские переговоры по контролю над вооружениями слишком односторонни. Не следует принимать дальнейших мер по контролю над вооружениями, если они не будут увязаны с сокращением советских обычных вооружений. Поскольку в этой области Советский Союз обладает значительным преимуществом.

4. Без промедления следует уделить особое внимание достижению равновесия в области обычных вооружений. При определении такого равновесия необходимо отбросить цифровые показатели вооруженных сил и вооружений, поскольку, согласно преподанным нам историей урокам, победу одерживает не общая численность вооруженных сил и вооружений, а способность сконцентрировать их в решающей точке. На переговорах по сокращению обычных вооружений, которым прежде не уделялось достаточного внимания, продуманная концепция важнее, чем при обсуждении других вопросов контроля над вооружениями. Если решение по обычным вооружениям не будет

достигнуто быстро, то намеченные переговоры по ядерным вооружениям станут ловушкой, и их исход определится лозунгами и внутривнутриполитическими соображениями. Советские представители уже сейчас предлагают сократить число своих танков взамен на сокращение численности западных самолетов, но это был бы еще один шаг к ослаблению Европы перед советскими ядерными вооружениями и к дальнейшему ограничению возможностей Соединенных Штатов нанести ответный удар с европейской территории. Такое соглашение было бы также шагом к отдалению Европы от Соединенных Штатов.

5. Первоочередная задача американской политики — определение (в сотрудничестве с союзниками США) жизненно важных интересов демократических стран, методов защиты этих интересов и позиции на переговорах с СССР.

Определение такой стратегии — сложная, но поддающаяся решению задача. Принимая во внимание состояние экономики обеих сторон, можно сказать, что демократическим странам Запада легче сохранить равновесие сил в мире, нежели Советскому Союзу изменить это равновесие в свою пользу. Демократическим государствам ни в коем случае не следует действовать под влиянием советского лидера, каким бы способным и обаятельным он ни был, поскольку они обладают всем необходимым для самостоятельного определения своего будущего.

XX-Я ГОДОВЩИНА ВТОРЖЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

„ПРАЖСКАЯ ВЕСНА” И „ПЕРЕСТРОЙКА”

(Ответы Александра Дубчека на вопросы корреспондентов
органа компартии Италии „Унита”)*

В этом году исполняется двадцатая годовщина „Пражской весны”. В Советском Союзе — в партии и обществе — высказываются идеи и предложения, которые представляют собой суть чехословацкого курса 1968 г. Что же думаете вы, главный представитель „нового чехословацкого курса”, о горбачевской перестройке?

Дубчек: „Перестройка” неизбежна — объективно и субъективно. Это ответ на насущные проблемы всего социалистического сообщества. Поэтому я ее приветствую и поддерживаю. Я вижу ее глубокую внутреннюю взаимосвязь с проблемами, которые стояли перед нами 20 лет назад, однако в Советском Союзе эти проблемы несколько модифицированы местом и временем. Прошло много времени, особенно если учесть, чего можно было добиться за двадцать лет „нового курса” — для нашего государства, для социализма и социалистического движения. В то же время я ощущаю и 1968 г., и начало „пражской весны”, которое можно отнести к октябрю 1967 г., как совсем недавние события. Нынешние события в СССР во многом подтверждают жизнеспособность и актуальность наших идей.

Я буду говорить откровенно и о настоящем, и о будущем. Ваше обращение ко мне как к главному представителю „нового

* Перевод дается в сокращении. — Ред.

курса” я рассматриваю как проявление дружественного отношения, однако я считаю, что в нашем движении, как и в любом другом, главным представителем был народ. ЦК возглавил этот народ, выдвинув притягательную для наших граждан программу. Меня же избрал ЦК, и я оставался одним из его членов.

Я не утверждаю, что за истекшие 20 лет ничего не было сделано в ЧССР. Сделано было много — талантом и трудом нашего народа. Остались, однако, нерешенными основные проблемы — в политике, экономике, культуре, общественной системе, хотя на несколько ином уровне. Когда-то наша республика была в числе десяти наиболее развитых в промышленном отношении государств. Сейчас мы находимся почти на двадцатом месте. Не следует при этом механически сравнивать ЧССР и СССР, наш 1968 г. и нынешний период перестройки в Советском Союзе. Время породило новые идеи, стремление не только мыслить по-новому, но и по-новому поступать — на родине и на международном форуме. Огромный прогресс был достигнут в научно-технической области. Говорят уже о четвертом этапе научно-технической революции...

На октябрьском пленуме ЦК КПЧ (1967 г.) я выступил с инициативой новой политической программы, по ленинской терминологии, „программы-минимум”, и вскоре стал первым секретарем партии. Дальнейшее развитие этой программы вплоть до разработки в 1968 г. „Программы действий КПЧ”, было коллективным делом широкого партийного актива, в который входили представители всех ключевых областей нашей общественной жизни. Это был коллективный разум, синтез таланта людей, посвятивших себя „новому курсу”.

Я не ставлю знак равенства между происходившим в 1968 г. в КПЧ и ЧССР и ныне происходящим в КПСС и СССР. Такое отождествление было бы отрицанием особенностей, различий, специфики партий и государств. Время, однако, неопровержимо доказывает, что причины, побуждающие к переменам, идентичны в обеих странах — это необходимость более эффективного всестороннего развития социализма и общества, перевода его на качественно более высокую ступень, соответствующую давно начавшейся в мире научно-технической революции. Тожественна также неизбежность принципиальной перестройки

системы управления экономикой для более действенного сочетания плана и рынка, а именно: товарно-денежных отношений, показателей благосостояния и прибыли, эффективности, необходимость для этого децентрализации полномочий и передачи их производителям и, разумеется, демократизации...

Сходство заключается также в стимулировании инициативы и в плюралистическом подходе к удовлетворению интересов общественных, культурных и других социалистических организаций.

Тождество проявляется в необходимости провозгласить, нормативно оформить и повседневно осуществлять на практике социальную справедливость в соответствии с общественно-экономической заинтересованностью индивидуумов, коллективов и всего общества в окончательных результатах труда. Сходство — в идее всесторонней демократизации партии и общества, в развитии разнообразной (в том числе политической) активности и инициативы широких масс трудящихся, направленной на мобилизацию всех ресурсов и преимуществ социализма как притягательной альтернативы будущего...

Тождество выражается и в том, что выражено в „Программе действий КПЧ” от 5 апреля 1968 г. Таким образом, наша программа действий, принятая в 1968 г., исчерпывающим образом подтверждает сходство и параллели.

Инициатором процесса возрождения был ЦК КПЧ, осознавший ключевые проблемы развития нашей страны и обобщивший опыт не только социалистических государств, но и всей Европы. Предполагалось, что в процессе реформ будет устранено основное препятствие, тормозившее развитие страны, — догматизм общественного сознания. Следует отметить, что когда ЦК КПЧ встал на путь демократизации партии и общества, брежневское руководство шло уже по пути сдерживания демократизации. Чтобы понять наше движение, следует хотя бы коротко рассмотреть, что ему предшествовало. В стране уже несколько лет действовала социалистическая конституция, однако в нашем обществе, в его политической и экономической структурах положение было довольно неблагоприятным, поскольку оставались непреодоленными последствия беззакония 50-х годов. Речь шла не только о нашумевших „политических процессах”,

но и о десятках тысяч несправедливо осужденных чехословацких граждан. 1968 году предшествовал период многочисленных деформаций, экономической стагнации, вызванной применением административно-директивных методов управления. Провозглашалось, что у нас широчайшая демократия, и разрыв между теорией и практикой, между провозглашенными лозунгами и реальностью, между словами и делами постоянно увеличивался. Об этом можно было бы рассказать более пространно, но я думаю, что итальянские читатели и чехословацкие граждане достаточно хорошо ознакомлены с тем, что происходило в те годы в ЧССР.

На этом фоне зародилось в КПЧ движение за новое содержание, стиль и методы работы, отличные от прежних, когда партийные органы подменяли собой государственные вплоть до срастания с ними. К тому же высшие партийный и государственный посты занимал один человек. К принципиальным, серьезным общегосударственным проблемам следует отнести и безразличие к национальной политике, к отношениям между чехами и словаками, безразличие к проблемам молодежи, к культуре, традициям и т. п. Все это привело к известным пленумам ЦК КПЧ в октябре и декабре 1967 г., естественным развитием которых стал январский пленум 1968 г...

Исключительно важен проект закона о государственных предприятиях. В 1968 г. проект закона о социалистических предприятиях определил принципы деятельности рабочих советов. 20 лет спустя, безусловно, необходимы более фундаментальные, продуманные законопроекты о предприятии и предпринимательской деятельности. Люди должны не только почувствовать, что что-то происходит, эти ощущения должны опереться на что-то конкретное. Люди должны видеть, что в стране меняется атмосфера, создаются условия для объединения всех творческих сил общества на новой базе для осуществления подлинной перестройки. Необходимо покончить с угрожающими заявлениями, что происходящие в СССР и других социалистических странах перемены не имеют ничего общего с процессом возрождения Чехословакии в 1968 г.

... Нас вдохновляют больше всего слова Горбачева, что без развития в духовной сфере, без демократизации, без внедрения

социалистических и общечеловеческих ценностей перестройка не удастся. Если бы была опубликована Программа действий КПЧ от апреля 1968 г., то стало бы очевидным сходство этих стимулов. А сама программа могла бы содействовать выработке мер, соответствующих нынешним условиям в Чехословакии и за границей...

„Новый курс” — так назвал нашу политику Луиджи Лонго во время визита в ЧССР в 1968 г. Имеется если не тождество, то поразительное сходство основных идей и источников между советской перестройкой и политикой чехословацких коммунистов в 1968 г. Тождество же — в процессе возрождения, который задержался на 20 лет. Сказанное выше обуславливает советской перестройке мою поддержку и поддержку всех чехословацких коммунистов, разделяющих мои убеждения. Я утверждаю, что мы поддерживаем перестройку искренне и целиком...

Перестройка проходит в СССР: в то же время в других Странах Варшавского договора возникают осложнения при формулировании отношения к „процессу возрождения” и при проведении критического анализа кризиса социалистического общества. Почему возникают такого рода трудности?

Дубчек: Это проблемы не только стран Варшавского договора, но всех государств социалистического типа. Следовало бы объяснить также понятие „кризис” — как по существу, так и с учетом различий его проявления в разных странах. В СССР, например, говорится о преодолении предкризисных явлений. В Чехословакии же (в отличие от Венгрии в 1956 г. и Польши в 80-е годы) ЦК КПЧ возглавил курс на реформы, чтобы воспрепятствовать кризису. Обострение внутривластного (не экономического) кризиса произошло после 21 августа 1968 г. в результате обстоятельств, которые внесли коррективы в процесс возрождения, именно это обострило общественные противоречия.

Вернемся к вашему вопросу. Я хотел бы отметить, что различия между странами социалистического типа обусловлены исторически. Вступая на путь социализма, каждая из них отталкивалась от иной основы — экономической, политической,

общественной и культурной, и это, как стало очевидно позднее, далеко не всегда учитывалось. Коммунисты убеждены, что социалистические идеи отражают общественные отношения, потребности и интересы. В условиях ЧССР, где имеются традиции демократии, пусть буржуазной, эти идеи по форме отличались от принятых в странах, где правили различного толка диктаторы, а также в странах с более низким уровнем экономического развития, с иной стратификацией общества, с другим культурным прошлым. Все это, в том числе и принципиальный вопрос об отношениях между государствами социалистического типа, необходимо будет рассмотреть конкретно. В исторической перспективе, чтобы яснее увидеть дорогу вперед, такой подход, как мне кажется, уже вырабатывается. Об этом можно судить по некоторым заявлениям советского руководства. Я имею в виду не только провозглашение принципов равенства, сотрудничества и солидарности. Опыт показал, насколько необходимо соблюдать эти принципы на практике и уважать суверенитет других государств. Я хотел бы отметить, что после XXVII съезда КПСС, даже с момента подготовки новой программы КПСС, постоянно подчеркивается значение опыта отдельных государств, необходимость уважать этот опыт, обогащающий всех.

Развитие социалистических стран продемонстрировало, что политико-экономические кризисы могут возникать и при социалистическом общественном устройстве. Пусть эти кризисы не являются антагонистическими, но в учебниках, по которым учились мы, о них вообще не говорилось. Теперь же разрушен тезис, иллюзия, что нас кризисы не касаются, что они — продукт противоречий при капитализме, противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Практика социалистического строительства подтвердила, что экспроприация основных средств производства еще не означает их обобществления, что процесс этот требует адекватных общественно-экономических преобразований, реформ, которые привели бы развитие производственных отношений в соответствие с развитием производительных сил. Отставание производственных отношений приводит к кризисным явлениям и при социализме. Приведение их в соответствие, разумеется, не единовременный акт, а непрерывный процесс...

Непонимание роли труда в новых социалистических условиях по отношению к объему и структуре общественных потребностей, которые в рамках интеграции может удовлетворить социалистическое сообщество, является причиной экономических трудностей. Они обусловлены также недооценкой товарно-денежных отношений, роли рынка и т. п., но это уже последствия последствий, а не причины причин. Экономические деформации усугубляются и другими ошибками (например, ликвидацией мелкого ремесленного производства, приусадебных хозяйств и т. д.). Практика и развитие социализма уже давно опровергли теорию, утверждающую, что при социализме нет противоречий между интересами общества и индивидуума. Такое противоречие продолжает существовать и его нельзя игнорировать.

К причинам кризисных явлений относятся также деформации в области соблюдения законов, нарушения гражданских прав и прав человека. Как будто мы не знали или забыли, что мы, коммунисты, не имеем права предаваться гордыне, превращаясь из критиков буржуазного прошлого в апологетов всего, на что наклеена социалистическая этикетка. Строительство нового общества — более сложный этап, нежели шествие победоносной революции, и он предъявляет высокие требования. Мы же часто не замечали связи между недостаточностью демократии в партии, обществе и государстве и потребностями самостоятельного развития и самоуправления...

Кризисные явления обусловлены политической атмосферой, подавляющей основной принцип партийного строительства — внутрипартийную демократию. Такая атмосфера разоружает партию, парализует ее творческий дух. В такой атмосфере теория пережевывает старые догмы и положения, разъясняет постановления, становится апологетом существующего положения. Теория не помогает практике и не обогащается за счет практики. В такой атмосфере расцветает догматизм и косность, торжествует застой, выдаваемый за стабильность. Для такой атмосферы типичны сектанство, некритичность, диктат сверху, шаблоны. Она благоприятна для возникновения немногочисленного правящего слоя, для концентрации власти. Подлинное творчество, подлинные поиски вызывают подозрение, а полемику душат обвинениями в оппортунизме и ревизионизме. Век

атома, космоса и компьютеров требует от нас всестороннего развития марксистско-ленинского наследия. Нельзя во всем видеть опасность. Необходимо реагировать на происшедшие в мире перемены ради безопасности нашего мира и его развития. Промышленная революция переплавляла в своем котле людей и народы по своему образу и подобию. Информационная, электронная революция сближает людей, классы и народы на основе развития их самобытности. Это не может не оказать влияния на содержание, форму и характер классовой борьбы. Изменился характер капиталистического общества; изменился также характер труда рабочего класса в социалистических государствах. Эти новые процессы и явления необходимо тщательно изучать и анализировать. Следует определить, в чем должно заключаться соревнование различных и при этом мирно сосуществующих систем...

В эти дни главнейшая задача заключается в комплексном познании, во всесторонней оценке настоящего как отдельных социалистических государств, так и всего социалистического сообщества, в их сравнении с окружающим миром. Именно поэтому мы не можем искать решения даже в самых мудрых книгах. Мы обязаны изучить новые тенденции интеллектуализации производства, управления, руководства и постараться найти ответы на новые вопросы. У нас должно быть собственное представление, реальное, целостное видение политического, экономического и общественного движения в будущем...

Весной прошлого года в ЧССР был с официальным визитом Горбачев. Вы, как указывают западные источники, написали генеральному секретарю ЦК КПСС письмо. Что вы могли бы сказать по поводу этого письма?

Дубчек: Я уже говорил о своем положительном отношении к нынешней политике ЦК КПСС, которая в значительной степени является инициативой Горбачева. Эта моя позиция обуславливает и мое отношение к визиту Горбачева в ЧССР. Признаюсь, я не люблю говорить о своих письмах, кому бы они ни были адресованы. В большинстве случаев я не разрешаю публиковать такого рода послания, пока не получу ответа на

них. Мои действия вызваны стремлением содействовать преодолению трагических последствий военного вмешательства 21 августа 1968 г. в политику и жизнь Чехословакии.

Я написал подробное письмо Политбюро и Пленуму ЦК КПЧ. Обо мне и о политике ЦК КПЧ в 1968 г. было написано много лжи. Было сделано множество подтасованных выводов, демагогических заявлений; и у нас и в союзных государствах распространялась несчетная и необъективная информация. В связи с этим я послал копии своего письма некоторым руководителям социалистических стран, в том числе руководству Советского Союза. Я послал также поздравление по случаю 70-й годовщины Октябрьской революции. До сих пор имеются белые пятна в освещении 1968 г., опыт которого уже тогда расценивался как не только наше достояние, но как имеющий всемирное значение. События 1968 г., как и последовавших лет, касаются не только нашей партии, хотя ключ к решению чехословацких проблем по-прежнему находится в руках КПЧ и народов ЧССР.

Свое отношение к процессу возрождения в Чехословакии, к приостановлению этого процесса внешними силами и к последствиям вмешательства извне я сформулировал уже в 1974 г. Результатом этого было усиление преследований моей семьи и широкая пропагандистская кампания (без ознакомления граждан Чехословакии с тем, что я тогда писал). В нынешней новой ситуации я не мог не высказать ЦК КПЧ свои соображения. Я не мог не напомнить оценки и заявления, сделанные тогда теми, кто поныне имеет решающее слово в руководстве нашей партии и государства. Я должен был предложить пути освобождения от груза, который лежит на нашей истории. Я должен был показать, как вмешательство извне повлияло на процесс возрождения, сформулированный в программе действий КПЧ, в партийных и правительственных документах и отраженный в подготавливавшихся и утвержденных в 1968 г. законах.

Маргинальные явления, враждебные партии и реформистскому движению, рассматривались тогда противниками реформ как наиболее важные, определяющие факторы развития, и игнорировалось отношение к партии и государству, опиравшихся на революционную социалистическую программу, широких

народных масс. Эту программу с небывалым вдохновением поддержали все члены партии, народы и народности Чехословакии. Программа привлекла к социалистическому строительству молодое поколение. Те, кто не видел, не пережил и не прочувствовал 1968 г., не могут даже представить себе моральную и идейную силу, которая постепенно превращалась в силу материальную. Партия нового типа обязана эту силу питать и воспроизводить притягательностью и убедительностью своей программы. Именно этот фактор отличал ЦК КПЧ и влиял на развитие событий в Чехословакии. Именно поэтому это развитие невозможно сравнивать с положением в партиях и государствах, не шедших в то время по пути возрождения и укрепления доверия к социализму. Я не могу согласиться с приравниванием происходившего в Чехословакии в 1967–1968 годах с политикой ПОРП и событиями в Польше. Наш народ, рабочий класс, крестьяне и интеллигенция поддерживали и защищали свою партию, вступали в ее ряды без каких-либо призывов. Сейчас этого многие не видят или не хотят видеть. ПОРП в те годы избрала иной путь, иные методы, и получила похвалу за то, что сумела удержать всех „в упряжке”. Они давали нам советы, они нас поучали, а у себя дома, в Польше, продолжали проводить сектантскую, догматическую политику. Они закрывали глаза на разрастающиеся противоречия. И партия утратила доверие трудящихся — рабочих и интеллигенции. Это привело к трагическим событиям — в Польше стреляли в рабочих. Для того, чтобы исключить такие явления в ЧССР, ЦК КПЧ пошел по пути социалистического революционного возрождения, если хотите. Это была чехословацкая „перестройка”...

Трагедию 1968-го и последующих годов, которая постигла как коммунистов, так и многих беспартийных, можно преодолеть только честным анализом нынешних проблем и поисками их решения... Процесс возрождения продолжался лишь неполных три четверти года, однако экономические показатели за тот год значительно превысили прирост прошлых лет и средние показатели темпа роста национального дохода Чехословакии в 1969–1986 гг...

Я могу с полной уверенностью заявить, что не было внутренних сил, способных воспрепятствовать социалистическому

развитию нашей страны. Добавлю, что этому развитию не могли воспрепятствовать и сектантские и догматические группировки. Нашу линию защищал как народ, так и широкомасштабность процесса возрождения.

Я подчеркиваю, что ничего не могли изменить даже те крайние тенденции, которые проявлялись в 1968 г. и о которых до сих пор говорят противники процесса возрождения (я имею в виду радикальные выступления в печати). На основании этих выступлений до сих пор утверждают, что в 1968 г. существовала опасность отторжения Чехословакии от стран социализма и ее возвращения к капитализму, и что в стране был „сформирован блок право-ревизионистских сил, опиравшийся на всестороннюю политическую, материальную и моральную поддержку империалистических сил”, что это была попытка „ликвидировать не только завоевания социалистической революции в Чехословакии, но и результаты второй мировой войны”.

Прибавьте к этому обоснование моего исключения из КПЧ, в соответствии с которым я был „ведущим представителем правооппортунистского, ревизионистского направления в руководстве КПЧ”, спросите, как я оказался в этом блоке? Я не знаю. Скорее всего потому, что верил в силу трудящихся и видел иной путь развития. Но, главное, потому, что я не отказался от своих взглядов. Я стоял во главе партии и вместе с моими сотрудниками в тогдашнем ЦК знал, что новое направление нашей политики — правильное и опирается на поддержку народа.

Новые задачи, их открытое всеобщее обсуждение могло бы и в настоящее время стать средством преодоления раскола — в государстве, в партии и в обществе — раскола, который до сих пор лежит тяжелым бременем на чехах и словаках. Отмечая ответственность за это правящих органов, я в то же время хочу подчеркнуть, что решающее слово должны иметь граждане нашего государства. Необходимо предоставить им возможность высказать свои мнения и активно подключиться к дискуссиям, которые уже начались в нашей стране. И не только, чтобы выслушать их голос, но и чтобы приступить, наконец, к существенным переменам в нашей политике, экономике и культуре. В этой связи я должен заявить протест против непрекращающихся

обвинений в мой адрес: меня называют представителем антисоциалистических и антисоветских сил и не дают возможности защититься. Могут ли послужить эти обвинения какой-либо положительной цели? Это не ошибка, а преднамеренная фабрикация. Я был и продолжаю оставаться одним из участников гражданского движения в Чехословакии. 1967—1968 годы были для меня новым этапом разработки и осуществления социалистической политической программы. Совесть не позволила мне поддержать политическую линию, отличную от Программы действий КПЧ.

В подкрепление позиции, которую я занимал тогда и продолжаю занимать, напомним об обращении к народу Чехословакии группы людей, пригласивших союзные войска. Это обращение было опубликовано в печати пяти стран варшавского договора, но до сих пор не напечатано в Чехословакии. В нем призывают наш народ поддержать призыв к союзным войскам; авторы утверждают, что ими движет стремление к ликвидации сил, угрожающих послеянварскому курсу нашей политики, платформе социалистического развития Чехословакии и программе, опирающейся на небывалую поддержку нашего народа. Это единомыслие, поддержка, пишут они, подтвердили правильность, силу и притягательность нашего нового пути. („Правда”, 22 августа 1968 г.)

Когда же народу и мировой общественности говорили правду? Ни тогда, ни сейчас...

Каковы, по вашему мнению, результаты визита Горбачева в СССР?

Дубчек: При подготовке и особенно во время этого визита представители Чехословакии выражали поддержку новой советской политике, направленной на ускорение экономического, общественного и научно-технического развития социализма, намерение следовать советской линии. Генеральный секретарь ЦК КПЧ, председатель федерального правительства и другие руководители партии и государства в своих выступлениях говорили о чехословацкой перестройке. Я приветствую эти заявления, хотя все еще жду конкретных действий... Решающими будут не слова, а дела. Народ сравнивает новые течения с тем,

что происходило в 1968 г., а также с конкретными делами КПСС в области перестройки..

Значительная часть нашей общественности связывала с визитом Горбачева чрезмерные надежды на изменение политической ситуации у нас. Сейчас эти люди разочарованы, настроены пессимистически — из-за нескольких его высказываний о Чехословакии 1968—1969 годов. Было бы неверно судить о его визите только по этим высказываниям. Лично я, как и многие другие, в прошлом активно участвовавшие в работе нашей партии, концентрирую внимание на положительных аспектах его визита. Я принимаю во внимание сложность момента, нынешнюю ситуацию в нашем государстве и отмечаю элементы улучшения нашей политики. Однако широкая общественность подходит к этому несколько иначе, и мы не можем ожидать от этих людей другого. Граждане ищут правду, свою правду, участниками и свидетелями которой были они сами. Когда они не получают прямого ответа на свои вопросы, то впадают в пессимизм или в равнодушие, либо возмущаются. Они не принимают и не хотят принимать во внимание обстоятельства, препятствующие восстановлению справедливости. Ведь мы сами учили наших людей верить в правду. И теперь именно такое мышление создает серьезные проблемы.

К тому же вместо объединяющей концепции, вместо программы поступательного движения некоторые так называемые сторонники нашей и советской „перестройки” снова с поднятым перстом предостерегают, что подвергшиеся опале бывшие коммунисты и беспартийные хотят „поживиться на новом курсе”. На словах такие люди поддерживают перестройку, но опровергают принципиальное значение программы нашей партии, выдвинутой в 1968 г. Они-то и являются попутчиками, стремящимися поживиться на визите Горбачева и советской перестройке...

Это сторонники политики „твердой руки”, а не поисков выхода. Вместо преодоления бремени прошлого они стремятся к тому, чтобы половина нашего населения утратила историческую память и забыла события 1968 г., а вторая половина — молодое поколение — даже не узнала бы об этих событиях и их участниках...

Главное в визите Горбачева — это вдохновляющий пример подхода к проблемам перестройки... Нам следовало бы энергично действовать в соответствии с этим примером, не выжидая, какова будет судьба перестройки в СССР.. Я лично надеялся, что в результате этого визита партийное и государственное руководство ЧССР присоединится к политике советских коммунистов. Чехословацкие руководители заявили о своей поддержке горбачевской линии... Однако окончательный ответ мы получим, лишь когда в Чехословакии перейдут от слов к делу. Но если задуматься, — приступили ли бы у нас хотя бы к частичной перестройке, если бы такая политика не проводилась в СССР, то ответ выходит отрицательный. И тогда встает другой вопрос — в чем причина этого?..

Интервенция Советского Союза и стран Варшавского договора в августе 1968 г. нанесла Чехословакии глубочайшую рану. Может ли эта рана когда-нибудь зарубцеваться?

Дубчек: Вы не точно выразились. Вы сказали об интервенции СССР и стран Варшавского договора. Это не соответствует действительности. Военное вмешательство в августе 1968 г. не следует рассматривать как акт Варшавского договора, поскольку в нем не участвовали ни Румыния, ни Чехословакия, которые являются членами организации Варшавского договора.

Рану можно залечить, но для этого необходимы действенные медикаменты, и нельзя выбросить из истории, перечеркнуть, опустить произошедшие события. Многие считают, что время лечит, что у нас забудут о событиях 1968 г... Однако невозможно забыть то, что самым существенным образом связано с историей наших народов. Память народа передается по наследству...

Это, однако, не означает, что рану нужно беречь, что нужно и впредь жить в прошлом и прошлым. Жизнь — это движение. А жить прошлым значит потерять перспективу...

Наибольшими возможностями обладают власть имущие. Они же, разумеется, несут и главную ответственность за то, чтобы развитие союзных отношений основывалось не на трагических последствиях военного вторжения 21 августа 1968 г., а на новой политической программе. Только открытый, честный

взгляд на прошлое в сочетании с новой политической программой КПЧ может стать фундаментом повторного объединения партии и общества, фундаментом обновления его динамики. Иначе невозможно завоевать доверие народа к новому курсу чехословацкой перестройки.

Отвечая на вопросы представителей оппозиционной компартии, я не могу обойти тот факт, что трагические события августа 1968 г. нанесли серьезный ущерб мировому коммунистическому движению, особенно в Европе. Преодоление последствий августа 1968 г. является делом не только Чехословакии. ЦК КПЧ не несет ответственность за то, что события 1968 г. приняли международный характер, затронули коммунистическое и рабочее движение во всем мире. Эти события поставили под угрозу единство в ряде компартий и отношения между ними. В некоторых странах компартии раскололись на две и даже на три. Это свидетельствует, что в коммунистическом движении идет борьба за возрождение социалистических идей и что эта проблема касается не только социалистических государств.

Я хотел бы в этой связи напомнить о позиции французской компартии. В июле 1968 г. ФКП отвергла просьбу тогдашнего руководства КПСС поддержать всем известное варшавское письмо пяти коммунистических партий. „Варшавское письмо, — заявили тогда французские коммунисты, — представляет собой открытое... вмешательство во внутренние дела братской партии, и мы не можем его поддержать. Военная интервенция в Чехословакию была бы катастрофой для международного коммунистического движения”.*

Какая судьба постигла бы Вальдека Роше, если бы он сделал такое заявление, находясь на моем месте?

Почему товарищи Вальдек Роше, Луиджи Лонго, Иосиф Броз Тито воспринимали процесс возрождения в ЧССР иначе, нежели Брежнев и Гомулка?.. Почему Вальтер Ульбрихт иначе воспринимал нашу позицию, нежели Николае Чаушеску, уважавший нашу политику и понимавший наши трудности и недостатки? Поэтому Румыния оказалась в „изоляции” при подготовке военного вторжения.

* См. ниже, стр. 286.

В процессе „лечения и залечивания” раны ключевую роль должен играть ЦК КПЧ.

Недостаточно внести в конституцию положение о руководящей роли партии. Верховный партийный орган должен сознавать свою ответственность перед народами нашей страны. Раскол в КПЧ наступил не в результате решения о новом курсе, не в ходе его реализации, а вследствие отказа от этого курса, который, после его переоценки, стали называть „оппортунистским, ревизионистским и враждебным интересам социализма”.

Трагический раскол в партии усугубился, когда авторы „Уроков кризисного развития...” включили положения этого документа в устав КПЧ. Это препятствует устранению трагических последствий исключения из общественной жизни коммунистов, беспартийных, антифашистов, борцов за национальное и социальное освобождение — людей, вся жизнь которых была образцом интернационализма, в том числе и в их отношении к Советскому Союзу. Если считать исключенных из партии и членов их семей, исходя из того, что семья в среднем состоит из 4 человек, то последствия вторжения в Чехословакию коснулись 1,5 млн. человек. А если прибавить их близких родственников и беспартийных граждан, подвергшихся дискриминации за свою политическую позицию, за позицию братьев и сестер, и прибавим их детей, то попробуйте подсчитать долю преследуемых в 15-миллионном населении ЧССР. Система запрета работать по специальности распространилась повсеместно... В таких условиях гораздо легче быть членом партии, нежели коммунистом; гораздо легче быть обывателем, нежели гражданином... По-ленински ли это? Нет, конечно.

Разумеется, не каждый должен согласиться с приведенными мною соображениями. Но я долго думал над этими вопросами, и я убежден, что не только я. Мне думается, что и Ленин видел надвигающуюся опасность такого рода. О ней он и писал в своем „политическом завещании”, которое так долго скрывали и перед партией и перед общественностью. Предупреждения Ленина и сейчас актуальны. Я знаю, что движущей силой истории является народ, но я не могу не видеть, что со смертью Ленина наш „компас” стал ошибочно указывать направление, хотя наш корабль прошел через препятствия истории до „мыса доброй

надежды". В связи с этим еще раз следует отметить значение XX и XXII съездов КПСС.

Я уже говорил о политическом значении визита Горбачева в Чехословакию и некоторой растерянности, которую он вызвал. В этой связи я хотел бы подчеркнуть, что новое мышление должно распространиться и на отношения между социалистическими государствами. Необходим всеобъемлющий, критический анализ развития этих отношений в будущем. Речь идет о комплексе политических, общественных, экономических вопросов... Совместное советско-польское заявление свидетельствует о том, что Горбачев и Ярузельский учитывают эти моменты; они выразили заинтересованность в заполнении „белых пятен” в истории отношений между СССР и ПНР. Такая готовность должна касаться всех „белых пятен”, в том числе и новейшей истории чехословацко-советских отношений, если действительно имеется намерение преодолеть противоречия конца 60-х годов.

Я сейчас говорю об исключительно серьезных, сложных и щекотливых вопросах, значение которых выходит за пределы Чехословакии... Однако я не могу утаить перед моими итальянскими друзьями проблемы, непосредственно касающиеся нашего народа. В Советском Союзе сейчас заявляют, что не должно быть табу ни на один вопрос; значит, это должно относиться и к моей стране. Чем сложнее проблема, тем серьезнее следует ее обсуждать — в деловой атмосфере, без эмоций, с уважением к политической культуре и этике.

В интервью „Унита” Горбачев сказал, что „оценка событий 1968 г. является прежде всего делом чехословацких товарищей”. Возможно, он имел в виду творческий, инициативный подход к этим вопросам со стороны ЦК КПЧ. Следует, однако, отметить, что между чехословацкими коммунистами в 1968 г. не было противоречий по поводу того, будем ли мы в нашей стране строить социализм; противоречия были по поводу пути после вторжения иностранных войск. Противоречия не касались наших союзных обязательств (как это позже стали утверждать). Наша внешняя политика исходила из наших союзных обязательств в соответствии с Варшавским договором и Программой действий КПЧ.

Раскол между чехословацкими коммунистами произошел

лишь в августе 1968 г. после того, как для решения внутренних дел Чехословакии было использовано военное вмешательство. Но даже после этого раскол партии не стал окончательным. Принятая в ноябре 1968 г. резолюция ЦК КПЧ единодушно поддержала политику возрождения и требовала ее продолжения на основе Программы действий партии в новых условиях. Окончательный раскол в партии настал, лишь когда изнутри и извне стали оказывать давление, чтобы добиться отказа от политики возрождения и Программы действий КПЧ. Таким образом, лишь отказ от ранее единодушно одобренной линии разделил партию...

Раскол в партийном руководстве постепенно привел к расколу партии и чехословацкого общества. Результатом „консолидации” было не объединение, а разъединение.

На этой основе проходила в 1970 г. „чистка” в партии от „правых оппортунистов” и „ревизионистов”, т. е. от тех коммунистов, которые отказались поддержать военную интервенцию и последовавший за ней отказ от политического курса 1968 г. Партия потеряла тогда 468 тыс. членов, которые к тому же лишились возможности работать по специальности. Эта мера коснулась и социального обеспечения семей исключенных коммунистов...

Всем известно, что разделило партию и народ Чехословакии. Говоря о возможном объединении, я полагаю, что его можно добиться на основе решения самых насущных проблем страны, на основе программы, которая исходила бы из чаяний всех слоев населения. Однако среди власть имущих в стране преобладает тенденция забыть о прошлом или же использовать некоторые идеи 1968 г. в ходе нынешней перестройки лишь для косметических перемен. Многие оставившие политическую арену после вторжения потеряли веру в возможность демократизации ныне правящей в Чехословакии партии и в широкую демократизацию общественной жизни страны. Не следует закрывать глаза на это. Попытка власть имущих вынудить исключенных коммунистов на открытую оппозицию также не способствует преодолению раскола партии. Это было серьезной ошибкой и проявлением близорукости.

Следует реалистически оценить, на какой платформе

могут объединиться подлинными сторонниками социализма. В первую очередь, это некоторые положения документов XXVII съезда КПСС и последовавших пленумов, затем — опыт Чехословакии 1968 г... В подготовке новой программы должны принять участие как коммунисты, так и беспартийные, не имевшие до сих пор возможности творчески использовать свои знания...

С точки зрения международных отношений этому объединению могут способствовать консультации с руководителями ряда социалистических государств, сменившими прежнее руководство, поскольку чехословацкие события и их „решение” в августе 1968 г. касается также союзников. Ведь тогда было нарушено соглашение, достигнутое за три недели до вторжения на совещании в Братиславе. Был нарушен Московский протокол, подписанный уже после вторжения, в соответствии с которым в Чехословакии и в дальнейшем будет проводиться политика, сформулированная на майском пленуме ЦК КПЧ. На основе этого протокола была разработана и согласована с советским руководством ноябрьская резолюция о дальнейшем развитии Чехословакии...

Августовские события 1968 г. и использованные против Чехословакии методы придали этим событиям международный характер, а потому поиски выхода из сложившейся ситуации — не только чехословацкое дело, хотя, в первую очередь, они являются чехословацкой проблемой...

После августа 1968 г. кризисные ситуации возникали и в других социалистических государствах. Мы в первую очередь имеем в виду Польшу, где жестоко подавили попытку общества начать процесс возрождения. Не думаете ли вы, что эти кризисы в Польше и в других странах Восточной Европы были вызваны не только внутренними, национальными причинами, но и общими для всех этих стран? Не думаете ли вы, что трудности социалистических стран углубились вследствие нерешенности важнейшей проблемы, которую КПЧ поставила в 1968 г. — проблемы взаимосвязи между демократией и социализмом!

Дубчек: Речь идет о целом комплексе взаимоотношений,

взаимозависимостей и проблем — но все они концентрируются, в конце концов, в проблеме взаимосвязи социализма и демократии.

В Чехословакии процесс демократизации, возрождения партии и общества был начат относительно своевременно и к тому же по инициативе сверху. Инициатива была в руках ЦК, и ЦК выступил с революционной социалистической программой решения ключевых проблем нашего общества на основе социалистической демократии. Это, разумеется, не исключает давления снизу. Однако давление это оказывали прежде всего партийные организации, которые ощущали пульс среды, в рамках которой они действовали. (В ЧССР, как вам известно, идеалы гуманизма и демократии пустили глубокие корни и были эталоном для граждан и общества.) Тем самым обе тенденции объединились в одну, и синтезом стала Программа действий КПЧ, в осуществлении которой были заинтересованы все — не только партия, но и народ Чехословакии. Почему? Да потому, что при разработке Программы действий было проведено социологическое исследование более чем в 600 организациях, где наиболее серьезно проявились недостатки и возникали самые сложные проблемы. На трех пленумах — в октябре и декабре 1967 г. и в январе 1968 г. — ЦК КПЧ принял решение о разработке программы нового курса, курса на возрождение социализма. В процессе подготовки такой программы активизировалось гражданское самосознание, активизировалась воля народа включиться в демократический процесс, в результате которого социализм должен был стать качественно иным.

Из причин, обусловивших необходимость выработки новой программы, я упомяну, в первую очередь, актуальные общественно-экономические проблемы, хотя в ЧССР они не ощущались столь остро, как в других странах... Однако наша общественность понимала и чувствовала, что между тем, что есть и что могло бы быть, расстояние увеличивается, что реальные возможности социализма не используются в полной мере, что общественные, коллективные и личные интересы трудящихся перестали влиять на рост эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства. Сфера услуг действовала также неудовлетворительно. Все это привело к неудовлетвори-

тельному уровню жизни трудящихся и обострению симптомов социальной несправедливости. Особую проблему представляла собой сфера культуры, система управления обществом, поскольку чехословацкий народ не забывал трагические политические процессы, на которых были вынесены жесточайшие приговоры, и другие нарушения законности в 50-е годы, от которых пострадали многие граждане.

Органы политической власти не реагировали вовремя на возникающие проблемы, они не осознали своевременно необходимость реформы. Напротив, они защищали статус кво, они предпочитали командный способ управления, стимулируя тем самым недовольство тех, кем они руководили. Постепенно общество оказалось в положении, когда субъект власти — народ — становился ее объектом. Эта общая для всех стран с коммунистическими правительствами тенденция проявлялась, разумеется, различно в каждой из них, однако общим знаменателем этого явления было ослабление взаимосвязи между демократией и социализмом. Демократическими методами управления пренебрегали, и пропорционально этому возрастала угроза злоупотребления властью... Для предотвращения повторения преступлений прошлого коммунистическая партия должна заботиться, чтобы власть не сосредотачивалась в одном звене механизма управления, в руках одного человека. Направлять общество следует авторитетом идеи, а не насилием, репрессиями. Это кажется само собой разумеющимся, однако практика показала, что на самом деле это сложно, трудно.

Воспрепятствовать возвращению старых методов волюнтаризма, субъективизма и произвола власти должны правовые гарантии. Социалистическая демократия должна повседневно расширять простор деятельности каждого индивидуума, коллектива, каждого звена управления; люди должны иметь возможность открыто высказывать свои взгляды. Главным критерием в нашей кадровой политике должна быть не принадлежность к номенклатуре, а профессиональная квалификация человека. Народ должен иметь право выбирать своих представителей, контролировать их и отзываться их...

КПЧ в 1968 г. стремилась завоевать добровольную поддержку народа; она стремилась проводить политику ненасильст-

венного сопротивления политической и общественной несправедливости. И добилась этого. Это — главное достижение начатой нами политики революционного возрождения... Демократия и социализм должны идти рука об руку. Ослабление демократии, нарушение ее связи с социализмом девальвирует социализм и приводит к кризису в социалистическом государстве. За последние 20 лет трудности социалистических стран углубились...

Недемократическая атмосфера, господствовавшая в коммунистических партиях, возникла и в отношениях между ними, поскольку демократические отношения понимались однозначно — как навязанные ведущей в блоке компартией.

Именно поэтому я высоко оцениваю нынешнюю позицию КПСС, в соответствии с которой единство коммунистов не имеет ничего общего с унифицированием и иерархией, с вмешательством одних компартий в дела других, со стремлением какой-либо из этих партий получить монополию на правду... Очень жаль, что 20 лет назад КПСС не стояла на такой позиции.

Вернемся назад на эти 20 лет. На Западе многие считают, что причиной интервенции 21 августа 1968 г. была как раз-то постановка компартией Чехословакии вопроса о взаимосвязи между демократией и социализмом. Вы согласны с этим?

Дубчек: Я не сводил бы причины интервенции лишь к этому вопросу, хотя он действительно был ключевым в нашей новой политической программе. Не следует исключать влияния ГДР и Польши, которые неоднократно вмешивались в дела нашей партии. Придет время, и история даст свою оценку действиям тогдашнего политического руководства этих стран. Не следует относить интервенцию только на счет СССР, хотя в осуществлении военного вторжения слово советского руководства было решающим... Свою роль сыграли — и история наверняка в будущем проанализирует этот факт — преднамеренные искажения, преувеличения, фальсификация информации, которую наши информаторы передавали советскому руководству. Ведь часть функционеров, ответственных за ошибки прошлого, теряли свои посты в результате тайных выборов на партийных конференциях на местах. Многие из них не хотели смириться

с поражением. Свое субъективное положение, опасения утратить собственное благополучие они выдавали за тревогу о судьбе социализма в нашей стране...

Не следует забывать, что после августовского вторжения в Чехословакию были предприняты попытки создать „рабоче-крестьянское правительство” и „революционный трибунал”. От имени этих органов были даже приняты два антиконституционных решения: назначен новый министр внутренних дел, а трибунал вынес решение арестовать ведущих представителей партии и государства, что и было сделано...

Но вернусь к вашему вопросу. Сегодня, 20 лет спустя, можно сказать, что политика КПЧ, сформулированная в Программе действий, и наше последовательное стремление реализовать эту программу в те годы были неприемлемы для наших союзников. Об этом свидетельствует тот факт, что после вторжения официальная политика КПЧ и правительства Чехословакии, отраженная в Программе действий КПЧ, одобренная высшими партийными и государственными органами, Национальным собранием и Народным фронтом, была полностью аннулирована, а сторонники этой программы... были лишены возможности не только заниматься политической и общественной деятельностью, но даже работать по специальности...

Не считаете ли вы сейчас, что можно было избежать военной интервенции, положившей конец „новому курсу”?

Дубчек: В вашем вопросе есть слово „сейчас”. Так вот, сейчас, сегодня, мы знаем, что военного вмешательства нельзя было избежать. Чехословацкое руководство было не в силах сделать это. Я выслушал и прочел множество советов, возражений, критических высказываний относительно того, что я должен был сделать или чего я не должен был делать. Но никто не ставит вопрос, что я мог сделать. Сейчас уже всем известно, что в то время наш „новый курс” был неприемлем для наших союзников... Военного вторжения, действительно, можно было избежать, отказавшись от Программы действий, от процесса возрождения и ликвидировав новый курс внутренними силами (с помощью армии, органов безопасности и милиции...).

Однако ни в ЦК КПЧ, ни в чехословацком правительстве, ни в Национальном собрании, ни в канцелярии президента не было силы, способной на это... Вспомните ненасильственное сопротивление нашего народа военной интервенции, и его требование возвращения в страну руководства партии и правительства (они были увезены в Москву после вторжения. — Ред.)...

Результаты вторжения показали, что при принятии решения о военном вмешательстве не посчитались даже с мнением влиятельных коммунистических партий...

Напомню, что после заседания шести партий в Братиславе (менее чем за три недели до вторжения в Чехословакию) я уполномочил Алоиза Индру и Драгомира Кольдера (тогда они были секретарями ЦК КПЧ), выступавших в 1968 г. в поддержку Программы действий, представить предложения по реализации решений этого заседания. Однако они не выработали их до вторжения войск пяти стран Варшавского договора. Почему? Более того, я был арестован определенной группой сотрудников госбезопасности по приказу Индры. Таким образом, была исчерпана и предложенная на братиславском заседании возможность решить наши проблемы внутренними силами...

Можете вы рассказать о наиболее драматическом моменте в вашей личной судьбе в первые трагические недели, последовавшие за вторжением войск в Чехословакию?

Дубчек: Прошу вас, не спрашивайте меня об этом...

Братислава, октябрь 1987 г.

ДЕРЗОСТЬ ИЛИ НЕВЕЖЕСТВО?*

Пражскую весну нельзя отделить от имени Александра Дубчека, как нельзя отделить XX съезд КПСС от фигуры Никиты Хрущева, проводимую сейчас в СССР перестройку от Михаила Горбачева, революцию в Китае от Мао Цзэдуна, великий террор 30-х годов от имени Сталина”, — пишет Рой Медведев и продолжает: „Мне думается, что, характеризуя чехословацкие события, следует отметить, с одной стороны, мужество, а с другой, — политическую слепоту; с одной стороны — энтузиазм и эйфорию, отказ от догм и стереотипов Готвальда и Новотного, а с другой, — неумение продумать и точно сформулировать прогнозы, учесть международное положение Чехословакии и ее место в социалистическом лагере”.¹

Рой Медведев — не пустослов типа Козлова („Новое время”), со взглядами которого даже не стоит полемизировать. Медведев — автор работ о советской истории, завоевавших широкую известность. Поэтому меня удивляет и настораживает тот факт, что он, не пытаясь объяснить сложнейший исторический процесс, стремится затушевать действительность всяческими оговорками. Разве причиной поражения Пражской весны не было прежде всего пренебрежение брежневского руководства внутренними условиями Чехословакии, predeterminedенными ее историей, демократическими политическими традициями и достигнутым в стране уровнем цивилизации и культуры, а также попрание суверенитета и права чехословацкого народа самостоятельно решать, какими путями осуществлять политические, демократические и общественные перемены в своей стране. Только

* Комментарий Гибла был также напечатан в органе ИКП „Унита” 1 марта 1988 г. — Ред.

с учетом этого факта можно обсуждать все то, о чем говорит Медведев...

Недавно мое внимание привлекло другое интервью Медведева — о необходимости реабилитации Бухарина („Шпигель”, № 52, 1987). Его усилия в этом направлении, наконец-то, увенчались успехом, пусть через 50 лет после казни Бухарина. В Чехословакии движение за реабилитацию жертв сталинских репрессий 50-х годов началось после XX съезда КПСС и стало еще более активным после XXII съезда. Медведев с грустью отмечает, что Хрущеву не удалось добиться реабилитации Бухарина из-за сопротивления Суслова и большинства других членов Политбюро. В Чехословакии же именно в то время были приняты важнейшие меры по пересмотру политических процессов 50-х годов. Первоначально работала комиссия Барака,² которая саботировала реабилитацию. Но в 1963 г. ее сменила комиссия Кольдера,³ и в результате деятельности этой комиссии многие невинно осужденные были реабилитированы по гражданской линии, поскольку все еще не хватало храбрости на политическую реабилитацию. Затем была создана Барнабитская комиссия.⁴ В центре ее внимания были осужденные по обвинению в „словацком буржуазном национализме”. Несмотря на упорное сопротивление нескольких членов этой комиссии (В. Биляка, Б. Лаштовички, П. Ауэрсперга и др.), Барнабитская комиссия вынесла свой отчет на обсуждение ЦК КПЧ и добилась его утверждения (хотя и с некоторыми изменениями и сокращениями). Это был первый успех в процессе реабилитации невинно осужденных... В 1968 г. была создана комиссия Пиллера,⁵ которая продолжила эту работу. В свою очередь — комиссия Пиллера рассмотрела нарушения законности (в том числе на процессах против некоммунистов) и предложила меры по выработке институциональных гарантий против возможностей такого рода нарушений законов в будущем. Все эти мероприятия были, однако, сведены на нет военным вторжением 21 августа 1968 г. Более того, с этого дня начался новый период, когда людей, на протяжении многих лет выступавших за пересмотр политических судебных процессов и реабилитацию невинно осужденных, стали исключать из партии, увольнять с работы, лишать возможности устроиться на работу по специальности, а некоторых из нас даже

репрессировали. Рой Медведев пишет, что мы должны каяться в том, что не учли международное положение Чехословакии и ее место в социалистическом лагере. Не лучше ли было бы Медведеву поставить вопрос, как восстановить справедливость — не только по отношению к Бухарину, но и к тем, кто стал жертвой сталинских репрессий в Чехословакии и в других странах? Или он мерит на разные аршины: на один у себя дома, а на другой — в губернии? Но в мире действует единая метрическая система, и Медведеву следовало бы сверить свой аршин с международным эталоном.

Так ли уж мы были слепы, издав на словацком языке роман Пастернака „Доктор Живаго” весной 1969 г. (чешский набор романа был к тому времени уничтожен)? Пристало ли независимому советскому автору читать нам за это наставления, тем более сейчас, когда этот роман, наконец-то разрешили напечатать и в СССР?

Разве не удивительно, что „ни Андрей Сахаров и никто другой после девятнадцати с лишним лет оккупации нашей страны не сочли чехословацкий вопрос достаточно важным, чтобы потребовать в своих выступлениях, интервью или статьях вывода советских войск из Чехословакии и политического решения чехословацкой проблемы?”⁶ что и Рой Медведев не в состоянии отнести идеи „гласности” и „перестройки” к Чехословакии?⁷

Упрекать чехословацкое руководство в том, что в 1968 г. в стране господствовал „хаос”, весьма легко — в Чехословакии действовало тогда 17 молодежных организаций!⁸ В настоящее время — по данным „Правды” — в Советском Союзе действуют более 30 тысяч различных неформальных объединений. Следует отметить, что в Чехословакии ни одно объединение (которые, собственно, даже и не успели сформироваться) не имело столь реакционной черносотенной программы, какую выдвигает „Память”, выступающая против заговора масонов и сионистов. В чехословацком „хаосе” ничего подобного не было. Напротив, только после военного вторжения в стране стали циркулировать переведенные с русского „Белая книга”⁹ и брошюра „Осторожно, сионизм”, которые объясняли Пражскую весну как результат сионистско-масонского заговора. Для того же, чтобы обвинить

человека в сионизме, достаточно было одной немецкой буквы в фамилии (как в моей, несмотря на мое, прошу прощения, чисто арийское происхождение).*

Разве может принизить значение XX съезда КПСС тот факт, что в среде советской интеллигенции после первоначального потрясения настала реформистская эйфория и что на „основе довольно наивных идей там возникли и активизировались левые течения“?¹⁰ Разве советскую „перестройку“ и „гласность“ компрометирует тот факт, что нынешняя интеллигенция, по словам Сторожевского, характеризуется определенным упадком аналитического мышления? Когда советские писатели задают вопрос „кто виноват?“, то, по Распутину, виновата европейская цивилизация и урбанизация, по Астафьеву, корень зла — в еврейх, а по Айтматову — за всем скрывается рука дьявола.

В Чехословакии в 1968 г. высказывались различные, часто и непродуманные взгляды, но там не было никого одержимого мракобесием распутинского типа или расизмом астафьевского типа. Почему же проводники Пражской весны все еще должны носить железные маски, скрывающие их человеческие лица?..

Рой Медведев менторским тоном повторяет старые фразы о Пражской весне. Чем это вызвано? Невежеством, дерзостью, нежеланием признать, что в других странах раньше попытались найти выход из состояния окаменения и застоя? В любом случае — ничего положительного в этих заявлениях нет. Неверным было и решение польской „Политики“ напечатать такого рода заявление без комментариев. Возможно, что стремление заполнить „белые пятна“ в истории Польши, принявшей участие во вторжении пяти стран Варшавского договора в Чехословакию, касается лишь некоторых исторических событий, тогда как это черное пятно на чехословацко-польских отношениях может и впредь оставаться несмытым, поскольку оно не оскорбляет „польский гонор“...

Чехословакия — не Бухарин, и мы не намерены полвека ждать реабилитации нашего прошлого.

Прага, 5 февраля 1988 г.

* По-чешски фамилия автора — Hübl. — Ред.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 „Политика”, № 5, стр. 2, Варшава 1988 — Обр. пер. с чешского. — Ред.
- 2 Рудольф Барак — министр внутренних дел ЧССР с 1953 по 1961 г.
- 3 Драгомир Кольдер — с 1962 г. член политбюро и секретарь ЦК КПЧ.
- 4 В здании бывшего барнабитского монастыря хранится архив КПЧ.
- 5 Ян Пиллер — в 1968 г. — был членом политбюро ЦК КПЧ.
- 6 Франтишек Яноух, „Листы”, № 6, стр. 31, 1987 г.
- 7 К выводу советских войск из стран Восточной Европы призывает Юрий Орлов на страницах этой книги „Проблем Восточной Европы” — см. стр. 177.
- 8 „...Во время случайного разговора со студентами на одной из пражских улиц Горбачев (в ходе визита в ЧССР в 1987 г. — Ред.) сказал, что, когда он был в Праге в 1969 г., он увидел, насколько сложным было положение в Чехословакии. „В Чехословакии, — сказал Горбачев, — было 17 молодежных организаций, короче, — хаос, такой же хаос, как в головах молодых людей”. З. Млинарж, „Горбачев в объятиях Брежнева”, „Проблемы Восточной Европы”, № 19—20, Нью-Йорк, 1987 г.
- 9 „К событиям в Чехословакии”, публикация пресс-группы советских журналистов, Москва, 1968 г.
- 10 Б. Сторожевский, „Листы”, стр. 19, № 6, 1987 г.

НАШ АРХИВ

Разговоры: Дубчек — Роше — Брежнев*

15 и 16 июля, значит, за месяц с лишним до вступления войск пяти социалистических государств на нашу территорию, французская компартия попыталась выступить посредником между КПЧ и КПСС. Делегация ФКП во главе с Роше встрети-лась сначала в Москве с Брежневым, Сусловым и Пономаревым, а затем в Праге с Дубчеком, Черником, Гайеком и Цисаржем. В 1984 г. записи этих переговоров были изданы в Париже под названием "Kremlin PSF". Часть материалов была напечатана в „Юманите” ранее, в 1970 г. Из этих источников взяты публикуемые ниже в сокращении записи.

Речь идет об опосредствованной дискуссии между Дубчеком и Брежневым о политической ситуации в Чехословакии до 21 августа 1968 г., из которой очевидно, что КПСС не понимала ее, была плохо информирована о ней, и неверная информация отчасти исходила из Чехословакии.

Эта „опосредствованная дискуссия” между Дубчеком и Брежневым дает более широкое представление о причинах военного вторжения, чем официальные коммюнике о переговорах между руководством КПЧ и КПСС. Она, например, показывает, что возможности осуществления программы Дубчека по демократизации партии и общества были намного меньше, чем полагали тогда некоторые интеллектуалы, требовавшие через средства массовой информации более быстрых и более радикальных

* Из книги: Владимир Кадлец. Дубчек — 1968. Кельн. Изд-во "Index".

мер; что решения Дубчека относительно осуществления или неосуществления того или иного мероприятия, которым в Чехословакии не придавали большого значения, совершенно по-иному понимались советским руководством, которое придавало этим мерам намного большее политическое значение; что в окружении Дубчека находились люди, информировавшие о своих подлинных взглядах не его, а других, преследуя свои личные цели; что у Дубчека и Брежнева не было общего языка; одно и то же событие и даже понятие имели для них различное значение и различный вес – например, государственный суверенитет, невмешательство во внутренние дела и т. д.

Ленин говорил, что специфический путь – это возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местной инициативы, что это разнообразие путей, способов и средств, используемых для достижения общей цели – социализма.

До 1968 г. Брежнев также говорил о национальной специфике, об исторических особенностях социалистических стран и о том, что КПСС и СССР никого не принуждают к принятию шаблонов и схем, игнорирующих особенности той или иной страны. В декларации коммунистических партий 1960 г. указывается, что каждая партия в соответствии с конкретными условиями имеет право определять свою политику, формы своей деятельности, и что ни одна партия не имеет права навязывать свои взгляды другим.

Некоторые затронутые в разговорах вопросы заслуживают комментариев. Например, проведение маневров Варшавского договора на территории Чехословакии в июне и июле 1968 г. было предложено Дубчеком и Черником. Они хотели таким образом рассеять подозрения, что Чехословакия хочет выйти из Варшавского договора. Возникает вопрос: было это решение разумным или близоруким? Быть может, следовало дожидаться такого предложения со стороны СССР и выступить против него? Но не было ли бы это сочтено провокацией, не послужило ли бы предлогом к вторжению? „Перманентные” маневры действительно технически облегчили СССР военное вторжение в августе. Но можно ли утверждать, что без этих маневров не состоялось бы военное вторжение на территорию нашей страны? Что мог

сделать Дубчек, когда в течение июля чехословацкое правительство несколько раз безуспешно добивалось от военного командования маневров сообщения, когда они закончатся?

Тогдашняя политика Чехословакии основывалась на том, что не следует предоставлять никаких поводов к разрыву, а тем самым и к вооруженному выступлению против страны. Стремление не допустить этого, не делать ничего, что могло бы послужить оправданием вмешательства во внутренние дела Чехословакии, подчеркивается в выступлении Дубчека на заседании ЦК КПЧ 31 мая 1968 г. Дубчек настаивал, чтобы в печати не появлялись „провокационные сообщения о подготовке вторжения социалистических государств в Чехословакию”. Это „оценил” Пономарев, отметив: „Чехи осторожны, они стараются не давать повода для интервенции”. Следовательно, даже публикация сообщений о подготовке интервенции не помешала бы ее осуществлению.

Дубчек, по-видимому, верил в постоянно провозглашаемые декларации о суверенитете, невмешательстве и т. п. Он говорил с Брежневым искренне и откровенно, веря в искренность и откровенность своего собеседника. Быть может, именно доверие к данному ему слову объясняет его первую реакцию на военное вторжение: „Как они могли так поступить со мной?” Поскольку окончание маневров летом 1968 г. откладывалось, Дубчек, как и другие, понимал, что существует вероятность военного вторжения. И все же многие надеялись, что Москва не пойдет на такой шаг, опасаясь последствий вторжения для международного коммунистического движения и международного положения СССР.

Стоит задуматься над некоторыми заявлениями советских руководителей в ходе переговоров с делегацией ФКП: „Мы знаем, что ближайшие сотрудники Дубчека уже не признают его”. Какие сотрудники, кто об этом информировал Москву? „Свидетели утверждают, что ощущается наличие конспиративного центра”, „установлены прямые связи с империализмом”, „нет свободы партийной печати”, „2000 слов – это контрреволюционная платформа”, „правые стремятся не допустить коммунистов на съезд партии”, „трудно предсказать, к каким результатам приведет съезд, чехи сами этого не знают”.

Эти и другие высказывания руководителей КПСС наглядно демонстрируют, насколько искаженными были их представления о событиях в Чехословакии.

В. Кадлец

* *
*

**Сообщение о встрече Роше с Суловым и Пономаревым
(15 июля 1968 г.)**

Роше: Мы хотели бы ознакомиться с вашими взглядами на положение в Чехословакии.

Сулов: Мы весьма озабочены ситуацией, сложившейся в Чехословакии. Руководство КПЧ утратило контроль над событиями, и этим воспользовались антисоциалистические силы. Как грибы после дождя растут разные клубы — пристанища антисоциалистических сил, действующих вне рамок народного фронта. Правые социалисты создали тайные организации. Все это антикоммунистическая деятельность.

Главные средства массовой информации оказались в руках антисоциалистов и используются против КПЧ, против дружбы с социалистическими государствами. Свидетели утверждают, что ощущается наличие конспиративного центра. Мы не можем бездействовать. Поражение социализма в Чехословакии не является ее внутренним делом. Это означало бы развал социалистического лагеря, и мы надеемся воспрепятствовать переходу Чехословакии в империалистический лагерь. К этому наши люди очень чувствительны. 300 тыс. советских солдат погибли при освобождении Чехословакии.

„2000 слов” — это платформа антисоциалистических сил. Это выступление против партии и государства. Это организация антисоциалистического движения. Нас беспокоит, что против этого не борются. КПЧ утратила активность, способность действовать. Мы откровенно говорили об этом с чешскими товарищами. Они признают, что ситуация ухудшилась, обещают

принять меры, но все остается на бумаге. Что касается применения крайних средств, то посмотрим, как будут развиваться события. Перед совещанием пяти коммунистических партий в Варшаве Дубчек потребовал отложить его и провести вместо многостороннего обсуждения двусторонние переговоры, однако уже было поздно.

Пономарев: Можно ли провести аналогию между нынешними событиями в ЧССР и в Венгрии в 1956 г.? Чехословакия — особый случай. Враг извлек уроки, и процесс его распознавания труднее. Соскальзывание происходит медленнее, но антисоциалисты набирают силу. Если бы они действовали открыто, то дали бы возможность и нам и соседним социалистическим государствам очень быстро прийти на помощь. Однако чехи осторожны, они стараются не давать повода для интервенции. Это постепенное соскальзывание к капитализму, но по малозаметным примерам можно увидеть, что такое соскальзывание происходит. Печать публикует статьи против Кольдера и Индры, и их никто не защищает. Печатают статьи против руководящей роли партии, однако их авторы продолжают занимать свои места... Половина членов ЦК потеряла работу.

Свобода печати есть, но не для партийной прессы.

Прослеживаются прямые связи с капитализмом.

Газета „Праце“ напечатала статью в честь Имре Надя. „2000 слов“ — контрреволюционная платформа. Следовало бы предпринять против нее наступление, но Президиум ЦК КПЧ принял очень либеральную резолюцию.

Ваша миссия (посредничество) будет весьма сложной. Дубчек будет заверять вас в чем угодно и нарисует перед вами не ту картину, которую видим мы.

Мы знаем, что ближайшие сотрудники Дубчека уже не признают его, стараются направлять его действия, поэтому он мог бы сделать многое, если бы захотел. Но мы не можем отказаться от Чехословакии.

Сулов: Если бы Дубчек решил бороться, то у него было бы на кого опереться в Чехословакии.

Роше: В Венгрии причиной и оправданием военной интервенции была открытая контрреволюция. Здесь будет труднее так поступить... если чехи предлагают двусторонние переговоры, нужно это предложение принять. К тому же трудно предсказать, к каким результатам приведет их съезд.

Суслов: Они этого сами не знают. Правые стремятся организовать выборы делегатов, чтобы не допустить коммунистов на съезд партии. Рабочие организации в порядке, но на них не обращают внимания.

Роше: Важно, насколько это возможно, избежать крайней меры. Это было бы плохо для вас и для всех наших партий.

Суслов: Мы попробуем. Но потерять Чехословакию было бы еще хуже.

**Сообщение о встрече Роше с Брежневым
(16 июля 1968 г.)**

Роше: Мы, как и вы, считаем, что необходимо бороться с силами, которые угрожают социализму в Чехословакии. Как и вы, мы считаем, что было бы катастрофой, если бы Чехословакия перешла в лагерь капитализма. Но если будет необходимо применить против Чехословакии крайние средства, это тоже будет катастрофа.

Брежнев: Выбор между этими двумя возможностями тоже серьезная проблема.

Роше: Не лучше ли избежать катастрофы, если для этого есть хотя бы минимальная возможность?

Брежнев: *(Пространно изложил, как благоприятно развивались отношения между СССР и Чехословакией после второй мировой войны)...* Ни я, ни другие товарищи не имели отношения к чехословацким политическим судебным процессам в 50-е годы. Большинство из нас даже не знало о них...

Первым событием, которое нас очень беспокоило, была демонстрация пражских студентов в октябре 1967 г. против недостаточного освещения студенческих общежитий. Это нас беспокоило, хотя они не выдвигали политических требований. Затем писатели выразили свое несогласие с разрывом дипломатических отношений с Израилем. Мы не вмешивались, но спросили, почему писатели занимаются такими вопросами. Только потом нам стало ясно, что речь идет о группе, организовавшей атаку против КПЧ.

Мы не вмешивались, когда Новотный приехал в Москву на празднование 50-й годовщины Октябрьской революции без Дубчека, — представителя Словакии. Новотный не информировал нас о внутренних трудностях, но в декабре 1967 г. он неожиданно потребовал, чтобы я приехал в Прагу. Тогда же Новотный признал, что он охарактеризовал выступление Дубчека на октябрьском пленуме ЦК КПЧ как националистический уклон и потом перед Дубчеком извинился; что на декабрьском пленуме ожидается острая дискуссия, но никакой опасности он в этом не видит. Я разговаривал и с другими членами руководства и понял, что положение серьезнее, чем считает Новотный, что речь идет о разделении обязанностей первого секретаря и президента.

Был у меня разговор и с Дубчеком. Он продолжался около часа. С Дубчеком у нас были очень дружеские отношения. Никто не говорил о демократизации и либерализации.

(Дальше Брежнев подчеркнул, что он не хотел вмешиваться в кадровые вопросы. Он не возражал против разделения обязанностей, но рекомендовал решать этот вопрос постепенно и обосновать такое решение, например, необходимостью улучшить условия работы президента.)

Однако, я ни в коем случае не касался вопроса, кто должен быть первым секретарем. Я не защищал ни Новотного, ни других. Однако через неделю после избрания Дубчека ситуация совершенно изменилась. Радио, телевидение и печать стали атаковать Новотного как „преступника”. Его обвиняли в том, что было, и в том, чего не было. Вывод? Все было заранее подготовлено. Вдруг в Чехословакии подняли большую шумиху с демократизацией и либерализацией.

После этого Брежнев рассказал о некоторых разговорах с Дубчекoм. Так, например, он спросил его: что вы понимаете под демократией? Разве до сих пор у вас не было демократии? Дубчек: У нас не проводились тайные выборы, например – на партийных конференциях, на съездах и т. д. Прежнее руководство этого не разрешало. Брежнев: Так введите их. У нас это введено давно. Измените устав партии. Но зачем нападать на Ломского, Давида, Свободу? Дубчек: Это честные товарищи. Их уберут лишь через мой труп. Однако четырех секретарей ЦК мы заменим, они недостаточно способны.

Брежнев: Мы согласились с тем, что он говорил о замене некоторых кадров, о демократизации партии и т. д. Однако нас беспокоили выпады против некоторых товарищей. Но потом последовали выступления Смирковского, Прохазки, статьи и интервью, смена кадров, о которых раньше Дубчек отзывался хорошо. Это уже делал не Дубчек, а партия под нажимом правого центра. Некоторых товарищей пытались очернить, делали клеветнические заявления, что у них руки в крови. Проявлялся антисоветизм и т. д., призывы к чистке ЦК КПЧ. В феврале я поехал в Прагу на торжественное заседание. В проекте выступления Дубчека я увидел некоторые положения из платформы правого центра: ликвидация комсомола и другие контрреволюционные идеи. Дубчек исправил текст своего выступления, но у меня создалось впечатление, что его настраивают на поддержку чуждых намерений.

Мы договорились о проведении в Дрездене коллективного совещания коммунистических партий.

В Дрездене я зачитал статьи из чехословацкой печати и указал, что это начало хитро организованной контрреволюции, которой они не дают отпора, а без соответствующего ответа существование партии окажется под угрозой. Товарищи из остальных социалистических стран также указали на такую опасность.

Чехословацкая делегация ответила: поймите нашу ситуацию. Мы видим опасность, но речь идет не об открытой контрреволюции, а лишь об антисоциалистических силах, лишь о контрреволюционной окраске. Они настаивали, чтобы в коммюнике

не говорилось о контрреволюции. Мы согласились, но потребовали, чтобы они сами проявили бдительность.

События развивались. Они не выполнили своих обязательств. Процесс контрреволюции продолжался. Были проведены кадровые изменения в секретариате и в ЦК, там появились неизвестные люди. Я звонил Дубчеку и обращал его внимание на недопустимые статьи в печати и радиопередачи. Я начал сомневаться в его способностях, в его воле руководителя.

Мы еще раз встретились в Москве с Дубчеком, Черником, Смрковским и Биляком. Биляк производит впечатление вдумчивого, теоретически подкованного человека, способного по-марксистски проанализировать ситуацию и стремящегося удержать Дубчека на правильном пути.

Переговоры продолжались два дня — та же самая история. Чернику было поручено заняться средствами массовой информации и четко определить, что разрешается, а что — нет. Смрковский должен навести порядок на радио и т. д. Мы им сказали, что партия без оружия пропаганды — это аморфная партия. Договорились, что в июне и в июле в Чехословакии состоятся маневры войск Варшавского договора.

Потом начались атаки против СССР, против ленинизма, критическое замечание Цисаржа о ленинизме. И никакого практического отпора. Назревала потребность в новых контактах с КПЧ. Братские партии также требовали встреч с Дубчеком. Мы пригласили Дубчека. Он ответил: приеду в Крым. Мы пригласили и других членов президиума ЦК КПЧ, чтобы не выделять Дубчека и Черника. Потом мы узнаем, что Дубчек приехать не может.

Появляются „2000 слов”. Мы советовали Дубчеку, чтобы он воспользовался этим и нанес удар по правым. Дубчек по телефону обещал, что он поставит вопрос на повестку дня заседания Президиума ЦК. Однако Президиум не занял наступательной позиции. Вначале Президиум извинился перед авторами „2000 слов”,* потом сделал заявление, которое нельзя считать боевым актом партии. Кригель и Черник в выступлениях по теле-

* В июле 1968 г. считалось, что „2000 слов” сформулировал коллектив авторов. — Ред.

видению отозвались о „2000 слов” положительно. Опасность для партии увеличивалась. Партия не была сплоченной, ее руководство не было способно к действию. Почти год мы проявляли терпеливость, и уже нужно было что-то предпринять. Братские партии предлагали провести встречу с более широким чехословацким представительством. Мы провели консультации с четырьмя партиями, и было послано приглашение коллективно обсудить имеющуюся информацию о положении в Чехословакии. Чехи отвергли многосторонние переговоры и предложили провести 17–19 августа двусторонние переговоры. Мы ответили, что двусторонние переговоры не могут заменить коллективные переговоры всех партий. Чехи: да, но только после двусторонних переговоров, что означало — после съезда КПЧ.

Варшава (без КПЧ): Единодушная оценка ситуации в Чехословакии как опасной для социализма, возможное превращение КПЧ в социал-демократическую, значит, — в буржуазную партию. Это — угроза достижениям социализма в Чехословакии. Мы послали из Варшавы в Прагу письмо. Если ответят, что они настаивают на двусторонних переговорах, это будет означать, что они не с нами, что они не за коммунизм.

На следующий день я предложил Дубчеку двустороннюю встречу, и в связи с чрезвычайно серьезным положением встречи полного состава политбюро КПСС с президиумом ЦК КПЧ. Это позволит более широкий обмен информацией, а тем самым и обмен мнениями. Я сказал, что мы подаем им руку, в первую очередь ему, и что так надо понимать варшавское письмо. Ведь мы не можем остаться безразличными к угрозе раскола социалистического лагеря. Пять партий пытались помочь, чтобы не нужно было применять крайние меры. Существует дилемма: мы не можем нарушить единство социалистического лагеря, поскольку это поставило бы под угрозу безопасность нашего государства и наших союзников.

Все, что происходит в КПЧ, происходит только в кабинетах. У рабочего класса нет своей трибуны.

Народная милиция* приняла правильную резолюцию.

* Вооруженные отряды партийного актива на предприятиях. — Ред.

Дубчек на собрании ее активистов произнес правильную речь, за исключением нескольких неудачных моментов.

Народная милиция приняла резолюцию за социализм, за дружбу с СССР. Она потребовала организовать в Праге митинг и манифестацию против правых. Ни митинг, ни манифестация не были разрешены. Резолюция народной милиции не была опубликована в печати и не передавалась по телевидению. Наоборот, в тот же день телевидение передавало программу о репрессиях в 50-е годы и министр внутренних дел, находившийся в те годы в тюрьме, говорил о мерах, которые он намерен принять против ответственных за деформации. И ни слова в защиту КПЧ.

У нас, таким образом, остаются лишь две возможности, и обе неприятные: либо сидеть, сложа руки, и допустить изменение границ социализма, либо принять крайние меры. Мы сделаем все, чтобы избежать применения таких мер. Но если события будут развиваться так же, и если съезд КПЧ будет демонстрацией ползучей контрреволюции, превращающей КПЧ в социал-демократическую партию и ликвидирующей достижения социализма...

Мы знаем, что это создаст трудности для братских партий. Но со временем эти трудности будут преодолены. Защита КПЧ и социализма будет оправданием в глазах всех братских партий. Но мы сделаем все, чтобы избежать крайнего вмешательства.

Роше: У нас меньше информации, чем у вас. Я поеду в Прагу и буду настаивать, чтобы КПЧ согласилась с варшавским письмом. У меня нет иллюзий, однако это нужно сделать. Необходимо использовать малейший шанс, чтобы избежать крайних мер, вмешательства. Если будут приняты крайние меры, это будет ударом по вам и по всем коммунистическим партиям. Положение окажется еще более тяжелым, чем в 1956 г., главным образом в связи с общественным мнением.

Брежнев: Да, Германия, США и де Голль этим воспользуются.

Роше: Я скажу Дубчеку, что ему необходимо поговорить с советскими товарищами и принять во внимание их точку зрения.

Брежнев: Дубчек всегда со всем соглашается. Для нас он загадка. Говорит правильные вещи, а потом ничего не делает. Почему? Он постепенно сменил в своем окружении тех, кто был там с октября 1967 г. по январь 1968 г., людьми совершенно иной ориентации. Он слишком молод — с точки зрения опыта и молод духом. У него закружилась голова.

**Сообщение о встрече Роше с Дубчеком, Гайеком,
Цисаржем и Черником**

Роше: Мы решительно поддерживаем принцип, что каждая партия должна уважать суверенитет других братских партий. Поэтому мы вовсе не намерены вмешиваться в ваши дела. Однако существует общая серьезная проблема, которая касается нас всех. Поэтому я поехал в Москву, и поэтому я сейчас в Праге.

Мы предложили созвать совещание всех коммунистических партий Европы. Мы считаем такое совещание необходимым, чтобы избежать обострения ситуации, чтобы воспрепятствовать расколу и крайностям, последствия которых очень важны для всего мира и для наших партий. Я приехал во имя дружбы, мною движет беспокойство. Напомню, что Французская коммунистическая партия положительно оценила решения вашего ЦК в январе 1968 г. Я сам поддержал их на заседании нашего ЦК в апреле и желаю вам успеха в программе развития социализма. С апреля началось ухудшение отношений между Чехословакией, с одной стороны, и СССР, Польшей, ГДР, Венгрией и Болгарией — с другой. Я хотел ознакомиться с претензиями к вам советских товарищей, и поэтому мы поехали в Москву. На основании полученной от них информации я убедился, что главный упрек вам — активизация в Чехословакии правых, антисоциалистических сил, и следует дать им соответствующий отпор.

Вследствие отмены цензуры, в условиях свободы печати некоммунисты, в той или иной степени враждебные социализму, могут поставить под сомнение руководящую роль партии, атаковать ее политику, ее руководителей и не получают соответствующего отпора. Мы читали статьи ваших интеллектуалов, которые ставят под сомнение основные принципы внешней политики Чехословакии, особенно дружеские связи с СССР.

Улучшение отношений между КПЧ и КПСС чрезвычайно важно для всего международного коммунистического движения. Ситуация очень серьезная, и я бы сказал, опасная, тем более что империалисты начеку.

У нас недостаточно сведений о положении в вашей стране, чтобы выработать собственное мнение. Действительно. ли печать, радио и телевидение ускользают из-под контроля партии и социалистического государства? Нас это беспокоит, потому что такое положение чревато опасностями.

Мы понимаем, что в условиях свободы печати некоммунистическая пресса может распространять нежелательные материалы. В таких случаях партийная печать должна решительно отвечать, опровергать неверные взгляды, чтобы воспрепятствовать их влиянию на население.

Так, было опубликовано воззвание „2000 слов”, которое использовалось как средство нажима на партию перед ее съездом. Президиум вашего ЦК назвал это воззвание атакой на партию, на социализм. Но печать, радио и телевидение широко распространяли заявление „2000 слов”. Оказалось возможным выдвинуть лозунг „профсоюзы без коммунистов”, который показывает, что элементы, враждебные партии, перешли в наступление.

Майский пленум вашего ЦК охарактеризовал правую опасность как главную, однако советские товарищи считают, что это не было подкреплено никакими практическими мероприятиями. Советские товарищи обеспокоены, потому что продолжающееся наступление правых создаст серьезную угрозу социализму.

Мы читали очень хорошие заявления о внешней политике Чехословакии, сделанные вами и другими руководителями КПЧ. Однако ваш разрыв с СССР сделал бы вас уязвимыми для Германии и США. Мы понимаем, что СССР не может допустить такого положения.

Необходимо искать согласия и осуществлять подлинное сотрудничество. Это зависит не только от вас, но в значительной степени и от вас. Необходимо достичь договоренности, учесть правильную критику ваших действий. В конце концов, в ответе

на варшавское письмо пяти коммунистических партий вы сами признаете недостаточную активность и слабость КПЧ в определенных обстоятельствах.

Ситуация серьезная. Необходимо стремиться к встрече и к дискуссиям с советскими товарищами и с товарищами из остальных социалистических стран. Необходим постоянный контроль над партийной печатью, чтобы партия в борьбе против правых и антисоциалистических сил могла твердо опереться на рабочий класс. Мы заинтересованы в благоприятном выходе из нынешней сложной и опасной ситуации, в соблюдении принципа независимости каждой коммунистической партии и интересов единства нашего движения.

Созыв совещания всех европейских коммунистических партий был нашей инициативой, мы не советовались с другими партиями. Мы считаем, что такое совещание могло бы привести к удовлетворительному решению наших общих проблем.

На вопрос Дубчека, излагает ли Роше взгляды советских руководителей или свои собственные, тот ответил, что не был уполномочен высказывать взгляды советских руководителей. В Москве он лишь выслушал их, а здесь только напомнил о них. Его собственная позиция сводится к тому, что ситуация очень серьезная.

Роше: Например, советских товарищей обеспокоила публикация „2000 слов”. Мы тоже считаем эту платформу опасной. Наше отношение к выступлениям в прессе интеллектуалов отличается от вашего... Например, статья об Имре Наде. Это очень плохо по отношению к венгерским товарищам. Повторяю, я недостаточно осведомлен, чтобы представить себе цельную картину, и пока вообще не намерен этого делать. Мы приехали, чтобы выслушать вас.

Дубчек: У нас нет никаких секретов, и мы приветствуем любые вопросы. Нам известно, что в апреле ваш ЦК поддержал нас. Вы высказали опасения по поводу возможности разрыва между КПЧ и КПСС и с другими четырьмя коммунистическими партиями. Я хотел бы подчеркнуть, что наша партия никогда

не давала повода для разрыва и разговоры об опасности разрыва нам непонятны.

В последние две—три недели (разговор происходил 19 июля) произошли совершенно непонятные для нас события. Мы хотим избежать разрыва, поскольку убеждены, что мы для него не дали никакого повода. Мы весьма заинтересованы в улучшении отношений с КПСС и с остальными социалистическими странами. Наш ЦК уполномочил нас действовать в этом духе.

Вы сообщили о вашем предложении созвать конференцию всех коммунистических партий Европы, хотя и не обосновали его. Я тоже не буду входить в подробности и отвечу, что совещание, которое занималось бы только Чехословакией, нам не представляется целесообразным. Ситуация, конечно, может измениться. Но конференция, посвященная обсуждению и оценке только одной партии, вряд ли будет полезной. Остальные коммунистические партии недостаточно осведомлены о нашей ситуации, и поэтому не в состоянии верно ее оценить. В принципе мы не против коллективных совещаний. Но если партии хотят оценить деятельность братской партии, они должны обладать достаточной информацией для квалифицированной оценки. Для этого они должны были бы посетить нашу страну и встретиться с нами.

Если они обеспокоены нашей политикой, им следовало бы ознакомиться с нашей деятельностью. Двери нашей страны открыты, каждый может ее посетить.

Да, у нас есть заботы. Но через несколько недель состоится съезд партии. Он должен решить основные вопросы. Мы не опровергаем идею коллективного совещания коммунистических партий. Мы говорим, однако, что сначала нужно встретиться в двустороннем порядке. Мы говорим также, что коллективное совещание не должно ограничиваться анализом ситуации в одной из партий. Мы говорим, что братские партии должны прежде всего получить информацию на месте, в нашей стране, чтобы их оценка была правильной и полной.

Наша внешнеполитическая линия — социализм, дружба с СССР, Варшавский договор, СЭВ. С января мы повторяли это неоднократно. Наша позиция не отличается от вашей и от позиции остальных коммунистических партий. Вы сказали, что у нас

имеются враждебные социализму силы. Да, такие силы существуют, но они есть и в других странах. Это естественно, мир разделен. Но на стороне империализма нет такой силы, которая заставила бы нас отказаться от социализма. Мы за СССР, и нет фактов, которые доказывали бы противоположное.

Вы напомнили, что с апреля—мая наши отношения с КПСС ухудшились. Я не могу привести точной даты, но мы думаем, что резкое изменение произошло несколько недель назад, примерно между 28 и 30 июня. Может быть, из-за „2000 слов“, может быть, по иной причине. В любом случае, начался поворот. Я не хочу строить догадки о причинах такого поворота.

Ухудшение отношений с остальными социалистическими странами началось не по нашей вине. Например, за шесть месяцев произошло лишь одно достойное сожаления событие — статья об Имре Наде. Плохая статья. Но она была напечатана лишь в одной газете, и это все. Наоборот, в „Руде право“ опубликовали статью, весьма положительно оценивающую политику венгерской партии под руководством Кадара. Мы осудили плохую статью о Наде, появившуюся как раз в те дни, когда я с нашей делегацией был с дружественным визитом в Будапеште. Этот наш визит был проявлением искренней взаимной дружбы.

Гайек: В то время я вел переговоры с болгарскими товарищами. У нас не было абсолютно никаких разногласий. Мы констатировали это как раз в день, когда в Праге получили варшавское письмо.

Дубчек: Некоторые наши непартийные газеты допустили ошибки по отношению к советским товарищам. Так, например, сенсация в связи с обстоятельствами смерти Яна Масарика. Но „Руде право“ разъяснило позицию нашей партии. Подробности смерти были тщательно расследованы и доказывали, что это было самоубийство... Правда, некоторые отстаивают иное мнение. Но мы убеждены, что вскоре внимание к этому вопросу развеется.

Да, публиковались и все еще публикуются плохие статьи. Но почему это должно быть причиной ухудшения отношений между коммунистическими партиями? Почему наши отношения

должны ухудшиться, если кто-то выскажет свое мнение? Ни партия, ни какой-либо официальный орган за это не несет никакой ответственности, их нельзя обвинять в том, что они дали повод к ухудшению отношений.

Роше: Однако на Западе этим злоупотребляет буржуазная печать.

Цисарж: Если этим злоупотребляют западные средства массовой информации, это не вина КПЧ.

Дубчек: Люди действительно несколько одурманены обретенной свободой, но это пройдет. Возможно, мы не успеваем со всем справиться. Но мы уже перешли в наступление, и это должно способствовать улучшению наших отношений с братскими партиями.

Мы понимаем, что советские товарищи могут быть обеспокоены некоторыми явлениями. Например *Клуб 231*. Его члены боролись за реабилитацию невинно осужденных в 50-х годах и за возмещение им ущерба. Среди членов клуба были и нежелательные элементы, некоторые были чересчур шумными. Но, за редкими исключениями, они действительно были жертвами несправедливости, и их следовало реабилитировать. Мы приняли меры по ускорению реабилитации невинно осужденных, а не полицейские меры по подавлению их деятельности. И сейчас *Клуб 231* не имеет никакого влияния, о нем почти не слышно. Другой пример: несколько человек пытались восстановить социал-демократическую партию. Мы беседовали с ними, приводили аргументы, провели разъяснительную работу в печати, и все заглохло. Почему они не в тюрьме? Возможно, в СССР их бы посадили. Но неужели это необходимо, если в нашем распоряжении достаточно политических средств, чтобы опровергнуть их аргументы? Кроме того, такие люди наперечет. А правые? Власть в наших руках, и мы не должны бояться людей, ведущих дискуссии на улицах.

Угроза нашей западной границе? Конев и другие приехали и убедились, что все в порядке. Солдат на границе сейчас больше, чем раньше.

Маневры? Я и Черник предложили провести маневры в Чехословакии, чтобы продемонстрировать миру единство Варшавского договора. Несмотря на это, возникло недоразумение! Было договорено, что маневры состоятся в конце июня — начале июля. Поскольку западная печать писала, что СССР намерен оккупировать Чехословакию, было принято решение сообщить точную дату маневров. Но после маневров войска остались. Пусть бы на неделю. Но это продолжается до сих пор. Люди забеспокоились, стали говорить: они останутся до съезда партии. Правительство потребовало назначить дату окончания затянувшихся маневров, чтобы можно было сообщить об этом народу. Никакого ответа! Мы сами обеспокоены: если не дать объяснения, общественное мнение обернется против нас и примет антисоветский характер. СССР говорит: вы убираете старые кадры, старых коммунистов. Мы ввели тайное голосование на партийных конференциях, чего старое руководство не допускало. И что стало происходить? То на одном, то на другом заводе отказываются переизбрать прежнего секретаря парткома... Но, может быть, новый секретарь лучше прежнего? Когда люди могут выбирать, они иногда меняют функционеров.

О лозунге „профсоюзы без коммунистов”. Появилось несколько листовок, и это все. Это случилось лишь на одном пражском заводе, в Тесле. Работает там около 2000 человек, преимущественно женщины, молодые девушки.

О „2000 слов”. Я не хочу обсуждать, антисоциалистическое это заявление или нет... Люди, которые его подписали, пользуются чрезвычайным уважением общественности, раньше они вообще не занимались политикой. Поймите, по отношению к этим известным людям нельзя применить административные методы. У нас есть для этого все необходимое. У нас есть сила, народная милиция. На фабриках у нас 70000 людей под оружием, готовых выступить в случае необходимости. Но применить силу в этом случае? Это было бы катастрофой. Я заявил на митинге, что мы против „2000 слов”, что осуществление требований этого заявления привело бы к анархии. Но не было ни одной манифестации в поддержку „2000 слов”... Если я могу нейтрализовать такие требования политическими средствами, почему я должен прибегать к административным методам? Если

бы я поступил таким образом, стали бы говорить, что я не способен руководить политическими методами. Однако я не хочу преуменьшать правую опасность. Она существует и будет существовать во всех социалистических государствах.

Черник: Прежняя политика власти в руках одного человека во всех слоях населения вызвала чувство гнева против КПЧ. Сегодня есть только два пути: либо ликвидировать крайности — и правые и левые, либо укрепить основное направление и таким образом ослабить крайности. Если бы представители экстремистских направлений организовались, мы наверняка применили бы крайние меры. Но наша политика приносит хорошие результаты. Главное течение укрепляется и за счет левых и за счет правых.

Единоличная власть акцентировала централизм. Связь между руководством и народом была нарушена полицейской системой и цензурой. Сегодня люди стали принимать участие в демократическом процессе. Коммунист не должен бояться активности масс. Коммунистическая партия должна быть способна возглавить этот процесс.

Советские говорят, что у нас контрреволюционная ситуация. Мы не согласны. У нас нет контрреволюционной ситуации. Побудьте у нас месяц, походите по улицам, и вы сами в этом убедитесь. На сегодня назначено заседание ЦК. Мы запретили посылать делегации для приветствия. Несмотря на это, мы получили 2400 приветственных резолюций, никем не организованных. Например, 18.500 трудящихся одной пражской фабрики по собственной инициативе подписали резолюцию, что согласны с нашим ответом на варшавское письмо пяти партий. Разве это контрреволюция? Разве миллионы людей, которые нас поддерживают, — контрреволюционеры? Сказать им это — значит обидеть их. Треть армии — коммунисты, и они идут с нами. Нужна ли нам в таком случае помощь других государств? Все офицеры нас поддерживают. Разница между нами и советскими товарищами заключается в методах управления.

Дубчек: Без какого-либо призыва, после январского пленума в КПЧ вступило 15 тыс. новых членов. Мы не поддерживаем эту тенденцию, потому что это был бы настоящий потоп.

Советские товарищи не приехали к нам, чтобы ознакомиться с положением, они хотят вести переговоры только при закрытых дверях. Мы послали им три письма с приглашением на двусторонние переговоры, которые предшествовали бы многосторонним. Почему они отказались приехать?

Я в партии 30 лет. Мой отец был одним из первых членов партии. Мы сделаем все, чтобы найти положительное решение. Так постановил наш ЦК.

С нами полемизируют по поводу статей и резолюций, которые не отражают линию партии, или которые они сочли антисоветскими. Но в Венгрии и в Польше пришлось изменить даже название партии, настолько они были дискредитированы в глазах общества. У нас же люди с нами, и если появилось лишь несколько (нежелательных) статей, это, собственно говоря, победа. Почему нужно „расстреливать” людей?

Отношения с советскими товарищами ухудшились не по нашей воле. Почему это произошло? Куда это поведет? Я не знаю. Может быть, их цель — реставрировать доянварский режим? Но наши люди это не поддержат.

Роше: Мы поддержали решение ваших пленумов в январе и апреле. Наша позиция не изменилась. Я принимаю во внимание ваши объяснения, как и точку зрения Москвы. Было полезно выслушать разные точки зрения, чтобы составить правильное представление о сложившейся ситуации.

Мы желаем вам успеха. Мы всегда считали, что развитие социалистической демократии (это и наша программа) — требует политического ответа враждебным партии элементам, правым силам. Я тоже не знаю, почему возникла столь напряженная ситуация, но я чувствую, что могут произойти серьезные события. Разрыв между КПСС и КПЧ чреват серьезными последствиями для всех стран Европы. Необходимо встретиться, все обсудить и уладить. Мы заинтересованы, чтобы проблема была решена в сотрудничестве вашей страны с партиями социалистических стран в интересах всего нашего движения.

Дубчек: И мы желаем того же. За шесть последних месяцев не было ни одной вражеской манифестации. Нужно оставить нас в покое.

Политбюро ФКП отвергает варшавское письмо
(23 июля)

Через четыре дня после возвращения Роше из Праги, почти за месяц до вторжения иностранных войск на территорию Чехословакии Политбюро ФКП отказалось поддержать варшавское письмо пяти коммунистических партий:

„Дорогой товарищ Брежнев!

Политбюро ФКП не может принять Ваше предложение присоединиться к письму пяти коммунистических партий, посланному из Варшавы руководству КПЧ.. Это письмо ставит под сомнения принципы, на которых должны строиться отношения между коммунистическими партиями. Оно развязывает процесс, который может привести к чрезвычайно серьезным последствиям для социализма и международного коммунистического движения. Декларация коммунистических партий 1960 г. провозглашает независимость и равноправие компартий, их право вырабатывать свою политику в соответствии с конкретными условиями своих стран.. Каждая партия ответственна перед рабочим классом и трудящимися своей страны.. Наша партия твердо стоит на этих принципах. Каждая партия, в зависимости от конкретных условий, имеет право определять свою политику, формы своей деятельности, методы борьбы... Ни одна партия не может навязывать свои взгляды другим партиям...

Варшавское письмо ставит под сомнение эти основные принципы и представляет собой открытое вмешательство во внутренние дела братской партии, и мы не можем его поддержать.

Военная интервенция в Чехословакию будет катастрофой для международного коммунистического движения; престижу СССР и остальных социалистических стран будет нанесен серьезный ущерб..”

Людвик Вацулик

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЛОВ,

с которыми мы обращаемся к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, деятелям искусства и всем другим.

Ранее нашему национальному существованию угрожала война. За тем последовали тяжелые времена и события, опасные для его духовного здоровья и характера. С надеждой приняло большинство народа программу социализма. Однако бразды правления оказались в руках неподходящих людей. Было бы не столь существенно, что им недоставало опыта государственной деятельности, знаний и философского воспитания, если бы они обладали здравым умом и порядочностью, были бы способны выслушивать другие мнения и позаботились, чтобы на смену им постепенно приходили более способные.

Коммунистическая партия, пользовавшаяся после войны широким доверием людей, постепенно разменяла его на правящие посты, и когда заняла их все, у нее ничего другого уже не осталось. Мы обязаны сказать о том, что знают и наши коммунисты, разочарованные не меньше остальных. Ошибочная линия руководства превратила партию из политического и идейного объединения в организацию власти имущих, ставшую весьма привлекательной для тщеславных эгоистов, рассчетливых трусов и людей без совести. Такое пополнение повлияло на характер и поведение

партии, внутренняя организация которой не была приспособлена к тому, чтобы в ней, не совершая позорных поступков, могли продвигаться порядочные люди и постепенно изменять её в соответствии с меняющимися условиями современного мира. Многие коммунисты старались предотвратить упадок партии, однако им не удалось воспрепятствовать тому, что произошло.

Положение в коммунистической партии было моделью и причиной аналогичного положения в государстве. Слияние партии с государством привело к тому, что партия потеряла преимущества, вытекающие из отделения от исполнительной власти. Деятельность государства и экономических организаций не подвергалась критике. Парламент разучился вести дебаты, правительство — править, а управляющие — управлять. Выборы потеряли значение, законы потеряли силу. Мы не могли доверять тем, кто должен был представлять нас в органах власти, а если и доверяли, то не могли от них чего-либо требовать, так как они не имели возможности что-либо сделать. Еще страшнее, однако, то, что мы почти не могли доверять друг другу. Девальвировалось понятие личной и коллективной чести. Порядочность не вела к успеху, и никого не оценивали по способностям. Поэтому большинство людей потеряло интерес к общественным делам и заботилось лишь о своих интересах и зарботке. Положение усугублялось тем, что на заработанные деньги уже нельзя приобрести необходимое. Испортились отношения между людьми, труд перестал приносить радость, короче говоря, настали времена, когда в опасности оказалось духовное здоровье и характер народа.

Мы все несем ответственность за создавшееся положение, но коммунисты ответственны за него в большей мере. Главную долю ответственности, однако, несут те, кто был частью или орудием бесконтрольной власти. Это была власть группы косных людей, охватившая посредством партийного аппарата всю страну. Аппарат решал, что дозволено и что запрещено, он, а не члены сельскохозяйственных кооперативов, управлял этими кооперативами, он, а не рабочие, управлял заводами, он, а не граждане, руко-

водил местными органами власти. На деле ни одна организация не принадлежала её членам, как и сама коммунистическая партия. Главной силой и самым большим обманом было то, что власть имущие свой произвол представляли как волю рабочих. Если поверить этой лжи, то следовало бы считать рабочих виновными за упадок нашего народного хозяйства, за преступления против невиновных людей, за цензуру, препятствовавшую, чтобы об этом стало известно. Рабочие несли бы вину за ошибочные капиталовложения, потери в торговле, нехватку квартир. Ни один разумный человек в такую вину рабочих, разумеется, не поверит. Все, и в первую очередь, сами рабочие знают, что они практически ничего не решали. Представителей рабочих утверждал кто-то другой. Хотя многие рабочие считали, что они действительно правят, на самом деле от их имени руководила специально подготовленная для этого прослойка функционеров партийного и государственного аппарата. На деле она заняла место свергнутого класса, и сама стала новой властью. Мы должны, однако, сказать, что часть функционеров давно понимала этот плохо поставленный спектакль. В настоящее время таких функционеров можно распознать. Они восстанавливают справедливость, исправляют ошибки, возвращают права членам партии и гражданам, ограничивают власть и численность аппарата и вместе с нами борются с отсталыми взглядами других членов партии.

Однако значительная часть функционеров препятствует переменам, и они еще очень влиятельны. В их руках орудия власти, особенно в районах и населенных пунктах, где они могут использовать эти орудия тайно, не опасаясь, что будут привлечены за это к ответственности.

С начала нынешнего года происходит процесс возрождения и демократизации. Этот процесс начался в коммунистической партии, и следует это признать. Это сознают и некоммунисты, которые уже ничего хорошего от коммунистической партии не ожидали. Следует, разумеется, добавить, что этот процесс и не мог быть начат другими. Ведь только коммунисты в течение прошедших 20 лет /с 1948 г. по 1968 г.—Ред./ жили хоть какой-то политической

жизнью, только коммунисты могли критически выступать там, где принимались решения, только внутривнутрипартийная оппозиция обладала привилегией тесных контактов с противником. Поэтому инициатива и усилия коммунистов-демократов являются лишь возвращением долга компартии некоммунистам, которых она удерживала в неравноправном положении. Коммунистическую партию не за что благодарить, но, очевидно, следует признать, что она действительно стремится использовать последнюю возможность спасти свою честь и честь народа. Процесс возрождения не принес никаких радикальных новшеств. В этом процессе высказываются многие идеи и предложения, которые старше ошибок нашего социализма, или же генерировались под поверхностью мнимой деятельности и были бы высказаны уже давно, если бы их не подавляли. У нас не должно быть иллюзий, что эти идеи побеждают ныне силой правды. Причиной их победы была, скорее, слабость прежнего руководства, видимо, уставшего от двадцатилетнего монопольного правления. По-видимому, все дефекты, обусловленные характером и идеологией системы, уже созрели. Поэтому не надо переоценивать значение критики со стороны писателей и студентов. Причина общественных перемен — неудовлетворительное состояние народного хозяйства. Верное слово оказывает влияние лишь в соответствующих, созревших условиях. У нас "соответствующие" условия, к сожалению, это всеобщая нищета и полное разложение старой системы правления, когда тихо и спокойно, за наш счет коррумпировались политические деятели соответствующего типа. На самом деле, не правда победила, а просто ничего, кроме правды, не осталось, так как все остальное было разбазарено! Поэтому нет никаких причин для народных празднеств, но есть повод для новой надежды.

В момент возрождения надежды, которая все еще находится под угрозой, мы обращаемся к вам. Понадобилось несколько месяцев, чтобы многие поверили, что могут говорить вслух; многие, однако, продолжают не верить до сих пор. Мы уже столько сказали и настолько раскрылись, что теперь необходимо осуществить намерение очеловечить

этот режим. Иначе возмездие старых сил будет жестоким. Мы обращаемся, главным образом, к тем, кто до сих пор выжидает. Наступающие времена окажутся решающими для будущего.

Подходит лето, с каникулами и отпусками, когда нам, по старой привычке, захочется все оставить позади. Можно, однако, поспорить, что наши дорогие противники не уедут отдыхать. Они постараются мобилизовать обязанных им людей, и уже сейчас начнут готовить спокойные рождественские праздники! Давайте внимательно следить за тем, что происходит; постараемся это понять и дать отпор. Мы должны отказаться от неосуществимого требования, чтобы кто-то сверху нам все объяснил и указал единственно верное и простое решение. Каждый должен будет сделать выводы сам и нести за них ответственность. Общие для всех выводы могут быть сформулированы лишь в дискуссии, условием которой является свобода слова. Это, собственно говоря, является единственным нашим демократическим достижением в этом году.

Будущее требует нашей инициативы и наших решений.

Прежде всего мы должны выступать против заявлений, если такие появятся, что демократическое возрождение следует осуществлять без коммунистов или в борьбе с ними. Это было бы и несправедливо и неразумно. У коммунистов есть организация, и необходимо поддержать прогрессивное крыло этой организации. У них есть опытные функционеры и, в конце концов, в их распоряжении все рычаги и приводные ремни. Они выступили с Программой действий, которая является и программой выравнивания величайшего неравенства. Ни у кого другого нет подобной конкретной программы. Нужно требовать, чтобы в каждом районе и каждом населенном пункте они представили общественности свою программу действий в этом месте. Здесь речь идет о совсем обычных и давно назревших мероприятиях. КПЧ готовится к своему съезду, на котором будет избран новый ЦК. Требуйте, чтобы он был лучше нынешнего. Если коммунистическая партия, наконец, заявляет, что в будущем она намерена сохранить руководящее положение, опираясь на дове-

рие граждан, а не на насилие, мы будем доверять таким заявлениям настолько, насколько можем верить людям, которых партия пошлет в качестве делегатов на районные и областные конференции.

В последнее время люди обеспокоены замедлением процесса демократизации. Это ощущение вызвано отчасти усталостью от бурных событий, отчасти тем, что завершился период поразительных разоблачений, отставок высокопоставленных лиц и необыкновенно смелых высказываний. Борьба, однако лишь приобрела несколько другую форму — это борьба за содержание и трактовку законов, за политические мероприятия. Кроме того, мы должны предоставить новым людям — министрам, прокурорам, председателям и секретарям — определенное время. У них есть право на это время, в течение которого они либо оправдают себя на работе, либо провалятся. От центральных политических аппаратов сегодня нельзя ожидать большего: они и без того выказали удивительные добродетели.

Какой будет наша демократия, зависит от того, что произойдет с предприятиями и на предприятиях. Несмотря на все наши дискуссии, в конце концов, все мы в руках хозяйственников. Хороших хозяйственников следует искать и продвигать. Верно, что в сравнении с развитыми странами, всем нам платят мало, а некоторым мало и по нашим меркам. Если требовать больше денег — их можно напечатать и тем самым обесценить. Прежде всего необходимо требовать, чтобы директора предприятий и председатели кооперативов объяснили, что и как они намерены производить, кому и по каким ценам продавать, какие будут прибыли, какая доля этой прибыли пойдет на модернизацию производства, а какая будет распределена. За кажущимися скучными газетными заголовками скрывается упорная борьба — за демократию или за доходные места. Рабочие могут вмешаться в эту борьбу в качестве предпринимателей — выбирая своих представителей в управление предприятия и в заводские советы. В качестве трудящихся рабочие могут защитить свои интересы, выбирая на посты в профсоюзные органы своих представителей и лидеров, спо-

собных и честных людей, безотносительно к их партийной принадлежности.

Если в настоящее время невозможно ожидать большего от центрального аппарата, необходимо добиваться большего в районах и населенных пунктах. Будем требовать отставки тех, кто злоупотреблял властью, кто нанес ущерб общественной собственности, кто вел себя нечестно и жестоко. Нужно находить способы заставить их уйти, например, публичной критикой, резолюциями, демонстрациями, сбором денег на подарки ради их ухода на пенсию, забастовками, бойкотом. При этом необходимо отвергать способы незаконные, нетактичные, грубые, потому что этим воспользуются, чтобы оказать давление на Дубчека. Следует осуждать грубые письма и показывать, что каждое такое письмо, полученное ими, ими же было сфабриковано. Необходимо оживить деятельность Национального фронта. Необходимо требовать открытых заседаний местных органов власти. Для решения вопросов, которыми никто не занимается, необходимо учреждать гражданские комитеты и комиссии. Это просто: собираются несколько человек, избирают председателя, составляют протокол заседания, публикуют свое заключение, требуют решения поставленной ими проблемы и не допускают, чтобы их заставили замолчать. Районную и местную печать, которая в большинстве случаев является рупором аппарата, следует превратить в трибуну всех позитивных политических сил — требовать создания редколлегии из представителей Национального фронта или создать новые газеты. Необходимо создавать комитеты в защиту свободы слова, самим организовывать поддержание порядка на собраниях. Если появляются странные новости, их следует проверить, посылая делегации в соответствующие инстанции, и доводить ответы до сведения общественности. Необходимо оказывать поддержку органам безопасности, когда они борются с подлинными преступлениями. У нас нет намерений способствовать безвластью и всеобщей неуверенности. Следует избегать соседских ссор и не упиваться политической атмосферой, разоблачать сексотов.

Оживление передвижения по стране в летние месяцы

будет сопровождаться активизацией интереса к упорядочению государственных и правовых отношений между чехами и словаками. Мы считаем, что наилучшее решение национального вопроса — это федерализация, но это лишь одна из мер, направленных на развитие демократии, и только эта мера не улучшит положения словаков. Эта мера не решает проблему политической власти — в чешских землях и в Словакии. Власть партийно-государственной бюрократии при этом может сохраниться, тем более в Словакии, потому что там возникнет иллюзия "завоевания большей свободы".

Причиной глубокой обеспокоенности наших граждан в последнее время является угроза вмешательства в наши дела извне. Перед лицом превосходства этих сил мы можем только защищаться. Мы должны дать понять нашему правительству, что мы будем его поддерживать и с оружием в руках до тех пор, пока оно будет выполнять волю народа, наших же союзников мы можем заверить, что будем соблюдать союзные, дружественные и торговые договоры. Раздраженные упрёки и подозрения с нашей стороны могут только затруднить положение нашего правительства, а нам не помогут. Равноправные отношения мы можем обеспечить лишь качественным улучшением наших внутренних условий, продвинуть процесс возрождения настолько, чтобы выбрать мужественных, честных и мудрых государственных деятелей, которые смогут такие отношения установить и сохранить. Это, собственно говоря, и есть вечная проблема правительства всех малых государств мира!

Весной нынешнего года мы снова, как и сразу после войны, получили великий благоприятный шанс. Мы снова можем взять в свои руки наше общее дело, которое принято называть социализмом, и придать ему форму, более соответствующую прежнему доброму имени нашей страны и репутации нашего народа. Весна уже закончилась, она уже не вернется. К зиме все станет яснее.

На этом мы заканчиваем наше обращение к рабочим, крестьянам, служащим, деятелям искусства, ученым, техническим работникам и всем остальным, написанное по инициативе ученых.

"Литерарни Листы" № 18, 27-го июня 1968 г.

Н. С. Хрущев

КАК МЫ ОБМАНУЛИ ГИТЛЕРА*

39 год, когда был подписан договор Риббентропа—Молотова, так, как его называли на Западе, значит, и тогда я сам слышал, Сталин нам сказал, что ну, обману, обману Гитлера. Следовательно, обманул Гитлера. Это значит, что тогда он считал, что Гитлер... я так думаю, я допускаю лучшее, что он понимал, что Гитлер все равно нападет на нас, но только он выиграет время подписью этого договора. Что вместо того, чтобы вызвать Гитлера первым на себя, то есть на Советский Союз, столкнуться с ним, так сказать, лбами, значит, что подписанием договора мы минули, миновали этого, значит. И тем самым создались условия, когда столкнулись Гитлер вначале с европейскими западными странами, то есть через Польшу он столкнулся с Англией, Францией и другими, с Бельгией и Голландией, значит, с Норвегией, Данией, значит. Ну, это выигрыш времени. Я думаю, что если Сталин это так понимал, я хотел бы его понимать, чтобы он именно так понимал, тогда он должен был приложить все усилия к тому, чтобы, подписавши договор о ненападении и дружбе с Гитлером, сейчас же развернуть работу нашей промышленности, наших научных учреждений, наших конструкторских бюро, которые занимались вооружением, и развернуть эту машину на полный ход. На полные обороты. И, если бы мы это сделали,

* Из воспоминаний Н. С. Хрущева, перепечатанных с магнитофонной ленты.

значит, у нас — я даже беру так — 39 год, 40 год и половину почти 41 года, почти половина, да, половина, потому что 22 июня начал войну Гитлер, так вот эти 39, 40, два с половиной года, это как раз те годы, за которые мы, потерявши полстраны, значит, я говорю по промышленному потенциалу, а, может быть, даже больше, мы сумели, значит, восстановить свою промышленность по производству вооружения и обеспечить армию средствами войны. Значит, если бы мы это использовали, значит, и дали бы к 41 году то, что мы дали к 43 году, значит, значит, нашей армии... значит, это было бы вполне достаточно, а, может быть, даже с лихвой с тем, чтобы разгромить немца на границе, на наших границах и не допустить вторжения немецких орд в пределы Советского Союза. Но этого не было. Это же... это же история знает... да...

Гитлер готовил свое нападение, и прежде всего он направил свои усилия лишить нас кадров. Лишить нас кадров военных, лишить нас кадров партийных, лишить нас кадров ученых, интеллигенции и промышленных — инженеров и экономистов. И он своей цели достиг. В момент, так сказать, высшего накала и уничтожения людей — в 37-й год — мы в этот год, единственный год из пятилеток, когда план промышленный не был выполнен. Почему? В результате истребления кадров партийных и хозяйственных и инженерных кадров. И нашей интеллигенции. Вот это первый результат. А потом уже война. Тут уж Гитлер подготовил условия наступления. Он уже подготовил, значит, тем, что он задержал развитие нашей промышленности, потому что мы выполняли пятилетки... пятилетки, значит, кроме 37-го года, а то мы выполняли. Но если бы эти кадры не были истреблены наши в промышленности, инженеры, директора, экономисты, то, безусловно, тем бы был бы выше наш... и мы были бы еще сильнее подготовлены...

Ну, значит, вот на этом я и хотел бы закончить свои воспоминания об этом очень ярком, так сказать, периоде времени нашей партии, борьбы нашего народа за преобразование нашего общества из капиталистического на социалистических началах. Больших успехов в области строительства, создания индустрии, в области перестройки сельского хозяйства, значит, в области поднятия культуры, науки, искусства, процветания, так сказать, ну, значит, на пользу народа, значит, всех отраслей работы,

значит, и культуры и искусства. Но это, опять же я говорю, это усилие народа, это народ разбудил свои силы и создал вот такую могучую армию, могучую державу, какой является сейчас Советский Союз. Ну, я воздерживаюсь сейчас говорить „самый могучий”, потому что нельзя преуменьшать силы наших противников, но, во всяком случае, мы не слабее любой страны в одиночку взять. Я считаю, что сейчас промышленность сильнее покамест в Соединенных Штатах Америки, но армия наша сильнее. И вооружена наша армия не хуже. Не хуже. Во всяком случае, я говорю, не хуже. Так же, а, может быть, даже и лучше. А я бы считал, что так же, и это уже большим является предупреждением для авантюристов, милитаристов, значит, агрессоров в Соединенных Штатах Америки, значит, что если они развяжут войну, то эта война им боком выйдет, значит. А уж я не говорю об европейских наших противниках, как Западная Германия — это собственно, с нами сейчас, если в Европе без Америки — это нуль. И сейчас никакой, так сказать, здравомыслящий человек, как бы он ни был ослеплен ненавистью против стран социализма и, в первую голову, против Советского Союза, если рассматривать Советский Союз как лидера, как первой мировой державой социалистической, значит, и самой мощной, значит, конечно, никто не может с нами сравняться. Ни в одиночку из европейских, ни все вместе. Все вместе они слабее против нашего одного государства, Советского Союза. И это, значит, вот результат ленинской политики, это результат марксистского ленинизма, это результат, так сказать, вот, значит, победы Октябрьской революции и развертывания деятельности во всех направлениях, значит, на основе учения, могучего учения, самого прогрессивного учения, марксистско-ленинского учения. На этом я сегодня заканчиваю.

* *
*

Я приезжал, помню, из Киева... и другой раз за столом у Сталина, значит, был какой-то обмен, но такой, который сейчас, так сказать, не отложился в памяти конкретно, значит, только общие такие... Но они правильно тогда отражали... англичане

и французы не хотят с нами объединить своих усилий, что они, так сказать, проводят время, значит, и, собственно, бесплодными разговорами подталкивают Гитлера на действия в направлении Советского Союза, чтобы удовлетворить запросы захватнические немцев за счет востока, как они говорили, за счет Советского Союза. Долго эти переговоры велись, значит, вел их Ворошилов, по-моему, я не знаю, кто еще входил в состав этот, значит, но я помню, значит, это было в августе, я приехал из Киева, значит. Суббота была. Я пришел к Сталину, на дачу приехал к нему. Он мне сказал, что вот сейчас приедут те-то, те-то, значит... значит, члены Политбюро, и говорит, что — вот, завтра прилетит к нам Риббентроп. И смотрит на меня, улыбается. Как это, мол, произведет... Какое это произведет впечатление на меня. Я на него смотрю, то считаю, что он шутит, чтобы к нам Риббентроп прилетел, что это бежал он, что ли, бежать собирается... Но вот, он говорит, Гитлер прислал телеграмму, передал, значит, через Шуленберга, посол Германии был Шуленберг, значит, что он в этой телеграмме пишет, прошу, господин Сталин, принять моего министра, Риббентропа, который, так сказать, вот везет конкретные предложения. Да, говорит, вот завтра мы его встретим, а завтра — это 23 августа, это число, по-моему, я безошибочно запомнил и называю его. Я собирался поехать на охоту. В Давидовское охотничье хозяйство, которое считалось тогда — и это было правильно — созданное Ворошиловым и Ворошилов шефствовал над этим хозяйством, и, главным образом, в этом хозяйстве охотились военные. Я никогда там не бывал до этого времени, и впервые, вот, собрался поехать. Мы сговорились с Булганиным и Маленковым, что мы втроем поедем туда на охоту. Я Сталину об этом сказал, что, я говорю, я собирался завтра поехать на охоту, значит. Он говорит, хорошо, поезжайте, значит, завтра никого не будет, значит, я его приму... кажется с Молотовым, что ли, и и послушаю. А потом вы приедете с охоты, приезжайте, тогда, значит, вот, я расскажу, значит... какие-то детали и как... какой результат. Так мы и сделали. Рано утром мы выехали... не рано утром, а мы на ночь выехали на охоту, значит, втроем. Когда мы приехали, то там уже был Ворошилов на охоте. Следовательно, Ворошилов при встрече с Риббентропом не был у Сталина, я

сейчас думаю, так оно и было, значит, и были другие военные маршалы, генералы, довольно много людей. И мы охотились, погода была чудесная. 23 августа тепло было, и охота была очень удачная, и я, так сказать, как, значит, прошу не понять меня, как уже сложилось понятие об охотниках-хвастунах, что мне тогда удалось на одну утку больше убить, чем убил Ворошилов. Я это почему говорю, потому что Ворошилов, ворошиловские стрелки, Ворошилов, так сказать, стреляет из винтовки, Ворошилов стреляет из охотничьих ружей... лучше всех стреляет и прочее. Ну такой, знаете, подхалимаж такой был, значит, и в печати и, так сказать, не в печати, значит.

Я приехал тогда с охоты, сейчас же поехал к Сталину и повез уток, значит, как говорится, на общий... для общего котла, потому что у Сталина должны были собраться все члены президиума, которые к этому времени были в Москве, значит. И я Сталину, конечно, рассказал, похвалился. Он, значит, был в очень хорошем настроении и шутил, значит. К охоте он относился по-разному. Другой раз он и сам порывался поехать, а другой раз, значит, видимо, в каком-то настроении, когда он пребывал, он резко высказывался против охотников. Но не с точки зрения, так сказать, вот как эти люди, которые стоят на позиции защиты живого, всего живого, значит. А он с точки зрения траты времени, мол, вот это трата времени, хотя сам-то он тратил, если не на охоту, но вот кто уж тратил время впустую и сколько, я думаю, что больше этого... большей частью, ну, эта трата времени была впустую — за столом, с вином, с обедами и с ужинами и прочее, и прочее, и прочее, значит.

Когда мы собрались у Сталина 23 августа к вечеру, покамест готовились наши трофеи к столу, значит, к которому мы готовились, Сталин рассказал, что, вот, прилетел Риббентроп. Он уже, говорит, улетел. И он, значит, приехал с проектом договора о дружбе и ненападении, значит. И мы этот договор подписали, значит. И Сталин очень в хорошем настроении был, значит, вот, мол, завтра эти англичане и французы, представители, узнают, и завтра, так сказать, они уедут, они были в это время в Москве, значит, и, ну... И в тот день он правильно оценивал значение этого договора и понимал, что тут, говорит, Гитлер хочет нас обмануть, говорит, перехитрить, а я, говорит,

считаю, что мы его перехитрили. Мы подписали договор. Ну, естественно, что мы были за это, хотя чувство такое смешанное было, потому что и Сталин, я чувствовал, что и Сталин это понимает, поэтому он и говорил, что тут, знаете, идет игра — кто кого перехитрит, кто кого обманет, значит.

Ну, рассматривалось нами так, что начнется война, значит, в которой Запад направлял против нас один на один Гитлера, значит. Этим договором, значит, получалось так, что войну начинает Гитлер. Это нам было выгодно с точки зрения и военной, и моральной, значит, и он таким образом вызывает на войну против себя Францию и Англию, значит, в первую голову, а против Польши он выступает непосредственно. Чехословакию он уже захватил, значит. Таким образом, значит, а мы остаемся нейтральными. Я считаю, что это было положение лучшее для нас, и я его понимал и одабривал, что, если Англия и Франция того времени хотела направить против нас Германию один на один, а самим, так сказать, потирать руки от удовольствия и откупиться за счет нашей крови, за счет наших территорий, за счет наших богатств, Польша, проявившая совершенно неразумную политику, проводившая совсем неразумную политику, которая и слышать не хотела об объединении наших общих усилий против Германии в интересах Польши и в интересах... то мы, у нас другого выхода не было... Если рассматривать войну как игру, значит, и есть возможность, что в этой игре не подставлять своего лба под вражеские пули, к чему все время делали западные державы, то этот выбор — он имел оправдание и понимание. И я его и сейчас так рассматриваю, хотя очень тяжело было, очень, значит, чтобы нам, коммунистам, антифашистам, люди, которые совершенно на противоположных позициях философских и политических стояли, и вдруг, нам... вроде мы объединяем свои усилия в этой войне. А обывателям так это казалось, значит. И это было очень трудно самим понять, значит, переварить это, значит, и найти, так сказать, исходные для того, чтобы опираться на них, разъясняя другим, и очень трудно даже при всепонимании — трудно доказывать другим, что это выгодно для нас и что это мы вынуждены сделать, и это с пользой мы делаем для себя.

Было известно, поэтому, когда стали наступать немцы

против Польши, что наши войска были сосредоточены на границе. Я помню, я тоже тогда был с войсками, значит, командующие все мы были, члены военного совета, значит, на границе. Значит, я как раз был в направлении с войсками, в направлении, которые должны были действовать на Тарнополь, значит, и там же был Тимошенко. Тимошенко командовал Киевским военным округом, значит. И когда немцы подходили к той территории, которая по договору отходила к нам, наши войска были двинуты, собственно говоря, тогда уже Польша почти прекратила сопротивление. Еще какое-то изолированное сопротивление оказывали поляки в Варшаве, но уже такого организованного государственного сопротивления польской армии — его уже не было, оно было сломлено, была разгромлена... И Польша была, оказалась совершенно неподготовлена к этой войне. Сколько форса, сколько гордости и, так сказать, ну, такого пренебрежения к нашим предложениям об объединении наших усилий, и какой, так сказать, позорный провал, значит, военной машины и государства Польского.

И мы перешли, значит, фактически против нас сопротивление было... почти не было. Мы двинули свои войска, дошли до Тарнополя, и мы с командующим Тимошенко выехали, по моему, мы проехали по Тарнополю, а потом из Тарнополя мы поехали другой дорогой, я бы сказал, довольно неразумно, потому что были еще польские некоторые отряды, которые оказывали сопротивление. И мы через некоторое местечко польское, на польской территории тогда, значит, это украинские были, но города были с довольно большой прослойкой польской. Мы проезжали, там еще не было советских войск. Поэтому всякое могло случиться. Но мы вернулись к своим войскам, и нам сказали, что Сталин, значит, требует к телефону. Мы доложили, как протекает наша операция, значит, и тем самым на этот день закончены были наши операции. Следующее, я не знаю, сколько дней, значит, мы подошли, наверное, день или два или три, значит. Первый день мы к Тарнополю подошли, значит. А к Львову, наверное, на второй или на третий день. Под Львовом, значит, когда наши войска уже подошли к Львову, то уже... немцы тоже подошли ко Львову. Но мы опередили немножко, значит. Львов мы еще не... Во Львов немцы не вступили.

Тогда вопрос возник, значит, чтобы не столкнуться нашим войскам с немцами, с немецкими войсками, мы решили войти в контакт с немцами, и для этого был послан, значит, от советских войск теперь маршал артиллерии Яковлев. Он тогда командовал артиллерией Киевского военного округа. Он немножко немецкий язык знал, и он вступил в переговоры. Войсками, которыми командовал тогда по захвату Львова, командовал Голиков — теперь маршал Голиков. Я помню, я тогда к нему приехал, его штаб стоял недалеко от Львова, стояли скирды соломы. Вот под этими скирдами он, значит, и находился со своим штабом, Голиков. И переговоры окончились довольно быстро, и немцы хотели ворваться во Львов, но это была цель их — первым делом, чтобы ограбить Львов, пограбить. Но, так как наши войска пришли уже, и немцы не хотели продемонстрировать, что они не придерживаются договора, который у нас был, они говорят — пожалуйста, можете войти. И мы вступили во Львов, значит. Во Львов, потом в Драгобыч, Борислав, значит, и наши войска вышли на границу... и та, которая была определена договором с немцами, значит. И некоторые территории уже были заняты немцами, значит. И тогда возник вопрос, как немцы — отойдут ли на границы, которые были по договору определены, или будут настаивать сохранить то, что фактически они уже занимают, значит. Но Гитлер тоже играл, как говорится, с большим размахом, и поэтому по мелочам он не хотел создавать с нами конфликты, и тем самым расположить, что он человек слова, если дал, то его придерживается, и войска были отведены, и наши войска вышли на границу, которая была обусловлена договором, подписанным Риббентропом и Молотовым, кажется, Молотов подписал от Советского Союза.

Вот так закончился первый этап, значит. И здесь я не скажу, что он был не прав. Здесь был большой подъем и в наших войсках, и в народе, особенно, Украина, она, так сказать, давно стремилась и, так сказать, воспевала воссоединение в едином государстве всего украинского народа, а это были земли действительно исторически украинские, и украинцами заселенные, за исключением только тех городов... Города... Львов в абсолютном большинстве был заселен поляками, но это искусственное

заселение, потому, что, например, во Львове украинцев даже не принимали на работу по мощению улиц, дискриминация национальная была, и в других городах такая дискриминация. Это для того, чтобы больше было бы польского населения в этих городах — опора, значит.

Потом, по границе, которая была граница установлена, значит, в результате нападения Пилсудского на Советский Союз, когда была война в 20-ом году, там были территории захвачены, которые были до первой мировой войны, входили в состав Российской империи. А поляки захватили, мы были слабы, и мы не смогли, так сказать, отстоять даже тех границ, которые были границами с Австрией, значит, у царского правительства. Значит так, поляки, когда захватили эти территории, населенные украинцами и украинские земли, они, так сказать, выдвинули задачу расположить по границе польское население. Это называли их осадниками. Вот эти осадники — это крестьяне, так сказать, которые занимались крестьянским производством, но это была опора, значит, Польской армии, значит. Они сидели на границе с нами, значит, и, так сказать, защищали свою границу против Советского Союза, значит. И когда все это было сломано... сломлено, значит, и границы, так сказать, были перенесены на запад, значит, перенесены... Но если уж так говорить об исторических национальных интересах украинцев, то украинцы еще были не совсем удовлетворены этим договором, потому что мировая пресса и мировая общественность знала, что договор, который был после первой мировой войны подписан союзниками, бывшими союзниками царской России, что по этому договору определялась граница России, значит, они считали, что советская власть — это временная власть в России, а, значит, чтобы своему союзнику, значит, обеспечить границы, то были эти границы установлены, я помню, по Украине, так назывались „линия Керзона”. Линия Керзона. То эта линия Керзона, значит, в сравнении с линией, которая была обозначена по договору Риббентроп—Молотов, подписанному договору с Германией, то вот эта линия Керзона, она была еще западнее этой границы, которая... Так что украинцы еще считали, что они кое-что недополучили... из своих земель, которые были даже признаны за Украиной или за царской Россией со стороны бывших союзников, значит, которые подписали договор, вот в результате

разгрома в первой мировой войне германского милитаризма.

Вот, собственно, это первый период, значит, напряжения, предвоенного напряжения, которое было, которое переживали мы, значит. И его, я бы сказал, разрядка. Условно, но я все-таки назову ее разрядка, потому что она закончилась положительно, в пользу Советского Союза. И если рассматривать с точки зрения территории, территориальных приобретений, которые Советский Союз в результате подписания этого договора приобрел, то он ничего, почти ничего, не приобрел, значит, к тому, что, так сказать, по закону, значит, полагалось Советскому Союзу. Потому что это были русские земли, и это земли... украинские земли, которые были захвачены Пилсудским, за исключением небольших территорий там... в районе Белоруссии, где-то, кажется, Белосток и... ну, исторически, значит, там уже польское население... (перерыв несколько секунд)

Во Львове и в других городах западных областей была большая прослойка и еврейских — и рабочих, и еврейской интеллигенции. И я не помню сейчас что-либо отрицательного, значит, в проявлении отрицательном, антисоветском исходило бы от этой части населения. Среди еврейских рабочих и интеллигенции много было коммунистов, значит, западных областей Украины. И тогда, по-моему, эта организация называлась КПЗУ — Коммунистическая партия захидний Украины, так, если расшифровать эти буквы. И туда входили и украинцы, и евреи. Там, по-моему, были, нетвердо сейчас я помню... И мы собирали... Помню, когда мы собрали уже во Львове, по-моему, в оперном театре большое собрание, значит, это был митинг, и поэтому доступно было всем. Мы приглашали туда и украинцев, и евреев, и поляков, значит. Главным образом, рабочие были там и интеллигенция. И выступали там евреи тоже. Но странно нам было, советским людям, слушать, когда евреи выступали, и они обращались к своей нации, то они говорили: „Мы жиды... мы от жидов”, значит, и нас это било, буквально, так сказать, по нашему сознанию, и мы чувствовали за них, так сказать, оскорбление, за нацию еврейскую. И потом, в кулуарах, я говорил, послушайте, что вы так... вы говорите евреи, а жиды — это оскорбительное. У нас, вот, на западе, мы

считаем оскорбительным, когда нас евреями называют, а жи-ды — мы ведь жида, поэтому мы называем себя жидами, значит. Это для всех советских людей было очень странным, мы не привыкли к этому, значит. Но, видимо, они правы, потому что если вернуться к литературе украинской, взять Гоголя, так у него там слово „жид” — это звучит не ругательно, не оскорби-тельно, а, так сказать, это есть определение национальности на-рода. Есть такая украинская песенка „Продам тебе, жиде рудо-му”. Такая шуточная песенка. Это звучит, значит, не оскорби-тельно, просто, продам тебе, еврею рыжему, да, вот. Но это вот такой эпизод, значит, он запечатлелся в моей памяти, потому что он, так сказать, был, ну, противоречие с нашей практикой, с нашей привычкой, значит. Ну, это был факт.

Ну, ребята были хорошие, значит, я сейчас забыл многих фамилии, значит, но это были люди, которые прошли тюрьмы польские. Это были проверенные коммунисты и прочее. Но про-верены они были жизнью... но коммунистическая партия эта была распущена и польская, и коммунистическая партия была распущена КПЗУ, значит, поэтому эти люди в нашем понимании они требовали проверки. Те хотели механически, что они, так сказать, коммунисты, они это звание завоевали в борьбе, в клас-совой борьбе, и многие из них имели за плечами тюрьмы польс-кие, значит, поэтому... какая еще может быть проверка. Но к этому времени у нас уже, так сказать, было другое понятие. И поэтому многие смотрели на этих людей, которые заявляли, значит, что это как неразоблаченный агент. Поэтому их не толь-ко надо проверять, но проверять под особой, так сказать, лупой, значит, и проверять и выявлять, значит. И, видимо, очень мно-гие из них, значит, попали потом, получивши освобождение от нашей армии советской, попали потом в наши советские тюрьмы, значит. К сожалению, но это так. И, безусловно, были там прово-каторы, наверно, были там провокаторы, были, но нельзя же рассматривать, значит, каждого человека, который, так сказать, с открытой душой приходил к нам, значит, что это подосланный, что это агент, что он приспосабливается, втирается в доверие и прочее и прочее. Значит, это порочный круг, значит, если ос-новываться на этом круге, то к чему это приведет? Ну, к чему это приведет, об этом будет... уже была речь, я уже об этом

высказывался, записывал... И дальше я еще это дело продолжу.

Как же польское население реагировало? Польское население реагировало очень болезненно. И это мне понятно. В-первых, поляки считали... не считали, а это факт, они лишились государственной самостоятельности. Не только самостоятельности, но раздроблены были, а это, они говорили, какое по счету там, третий раздел Польши. Уже два было раздела раньше, теперь третий раздел. И опять же... кто делит? Раньше делили Германия, Австрия и Россия, а теперь разделились, так, грубо говоря, надо рассматривать, как со стороны эти вопросы оценивались людьми, которые были против этого, против этой нашей акции — они говорили, что опять Россия разделила Польшу, то есть раздавила независимость поляков и разделила ее, значит, между собой и Германией. Вместе с Германией.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и правительство Германии, руководствуясь желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительство обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке дружеского обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За правительство
Германии
И. Риббентроп

● Обложка журнала «СССР на стройке», посвященная воссоединению Западной Украины и Западной Белоруссии с Советским Союзом. 1940 год.

СЕКРЕТНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ

По случаю подписания Договора о Ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва, 23 августа 1939 г.

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

ОБ АВТОРАХ

Людвик Вацулик —

чехословацкий писатель. Родился в 1926 г. В молодости — рабочий; в 1950 г. закончил факультет журналистики Высшей школы политических и общественных наук; был редактором издательства „Руде право“ и сельскохозяйственного еженедельника; с 1965 г. — редактор газеты „Литерарны новины“ („Литературная газета“), где работал до закрытия газеты в 1969 г. В 1967 г. был награжден премией издательства „Чехословацкий писатель“, в 1976 г. — премией имени Джорджа Орвелла. В настоящее время живет в Праге.

Зденек Млинарж —

родился в Чехословакии в 1930 г. В 1946 г. вступил в партию. В период с 1950 по 1955 гг. учился в Московском университете им. Ломоносова на юридическом факультете. После окончания университета короткое время работал в Генеральной прокуратуре в Праге, потом в Академии Наук ЧССР.

С 1956 по 1968 гг. работал научным сотрудником Института государства и права АН ЧССР. В 60-е годы был секретарем юридической комиссии при ЦК КПЧ. В 1968 г. Млинарж был избран вначале секретарем ЦК, а позже членом политбюро ЦК КПЧ.

После советской оккупации Чехословакии Млинарж отказывается от всех занимаемых им партийных должностей (ноябрь 1968 г.) и переходит на работу в энтомологическое отделение Национального музея в Праге. В 1970 г. был исключен из партии. Он был одним из первых, подписавших „Хартию—77“. В том же, 1977 г. Млинарж эмигрировал на Запад. Он — автор многих работ, значительная часть которых переведена на западные языки. Книга „Холодом веет от Кремля“, в которой рассказывается о Пражской весне и оккупации Чехословакии, была издана по-русски в издательстве „Проблемы Восточной Европы“ (1983 г. и вторично в 1988 г.).

Борис Кагарлицкий —

родился в 1958 г. В 1980 г. был исключен с 5-го курса Государственного института театрального искусства в Москве из-за участия в журнале „Левый поворот”. Автор книги „Диалектика надежды”, переданной по самиздатским каналам на Запад. За принадлежность к группе „молодые социалисты” был арестован (6 апреля 1982 г.), но спустя год с лишним освобожден по помилованию. Живет в Москве.

Ян Винецкий —

родился в 1938 г., изучал экономику в Центральной школе планирования и статистики Варшавского университета. В 1971—1973 гг. возглавлял отдел экономических наук Центра научной, технической и экономической информации в Варшаве. С 1973 г. — научный сотрудник варшавских научно-исследовательских институтов. В 1977—1985 гг. — исполнительный секретарь комитета по международным экономическим проблемам футурологического проекта польской Академии наук „Польша, 2000 г.”, автор книг и научных статей, опубликованных как в Польше, так и на Западе.

Владимир В. Кусин —

родился в 1929 г., получил образование в Высшей школе политических и экономических наук и в Карлове университете в Праге. В 1968 г. эмигрировал, работал в университетах Великобритании и Японии, несколько лет был директором Международного информационного центра по изучению СССР и Восточной Европы. С 1979 г. работает в исследовательском отделе радиостанции „Свободная Европа” в Мюнхене, с 1984 г. заместитель директора этого отдела. Автор нескольких книг, среди них: *The Intellectual Origins of the Prague Spring, Political Grouping in the Czechoslovak Reform Movement, From Dubcek to Charter 77.*

Ян Т. Гросс —

родился в 1947 г., профессор социологии университета Эмори в США, автор книг *Polish Society Under German Occupation, Revolution from Abroad. Sovietization of Western Ukraine and Western Bielorussia. 1939—1941.*

Милан Гибл —

чешский историк и политик, ректор Высшей политической школы при ЦК КПЧ в Праге, член ЦК КПЧ в период реформ в Чехословакии. Активно добивался возвращения в политическую жизнь Густава Гусака, политзаключенного в 1951—1960 гг. После вторжения иностранных армий в Чехословакию в августе 1968 г. и подавления „Пражской весны” Гусак возглавил КПЧ, и убежденный сторонник реформ Гибл был осужден на многолетнее заключение. Ныне принимает активное участие в борьбе за улучшение политических, экономических и социальных условий в Чехословакии.

Заказы на журнал “Проблемы Восточной Европы”

посылать по адресу:

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

P.O. Box 566

Maspeth, New York 11378

Млинарж требует реабилитации *Пражской весны*

Бонн, 3 мая 1988.

Зденек Млинарж, занимавший во время *Пражской весны* пост члена политбюро и секретаря ЦК КПЧ, призвал сегодня чехословацких руководителей сказать правду о *Пражской весне 1968 г.*, а Москву признать военное вторжение в Чехословакию ошибкой.

Это заявление Млинарж, ныне проживающий в Западной Европе, сделал на пресс-конференции в Бонне, созванной партией *Зеленых* по случаю 20-й годовщины *Пражской весны*. Он выступил по этому поводу также перед депутатами этой партии в Бундестаге.

Млинарж отметил, что нынешние советские реформисты восприняли многие идеи *Пражской весны*, в том числе идею о политической демократии как условии успеха экономических реформ. Советские реформисты, по словам Млинаржа, также осознали, что советская система не может существовать в прежнем виде. Однако, сказал он, в Чехословакии *Пражскую весну* невозможно повторить, потому что за последующие 20 лет изменились и общество и КПЧ.

Млинарж призвал нынешнее руководство КПЧ прекратить лживые заявления о *Пражской весне* как об антисоциалистическом и контрреволюционном явлении и допустить честную политическую дискуссию. Млинарж отметил, что нынешнее руководство КПСС не несет непосредственной ответственности за военное вторжение в Чехословакию в 1968 г., но это не значит, что оно должно утверждать, что в этом повинна Чехословакия. Он подчеркнул, что военное вторжение было осуществлено не чехословацкими, а советскими танками.

Млинарж призвал СССР заявить, что вторжение в Чехословакию было политической ошибкой, которая не должна повториться. Он указал, что такое заявление продемонстрирует искренность слов генерального секретаря КПСС М.С. Горбачева об общем европейском доме.

Млинарж напомнил, что военное вторжение 1968 г. было трагедией не только для Чехословакии, оно положило начало застою в СССР и активизировало его агрессивность в международной политике, что в настоящее время советское руководство осуждает.

Млинарж положительно оценил тот факт, что по истечении 20 лет стали уделять внимание не только советскому военному вторжению, насильственно подававшему реформы в Чехословакии, но и самой сути чехословацких реформ.

На вопрос о Горбачеве, с которым Млинарж учился в МГУ, он ответил, что если бы Горбачев жил в Чехословакии, он не мог бы быть членом КПЧ, так как его исключили бы из партии как ревизиониста, и вынужден был бы работать истопником. Млинарж сказал, что если Горбачеву удастся укрепить свое положение в СССР, то это приведет к изменениям и в Чехословакии, но не к повторению *Пражской весны*, поскольку в нынешней КПЧ нет активных сторонников реформ и она не пользуется поддержкой народа.